

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Мухаммад АЛИ
Баходыр АХМЕДОВ
Анатолий БАУЭР
Владимир ВАСИЛЬЕВ
Анатолий ЕРШОВ
Николай ИЛЬИН
Абдухаким ФАЗИЛОВ
Раим ФАРХАДИ
Лариса ЮСУПОВА

И. о. главного редактора
Сирожиддин РАУФ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Бахтиёр АЛЛАМУРОД

Редакторы:
Елена ЮРЧЕНКО
Елена ДОЛГОПОЛОВА

Республика Узбекистан
Ташкент

Менглибой МУРАДОВ

МОЯ НЕДЕТСКАЯ ДУША

Повесть

Сердце наполнилось непонятым чувством. И я... побежал вместе с ними, тоже крича: «Папа! Папочка!»

По дороге успел упасть. Все лицо в пыли и грязи, но, встав, я побежал дальше. Ласково и удобно усадив своих детей перед собой, родители, беседа друг с другом, продолжали свой путь на ишаках, не обращая на меня никакого внимания.

А я посреди пыльной дороги остался смотреть им вслед. Сердце наполняли боль и разочарование.

переводы

Алексей ГВАРДИН

Стихи – застывшие мгновенья на холсте

Стихи – не благовония жрецов,
Не приторная патока жеманства.
Стихи – копыта диких жеребцов,
Дробящие и время, и пространство.

.....
Стихи – вращенье жерновов времён,
Затишье перед бурей ли... распадом...
Грех первородный и последний стон.
Всевидящего ока капля яда.

ПОЭЗИЯ

Владимир КАРАСЕВ

философия искусства

КОГДА БЕЗМОЛВСТВУЮТ ПРОРОКИ...

Эссе

Творчество Медата Кагарова – пример истинно узбекского национального искусства, которое базируется на живописи Афрасиаба, Варахши, Пенджикента, Топрак-калы, Халчияне, Кургантепе, Дильберджине, Балалык-тепе, Минг-ой, Бамиане, Уструшаны и ряде других древних археологических объектов.

Изумительные по содержанию полотна Кагарова могут сказать об Узбекистане такое, что и десяток заумных академий не сможет выразить.

проза

Ариадна ВАСИЛЬЕВА

КАМЕНЬ САИДБЕРДИ

Рассказы

А место само по себе было чудесное. Поросший арчой противоположный, «заречный», склон уходил в небеса. Циклопические скалы образовывали фантастические фигуры. Особенно при лунном свете там можно было увидеть голову сказочного богатыря, старика с клюшкой, льва или нежный профиль девушки с длинными волосами.

НОВЫЕ ИМЕНА

Марина ХРАМОВА

Рядом с радугой надежды...

Есть люди, что встречаются лишь раз,
И миг навеки затмевает солнце,
От них так пахнет счастьем, что не раз
Хотим вдыхать их... как сосуд, до донца...

Есть две ладони: в них всегда тепло
Лицу, ими объятому так нежно,
Что пламенная вспышка неизбежна,
И память сердца, будто под крыло...

караван истории

Рубен НАЗАРЬЯН

«САМЫЙ ОБЫЧНЫЙ ГЕНИАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Поливанов показал себя тюркологом самого высшего класса: он не только описал множество диалектов и говоров узбекского и других тюркских языков, но и активно включился в дискуссию о диалектной базе узбекского литературного языка. Трудно переоценить тот огромный вклад, который внес этот блестящий ученый в изучение узбекского языка и его диалектов. Евгений Дмитриевич участвовал в лингвистической переписи населения и в национальном размежевании Туркестана, создавал вместе с другими лингвистами и педагогами учебники, программы и другие методические материалы.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕВОДЫ

- Мухаммад Али.** Умаршейх Мирза. Книга вторая романа-эпопеи «Амир Темур Великий». Перевод с узбекского М. Али и С. Камиловой.5
Менглибой Мурадов. Моя недетская душа. Повесть. Перевод с узбекского Р. Ашрапова.127

ПОЭЗИЯ

- Алексей Гвардин.** Стихи – застывшие мгновенья на холсте. 50
Раим Фархади. Песни и посвящения.118
Валентина Титова. Давайте жить в гармонии с природой. .143

ПРОЗА

- Вера Вавилова.** Осенний блюз. Рассказ.54
Ариадна Васильева. Камень Саидберди. Рассказы.61
Наталья Крофтс. Последний хранитель кипу. Рассказ.105
Нариман Искандаров. Оставьте их суду времени... Рассказ. 108

НОВЫЕ ИМЕНА

- Марина Храмова.** Рядом с радугой надежды.57
Леонид Шифман. Каноны просветления. Рассказ.59

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

- Владимир Карасев.** Когда безмолвствуют пророки...87

КАРАВАН ИСТОРИИ

- Рубен Назарьян.** «Самый обычный гениальный человек».112

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- Мухаммаджон Холбеков.** Алишер Навои в европейской ориенталистике.122
Давлятбек Саъдуллаев. Газель – жемчужина поэзии.140
Оксана Гибралтарская. Булгаковский код Зульф리카ра Мусакова.146

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

- Николай Ильин.** Нам с вами по пути... (Поэзия Геннадия Кима).132
Геннадий Ким. Прекрасна жизнь, пока любовь жива. ..137
Хроника литературной жизни.152

На 2-ой, 3-ей и 4-ой страницах обложки журнала картины Медата Кагарова.

Материалы в рамках гранта «Популяризация культурно-исторического наследия Узбекистана, произведений классической и современной узбекской литературы» отмечены эмблемой Общественного фонда при Олий Мажлисе.

Звезда Востока

2016 № 2

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Reg. № 0296
06.09.2007 г.

Адрес редакции:

100027. Ташкент, ул. Узбекистанская,
д.16 А (5 этаж).

Тел: 245-27-87.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru

web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет

Мадина Абдуллаева

Подписано в печать 31.03.2016 г.

Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.

Усл. п.л. 13,3. Уч.изд.л. 14,86

Тираж 970 экз. Заказ

Цена договорная.

Отпечатано в типографии

ИПТД имени Гафура Гуляма.

г. Ташкент, Шайхантахурский район,

ул. Лабзак, д. 86

Редакция журнала уведомляет авторов о том, что к рассмотрению принимаются рукописи, выполненные в компьютерном наборе.

Набор текста в любом формате с приложением электронного варианта и распечаткой.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Перепечатка без согласия редакции не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока» обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

переводы

АМИР ТЕМУР ВЕЛИКИЙ

Роман-эпопея

КНИГА ВТОРАЯ

УМАРШЕЙХ МИРЗА¹

Глава первая

1

От Сырдарьи и западных гор Тангри до Днепра, который греки называют Борисфеном, простираются бескрайние степи и пустыни. Могущественные ветры играючи перегоняют по голым степям с севера на юг шары перекати-поля. Не один месяц проходит, пока они с берегов реки Яик² достигают побережья Хорезмского моря, именуемого и озером Жейхун, и Аральским морем. А потом, превратившись в вихрь, начинают со свистом кружиться по необъятной пустыне Дашти Кипчак...

Эти места называются Жужи улус.

Летом 1376 года по христианскому летоисчислению хан Ак Орды Урусхан собрал в городе Хаджитархан высший курултай³. Этот величественный город располагался на левом побережье Волги, в двадцати верстах от Хазарского моря.

На огромной площади у прекрасного дворца хакима⁴ Хаджитархана, гордо возвышавшегося в центре города, суэта, многолюдно.

Джигит лет двадцати восьми – тридцати с родинкой в горошину на кончике носа вплотную подъехал к одному из охранников и, натянув поводья пофыркивающей лошади, спросил:

– Откуда ты, бахадур?

– Знаешь известного мангышлакского амира Туйходжа-оглана?.. Знаешь. Я из тех мест, бахадур. Я воин прославленного сына Туйходжи, света его очей великого Тохтамыш-оглана! Служил я у многих амиров, но теперь нашел самого достойного. Меня зовут Тармачук. А ты сам откуда, можно узнать?

Высокого роста стражник с достоинством прокашлялся и сказал:

– Из Сарай-Берки!

– Из Сарай-Берки?

– Да-а, из того самого. Ты слышал о знатном амире улумара Идику-мангите⁵ из Жужи улуса⁶?

Мухаммад АЛИ

Народный писатель Узбекистана. Родился в 1942 г. Поэт, прозаик, публицист, переводчик, автор более тридцати произведений. Председатель Союза писателей Узбекистана. Лауреат Государственной премии.

¹ Журнальный вариант.

² Яик – древнее название реки Урал.

³ Курултай – общее собрание предводителей племен и родов.

⁴ Хаким – правитель города.

⁵ Мангит – название тюркского племени.

⁶ Улус – название большого феодального образования, родо-племенное объединение.

– Слышал, слышал... Ох-хо, кто не слышал об этом великом амуре...

– Я из его воинов. Мое имя Кукаман, иногда кличут богатырь Кука. Называй меня Кука... просто Кука.

– Курултай долго продлится? – спросил Тармачук, засмотревшись на его родинку, устройшуюся на кончике носа.

– Наверное, долго, – Кукаман несколько минут помолчал. – Ты знаешь, кто из бахадуров участвует? Я многих не знаю... Невозможно всех запомнить. Очень много народу... Урусхан, став во главе Жужи улуса, объединив две орды¹, стал могущественным... Вай-вай!..

– Да, наш хан стал могущественным... – Тармачук многозначительно улыбнулся. – Видел его детей – великого воина Темура Малика, Кутлуг-буга, Тухтакя!? Если начнешь считать славных батыров Жужи, со счету собьешься!

– Ие, а ты всех знаешь!

– Я всех знаю... – сказал Тармачук, а потом прошептал: – Скажу тебе по секрету, Тохтамыш-оглан собрал вокруг себя лучших воинов, способных одолеть любого врага в округе... Алибек-кунграт стоит десяти смельчаков, а силач Окбуга-бахрин одной рукой поднимает одиннадцать пудов. Про Урунга Темура, Исабека я уже и не говорю... А богатырь Элиймиш...

– Значит, Тохтамыш-оглан тоже здесь? – прервал Кукамана Тармачук.

– Здесь, рядом с его высокородием Туйходжа-огланом. Он никогда не оставляет своего отца. Умный парень. Всегда рядом. Все здесь, во дворце.

– Я слышал о Тохтамыш-оглане, – задумавшись, сказал Кукаман. – Говорят, он храбрый и умный джигит. Его величество Идику-мангит восхищается им. Говорит, вот такого бы сына...

– Говорят, хаким Моголистана амир Камариддин тоже здесь, но я его не видел.

– Так, значит, и амир Камариддин здесь? – едва слышно спросил Кукаман. – Глянь, весь мир собрался. Столько вельмож, что они, интересно, будут там обсуждать...

– Не знаю, бахадур.

Внезапно объявленный курултай в Хаджитархане был неожиданностью не только для этих двух воинов, но и для государственных сановников, сидящих, скрестив ноги, в просторной приемной роскошного дворца. Все достопочтенные именитости – вельможи и амиры, нуёны и беки, военачальники и воеводы – держались наменно и важно, словно от них зависела судьба мира.

Когда великий Батухан, сын Жужихана, основывал Кок Орду в 1227 году по христианскому летоисчислению, на берегу Идиль была построена столица Сарай-Бату. Через двадцать восемь лет правления Батухана престол занял его брат Баракахан, который перенес столицу на север в новый город Сарай-Берка, а некогда значительный Сарай-Бату вскоре потерял свое прежнее величие.

Южной частью Улуса управляли потомки сына Жужихана Урды Иченхана. Подчинялись они центральному правителю, но в душе всегда лелеяли мечту о независимости. Вот тогда и появилась Ак Орда. Столицей Ак Орды стал город Сигнак с великолепной крепостью на побережье Сырдарьи. Между городами Сарай-Берка и Сигнак началось негласное соперничество, особенно при правлении Урусхана. Все удивлялись, откуда появилось имя Урусхан? Одни утверждали, что из-за того, что он якобы родился рыжим, другие, что его мать – русская принцесса. За глаза его все величали Сарикханом...

Посередине приемной на небольшом возвышении установлен золотой трон. Над ним на стене висит огромная голова оленя с ветвистыми рогами.

На троне величественно восседает Урусхан и, не отрывая взгляда от Сарай-Бату, горько вздыхает. Да, каким же мощным был когда-то Жужи улус, наводил ужас на Азию и Европу! Даже гордые русские князья платили ему дань. Но уязвимым местом в ханстве стало то, что Жужихан всем своим четырнадцати сыновьям пожаловал

¹ Орда – разновидность государственного объединения нескольких кочевых племен под властью одного хана.

по одной области, то есть власть как бы рассредоточилась в руках у четырнадцати правителей.

Жужи улус таким образом с самого начала стал бесконечно дробиться на мелкие улусы. Прадедушка Урусхана Тукай Темурхан был тринадцатым сыном Жужихана и вот именно ему была пожалована область Хаджитархан. Может, поэтому Урусхан был неравнодушен к Хаджитархану, считая его своим наследством, и любил, в отличие от Сигнака, частенько бывать здесь. Может, поэтому и курултай был назначен именно здесь.

II

...В начале четырнадцатого века анархия и произвол подорвали могущество Жужи улуса. У Урусхана сжималось сердце при мысли о тех печальных временах. Его предки – потомки великого Чингисхана – вместо того, чтобы объединиться, враждовали и ненавидели друг друга. Эх, как жаль!

Периодически случавшиеся восстания сотрясали улус, как жалкий лист на ветру. Благо, что в 1312 году пришедший к власти Узбекхан прекратил раздоры и смуту. Султан Мухаммад Узбекхан объединил Ак Орду с Кок Ордой, возвратив былую мощь великой державы, и правил тридцать лет. Это государство было известно миру сначала как Жужи улус, а потом как Золотая Орда.

Урусхан хотел быть похожим на Узбекхана и правил, опираясь на опыт своего предка, очень похожего на Чингизхана...

Второй сын Узбекхана Жонибек старался еще более укрепить могущество Жужи улуса, однако был убит заговорщиками в 1357 году. И в стране вновь разгорелись раздор и смута. Ханы сменялись один за другим, и за короткое время на престоле побывало около двадцати пяти ханов.

Была очевидной необходимость объединения Ак Орды с Кок Ордой, чтобы воскресить былое величие Жужи улуса! Сила и власть державы должны быть восстановлены как при Узбекхане! Теперь Урусхан должен был из разрозненных и ослабевших улусов создать сильную державу! Двенадцать лет, начиная с 1364 года со дня восшествия на престол, Урусхан занимался лишь объединением улуса. И сейчас, как и во времена Узбекхана, его войска были и в Кок Орде, и в Ак Орде, междоусобицы и вражда стихли.

Но дело было не только во внешних врагах: принцы-чингизиды, скрывая свои притязания на престол, временно затаились, внешне были дружелюбны и миролюбивы, но в глубине души люто ненавидели друг друга... Урусхан знал об этом. Внутренняя вражда, подтачивающая страну, должна быть искоренена...

Во дворце стояла мертвая тишина. Прошло достаточно времени, все смотрели на Урусхана, задумчиво созерцавшего вид из окна, и ждали начала курултая. Никто из присутствующих не осмеливался заговорить. А хан страны, казалось, забыл и о присутствующих, и о важном собрании.

Наконец государь перевел глаза на достопочтенных мужей, стоящих по обе стороны трона, и стал неторопливо разглядывать каждого. Острый взгляд правителя пронзал как стрела, заставляя вздрагивать.

Внезапно кто-то из присутствующих нарушил тишину, крикнув: «Да здравствует великий хан!». Все, как по команде, закричали, воздавая хвалу Урусхану:

- Долгих лет жизни!
- Здоровья и благоденствия нашему великому хану!
- Убереги, Господь, великого хана от бед и напастей!
- Наш улус станет великим!
- Станет могущественным!
- Уруус-ха-а-ан! Уруус-ха-а-ан! Уруус-ха-а-ан! – кричали слева.
- Уруус-ха-а-ан! – вторили справа.

Все стоя приветствовали хана, воодушевленно вскидывая руки вверх.

Только один коренастый амир, стоявший чуть поодаль, наморщив лоб и сдвинув редкие брови, с ненавистью смотрел на скандировавших. Не боясь, что его услышат, он презрительно прошептал стоящему рядом юноше:

– И что ты на это скажешь? – его голос был тонким и неприятным. – Они все сошли с ума, Тохтамыш-оглан?.. Смотри, сынок! У всех помутился рассудок. Все, как сытые петухи, кукарекают, прославляя этого рыжего!..

Тохтамыш-оглан, оглядевшись, тихо ответил на ухо:

– Потише, достопочтимый отец! Вокруг столько ушей! Они не дремлют...

Среди шума и гама их, слава богу, никто не услышал. Туйходжа-оглан, резкий и прямолинейный от природы, усилием воли сдержался, чтобы не показать свое отношение к Урусхану.

Хаким Мангкишлака и раньше на собраниях спорил с государем, выражая свое несогласие. Он считал, что Урусхан – дряхлый старикашка, по которому могила давно плачет – обманным путем захватил престол, не имея на то права.

По правде говоря, они были близкими родственниками, в их жилах текла одна кровь, тринадцатый сын Жужихана Тукай Темурхан обоим приходился дедушкой!

У Тукая Темурхана было четыре сына. Бахадур Туйходжа – потомок его первого сына султана Авранга Мамура, а Урусхан – отпрыск второго сына Уза Темурхана... Престол должен был по справедливости принадлежать потомкам первого сына... Поэтому бахадур Туйходжа-оглан так злился и завидовал. Урусхан – враг не только Туйходжа-оглана, но и всех чингизидов... Отыявленный пройдоха, хитрец и мошенник... Но очень умный и опасный! Эх-хе! Столько времени длится их вражда...

Его мысли прервал величественный голос Урусхана:

– Предводители салтаната!..

Во дворце воцарилась тишина.

– Предводители салтаната! Вы, наверное, догадываетесь, почему мы собрались на курултай? Не буду вас томить! Неделю назад мне приснился сон, что наши великие деды – Чингизхан и Узбекхан – прогуливаются вместе. Великий Чингизхан когда жил? А Узбекхан? И они вместе? В чем смысл? Это удивительный знак... Великий Чингизхан говорит Узбекхану: «Сабля моя никогда не знала покоя, я завоевал весь мир. Я передал вам ключи от всего мира... Неужели вы не в состоянии удержать то, что уже завоевано? Мир, как рыба, выскользнул из ваших рук! Почему вы допустили это?.. Как вы могли это позволить? Растяпы, бестолочи!..» Узбекхану нечего было сказать в ответ, он стоял, опустив голову... А я стоял неподалеку. Они не видели меня. Вот такой мне приснился сон...

Во дворце воцарилась тишина. Урусхан – крепкий шестидесятипятилетний мужчина в теле, с узкими глазами, небольшим лбом – от ресниц, сросшихся бровей до густой бороды и волос, торчавших из-под короны, был рыжим. К тому же был вспыльчивым и жестоким. Когда он гневался, его лицо становилось похожим на горящий факел: брови и ресницы вытягивались вверх, кончики длинных усов попадали в рот, и их обладателю приходилось говорить с придыханием, обдавая стоящих вблизи горячим воздухом.

– Великий правитель Чингизхан не доволен нами... Я потерял покой с тех пор, как увидел этот сон. Жужи улус затянуло трясинной внутренних раздоров и междоусобных конфликтов. Где тот великий и могущественный, известный на весь мир салтанат Жужи? Чингизиды, как последние дворняжки, собачатся, исподтишка кусают друг друга, стали посмешищем на весь мир. Страна раздроблена... Кто это понимает, кто осознает? Есть кто-нибудь, кто об этом хоть на минуту задумывается? Эй! – Урусхан неожиданно перешел на крик, тыча пальцем в собравшихся. – Ты, разве не обнажал свой меч против своих, позорник? А ты не предавал его, рыча и брызжа слюной? А ты?.. Не клеветал на того? А не ты ли пил кровь вот этого? Когда это закончится?.. Я знаю вас! Чем живете, чем дышите, дворняги, возомнившие себя львами!..

Участникам курултая было не впервой слышать подобные обидные речи. Перечить было бесполезно, опасно и чревато. Урусхан таких приказывал тут же казнить.

Хотя речь Урусхана и не была адресована кому-то лично, однако она касалась каждого и задела за живое всех присутствующих.

Но никто не посмел возражать...

Только Туйходжа-оглан, переминаясь с ноги на ногу, еле слышно шептал: «Сам ты собака, рыжий! Сам ты дворняжка рыжая!» Тохтамыш-оглан обеспокоенно поглядывал на него.

Потом Урусхан напомнил, как сложно было объединить Ак Орду с Кок Ордой, что великие предки помогли ему, сказал, что ему ни славы, ни богатства не надо, ему достаточно быть рядом со своей семьей и детьми. И он старается изо всех сил сохранить и преумножить славу великого Чингисхана, славу наших великих предков! И сейчас главная задача всех чингизидов – восстановить былую славу Жужи улуса, совершить великий поход на Московию. Нужно расширить границы Золотой Орды, восстановить ее прежнее могущество! Когда-то вся земля на западе до Византии, на севере до русских княжеств, на востоке до берегов Иртыша, а на юге до Дарбанда принадлежала ей. А сейчас? Какой-то амир в Туране – безродный хромой Темур – возомнил о себе бог весть что, самовольно завоевал Хорезм, не дает продыху нашему другу из Ферганской долины Амиру Камариддину... Если так и дальше пойдет, завтра он и нам предъявит свои требования...

– Вы вспомнили о хромом Темуре, но он резвее здоровых... – не выдержав, связвил Туйходжа-оглан, желая показать всем, что может смело выказывать свое недовольство. Он был как на иголках, слушая обвинительные речи Урусхана.

Все, как по команде, повернулись в сторону, откуда послышался голос. Присутствующим было известно, что правитель Мангишлака Туйходжа-оглан давно мечтал занять трон Жужи улуса. Урусхану это тоже было хорошо известно, но он не обращал на это особого внимания...

Когда-то Туйходжа-оглан попытался воспользоваться тяжелым положением Золотой Орды и, собрав единомышленников, хотел захватить Сарай-Берку, однако, узнав, что столицу уже занял Урусхан, понял, что он, растяпа, опоздал, ему пришлось надолго зайти. И вот теперь вместо того, чтобы государством править, сильный и бесстрашный воин Туйходжа-оглан должен слушать назидания этого хилого мямли-правителя...

– Ваше величество! – насмешливо воскликнул Туйходжа-оглан. Все с удивлением смотрели на дерзкого чингизида. – Вообще-то идти на Московию нет смысла... С чем мы пойдем? Сейчас мы даже один шелчок сделать не способны. Только опозоримся! Нужно по одежке протягивать ножки! Конечно, мы – великое племя, потомки Чингизхана, но мы истощены... Присоединили Кок Орду... А это нужно было? И Ак Орды достаточно! Хватило бы сил, чтобы превратить Ак Орду в сильное государство... Поход на Московию или на Мавераннахр будет похож на действия мышки, для которой тесна ее норка, и она мечется с привязанным к хвосту решетом. Мышка с привязанным к хвосту решетом, для которой тесна ее норка. Хе-хе-хе... Ха-ха-ха...

Одиноко прозвучавший ядовитый смех Туйходжа-оглана быстро смолк.

Тохтамыш-оглан почувствовал себя меж двух огней. С одной стороны, он был преисполнен гордостью за бесстрашно говорившего отца, с другой – сердце трепетало от тяжелого взгляда Урусхана, заставляющего замереть от страха. За этой сценой в оцепенении наблюдали стоящие рядом.

– Что себе позволяет этот подлец?.. Проклятый!.. Что он такое говорит? – вмешался Казанчи-бахадур, один из джигитов младшего сына хана Темура Малика. – Государь! Кажется, правитель Мангишлака хочет умереть, как мышь... Почему-то он заговорил о ней. Только и слышно: мышь, мышь... Разорвать мышку на тысячу клочков?..

– Нужно заткнуть рот этому сумасшедшему, ваша светлость! – крикнул сын Урусхана Тухтакиё. – Что-то он растягивался... Разрешите!..

– Отрубить голову! – крикнул другой сын хана Кутлуг-Буга.

– Отрубить! Отрубить!

– Уничтожить! Уничтожить! – послышалось со всех сторон.

Поднялся шум. Темур Малик – худощавый, с красивым лицом, но неуверенный молодой человек, сидевший в окружении нукеров, торопливо оглянулся на трон. Зачастую правитель, впав в ярость, задыхаясь от злости и негодования, иногда терял дар речи. Вот и сейчас он молчал, сузив свои и так узкие глаза.

Правитель Мангкишлака Туйходжа-оглан никогда не нравился его высочеству, об этом Темур Малик догадывался.

Вот если бы он сейчас приказал своим ребятам отрубить голову Туйходжи оглана, то его отец был бы только рад, что избавился от коварного врага. До каких пор этот высокомерный амир будет наглеть? Кто он?.. Кто?..

Ноздри Темура Малика расширились от ярости, его узкие глаза заискрились гневом. Он выразительно посмотрел на Казанчи-бахадур, как бы говоря: «Что же ты сидишь сложа руки?..» Тот словно ждал приказа – с двадцатью нукерами кинулся к Туйходжа-оглану, скрутив ему руки. Застигнутый врасплох Тохтамыш-оглан закрычал и бросился на них, как лев:

– Стойте! Что вы делаете? Куда? Куда?

Кто-то с силой оттолкнул его, то ли кулак, то ли что-то еще обрушилось на его голову. Придя в себя, Тохтамыш-оглан обнажил саблю и бросился на Казанчи-бахадур, который зычно отдавал приказы: «Свяжите его покрепче! Засуньте ему кляп в рот! Держите крепче этого подлеца!». Казанчи-бахадур ловко ударил Тохтамыш-оглана по руке и, поймав выскользнувшую саблю, спокойно передал ее бедняге Тохтамыш-оглану, добродушно приговаривая:

– Ты это береги, парень! Зря не махай! Она тебе еще пригодится! Воспользуешься ею, но в другом месте!

Готовые вступить в бой Алибек-кунгират и Окбуга-бахрин, увидев это, застыли в нерешительности. Султан Махмуд ибн Кайхусрав и Махмудшах Бухари тоже заколебались.

Поодаль между нукерами Тохтамыш-оглана и воинами пахлавана Казанчи-бахадур завязался бой, сражающиеся перемешались то в одну, то в другую сторону дворца. Началось столпотворение, ничего нельзя было разобрать: кто-то беспорядочно махал руками, кто-то пустился в рукопашную, кто-то кусался... Приемная превратилась в жужжащий улей.

Нукеры Казанчи-бахадур, никого не подпуская к связанному Туйходжа-оглану, поташили его к выходу.

– Пойдемте, принц! – прошептал Алибек-кунгират, взяв за рукав Тохтамыш-оглана. – Здесь оставаться опасно! Давайте побыстрее выберемся отсюда! Нам надо подумать, как вызволить вашего отца! Бог даст, мы его освободим! Вперед!..

Окбуга-бахрин поддержал его.

В этот момент кто-то протиснулся к ним и еле слышно сказал:

– Уходите скорее! Быстрее уходите! Если не уйдете... погибнете!

Тохтамыш-оглан понял, что перед ним высокопоставленный человек, но все-таки спросил незнакомца:

– Кто вы, господин?

– Я Идику-мангит...

Тохтамыш-оглан и его приятели бросились вслед за Туйходжа-огланом.

Глава вторая

I

Живописные улицы Самарканда – столицы великого салтаната – заполнены людьми в синих траурных одеждах.

...Злой рок!.. Самый любимый сын Джохангир Мирза в свои двадцать лет попросился с миром. И это судьба?! И что теперь? Как выдержать все это, как избавиться от страданий? Кто ему, кроме Аллаха, поможет? О Господи, помоги мне, дай силы, только на тебя уповаю...

Горе Амира Темура не знало границ. Он не мог скрыть своих страданий, совсем обессилев от безжалостного удара судьбы. Казалось, горе всерьез взялось за него и не отступало. Вот уже три дня, скрывшись в Боги Чинаре и приказав Мухаммаду Чурагадодхаху никого к нему не впускать, он ничком лежал на полу, отрешившись от всего.

И только вечером третьего дня Амир Темур, исполненный горем и болью, не выдержал и разрыдался. Все... Джахангир Мирза ушел навсегда. Постигнув эту страшную правду, он не мог сдержаться слез. Отвернувшись от Сараймулькханум, задремавшей у его ног, Амир Темур уткнулся в подушку. Бархатная подушка молча принимала его рыдания, воротник вымок от слез...

В последнее время осунувшаяся, но не подурневшая царевна стала молчаливой. Время от времени, входя в комнату к Амиру Темуру, она гладила голову мужа, растирала плечи... Молчала, не тревожила... Только мысленно повторяла: «Господи, дай ему сил! Господи, помоги ему!» А потом подолгу в задумчивости сидела у ног своего повелителя с закрытыми глазами, беззвучно читая суры из Корана, шевеля красивыми рубиновыми губами...

Очень переживала за Амира Темура и его старшая сестра Кутлуг Туркан-ока... Она считала, что если дело так и дальше пойдет, то в стране могут начаться беспорядки. По некоторым сведениям из Жеты Одилшах-жалайир, получивший тумакот от Амира Темура и сбежавший в Дашти Кипчак, собрал войско и рышет в ближайших горах. Если он услышит о случившемся несчастье, тут же двинется на Самарканд.

А Камаридин издавна претендует на Туран... Амир Темур несколько раз ходил походом на Жету, но не смог усмирить этого скандального амира. Хитрый Камаридин, как только увидит доблестные войска салтаната, тут же убегает в горы и отсиживается в какой-нибудь пещере, пока все не стихнет. А потом опять начинает свои подлые игры: приходят сведения, что он завоевал Андижан – собирают войска, а он вновь сбегает... И эта катавасия длится до сих пор...

– Сулейманшах, – наконец, обратилась Кутлуг Туркан-ока к Амиру Довуд-дуглату, обеспокоенная происходящим. Они стояли с мужем в приемной Куксарая. – Амир Сахибкиран так удручен горем, пусть Аллах спасет и сохранит его, так страдает... Хотела его поддержать, но он никого не хочет видеть, все твердит, что ему ничего не нужно. Совсем забросил государственные дела. Вы там не сидите сложа руки! В конце концов...

В это время вошли как в воду опушенные Умаршейх Мирза и Амир Сулейманшах. Кутлуг Туркан-ока сердечно расцеловала молодых людей, Амир Довуд-дуглат крепко стиснул их в объятиях. От горя и тревоги за здоровье Сахибкирана молодые осунулись и были похожи на несчастных птенцов, выпавших из гнезда.

– Что же нам делать, бабушка?.. Что будет?.. Почему Его Величество Сахибкиран... почему так... Пусть побережет себя... – горевал Умаршейх Мирза, едва сдерживаясь, чтобы не расплакаться.

Он не встретил еще своей красавицы, не страдал по ночам в любовном томлении, как его старший брат Джахангир Мирза, у него не было любовных приключений, как у юношей его возраста. После смерти брата он стал более сдержанным и серьезным. О чем бы ни шла речь: об Амире Темуре, о салтанате или о Самарканде, царевич внимательно прислушивался, чувствуя свою ответственность за все, теперь уже как старший сын.

– Даст Бог, Сахибкиран скоро придет в себя, мой принц!.. – стала успокаивать Кутлуг Туркан-ока.

– ...Э, не-е-ет, вы что, дорогая, мы не будем сидеть сложа руки! Конечно, не будем сидеть без дела! – подал голос Амир Довуд-дуглат, инстинктивно поглаживая рукоятку сабли. – У меня тоже голова кругом, душа ноет от безысходности... Эх, Джахангир Мирза! Джахангир Мирза! Он был опорой и надеждой Сахибкирана! Если б я мог облегчить страдания Темурбека! Но, увы! Что может сделать человек? Остается лишь уповать на Бога, родная...

– Вы правы! Безусловно, следует уповать на Бога, я не спорю, однако человек не должен опускать руки. Его величество господин... – Кутлуг Туркан-ока движением руки остановила супруга, пытавшегося что-то сказать. – Пусть его величество

наставник государя пойдут в покои Сахибкирана, дабы поддержать, поговорить, подсказать, сделать наставление... Что бы ни было, он должен поднять дух Темурбека, помочь ему справиться с собой, преодолеть безразличие! Мой бедный брат в четырех стенах совсем скис! Как бы не заболеть ему, – последние слова Кутлуг Туркан-ока произнесла со слезами в голосе.

– Понял, дорогая! Я тоже думал об этом. Хорошо! Я сейчас же найду господина Суюргатмишхана, соберу совет амиров. Попросим дражайшего наставника помочь Сахибкирану прийти в себя и возвратиться к управлению страной.

– С Богом! Да поможет вам Господь! – в глазах Кутлуг Туркан-оки загорелись огоньки надежды.

II

– Ассаламу алайкум...

Войдя в комнату, Мир Сайид Барака увидел, что Амир Темур лежит ничком на полу. У его изголовья сидит Сараймулькханум, Ханзада-ханум и Улус-ока – у ног. Увидев высокочтимого наставника, женщины бесшумно удалились.

Амир Темур попытался встать, чтоб поприветствовать учителя, но Мир Сайид Барака остановил его:

– Не беспокойтесь! Без церемоний... отдохайте!..

– Измучился я, учитель, – обессилено проговорил Сахибкиран.

– Бог не посылает испытаний не по силам. Обратимся к небу и возблагодарим Всевышнего...

Мир Сайид Барака, закрыв глаза, начал читать молитву, перебирая четки. Он, как всегда, внятно выговаривал каждое слово молитвы, временами произнося заклинание «Куф! Суф!» и дотрагиваясь священными четками то до правого, то до левого плеча правителя.

Поведение учителя было неожиданностью для Амира Темура. Он ждал, что его будут увещевать, наставлять, призывать к ответственности перед государством и даже продумал, что ему отвечать, но высокопочтенный наставник ничего не говорил, а просто продолжал читать молитву.

– Аузуу-у-у-у билахина ш-шайтонир ражи-ии-ийм, бисмиллахи – р-рахмонир рахи-и-ийм... Йа-а-а-а-син. Ва-л-Курыани-л-хаким. Инна-а-ака ломина-л-мурсалина а-ала сиротин мутсаки-и-и-ийм¹, – самозабвенно читал учитель любимую суру Амира Темура.

Сахибкиран отрешенно слушал наставника, чувствуя облегчение и успокаиваясь. Закрыв глаза, Амир Темур отдался волшебной мелодии молитвы, ощущая, как тяжелый камень боли тает, как в душе рождается благодать.

Внезапно произошло чудо: комната наполнилась светом, потолок исчез, и Сахибкиран ангелом взмыл к небесам. Что это было? Сон или явь?.. Внизу зелено, он в незнакомом месте, а сверху раскрыло свои объятия небо. Что это? Граница между миром и царством мертвых? Его долго кружило. Он потерял счет времени. День, сто лет, тысячу – он не знал. Ему удалось взглянуть вверх, и он увидел... светящийся ярче тысячи солнц арши аьло – престол Всевышнего! От испепеляющего жара он закрыл лицо руками...

– Хвала и честь вечному Творцу!.. – произвольно прошептал Амир Темур.

Издали послышался монотонный голос учителя:

– ...Иннама-а-а амруху иза арада шайъан ан-йакула лаху кун-фаякун. Фа субханаллазий биадихи малакуту куллу шайбин ва илайхи туржаун...² Аминь! Куф! Суф! Куф! Суф!

Наставник легонько ударил по плечам Амира Темура и радостно произнес:

– Вы пришли в себя, да... Слава Создателю, вы справитесь, Амир Темур!

Амир Темур ощутил прилив сил, желание жить и действовать. Буквально вчера к нему заходил теперь уже старший сын Умаршейх Мирза и на коленях со слезами

¹ Коран. Сура Йасин, 1-4 аят. Клянусь мудрым Кораном, что вы один из посланников Бога, на прямом пути. Это – откровение Сильного, Милосердаго (араб.).

² Коран. Сура Йасин 83 аят. Хвала тому, у кого в руке владычество над всеми тварями; к Нему и вы возвращены будете. (араб.)

на глазах просил его взять себя в руки, да и Амир Сулейманшах, Жаханшах ибн Жаку страдают... Нужно успокоить детей, поддержать... и поберечь...

Высокопочтенный мудрец видел перед собой не просто несчастного правителя, а страдающего близкого друга. Наставник соболезновал этому великому человеку, мечтавшему сделать людей счастливыми в мире, а страну сплоченной. Он подошел к Амиру Темуру и начал разминать ему плечи, спину, массажировать голову. Руки Мир Сайида Бараки были мягкими и теплыми, его энергия и сила волшебным образом передались повелителю.

– Создатель! Дай силы Амиру Темуру, поддержи его! Этим испытанием сделай его еще сильнее! Хвала Аллаху, Господу миров! – вдохновенно произнес Мир Сайид Барака.

Помогая встать Амиру Темуру, великий мудрец продолжал, демонстрируя свое красноречие:

– Сие есть истина. Наш мир хрупкий и непрочный. В этой брэнной жизни нужно жить с благодарностью. Блеск молнии увидишь, но никогда не поймашь... На все воля Аллаха! Неужели вы не знали этого? Неужели не знали, что и ясное небо когда-нибудь затягивается черными тучами? Рядом с радостью и счастьем всегда шагают боль и страдания. Иначе никак. Иначе нет смысла... Испытания и несчастья делают нас сильнее... Самые красивые цветы расцветают среди колючек... Все знают, что рано или поздно мы все предстанем перед Богом...

Амир Темур всем своим существом внимал речам учителя.

– Величие правителей определяют пять качеств, Амир Сахибкиран: человечность и уважение к своему народу, справедливость в правлении, сила и способность защитить свою страну, мудрость и смекалка и, наконец, способность предвидения. Сие есть истина... Уважение к своему народу, почитание предков и пророка Мухаммада, щедрость и справедливость – вот ваша сила. Никогда не забывайте об этом. Вера в Бога – ваш флаг... Страна осталась без присмотра... Садовник должен ухаживать за своим садом, иначе тот зачахнет. Мудрые предки говорили, что уединение и отчаяние правителя – враги государства. Ваша миссия, подаренная Всевышним, священна и не выполнить ее большой грех. По-другому нельзя! У вас нет на это права! Слышите?

– Да, мудрейший... Я все понял... Спасибо, – глухо ответил, опустив голову, Амир Темур.

– Нужно быть благодарным...

– Да, я благодарен, очень благодарен. Благодарен за все, что ниспослано...

Наблюдая, как Амир Темур успокоился, высокопочтенный наставник вдруг почувствовал усталость. Боль, горечь за друга сжимали его сердце, из глаз потекли слезы, казалось, еще минута – и он зарыдает. Но, стиснув зубы, Мир Сайид Барака обнял Сахибкирана, приговаривая «Возблагодарим Аллаха! Возблагодарим Аллаха!»

Так они просидели довольно долго, плечом к плечу, превозмогая душевную боль и тяжесть утраты...

После визита высокопочтенного наставника Амир Темур почувствовал некоторое облегчение, боль не исчезла, но она стала управляема, сменившись великой скорбью. Теперь он был готов заниматься земными делами, видеть и слышать этот мир...

Занимаясь поминками Джахангира Мирзы, Сахибкиран постепенно возвратился и к государственным делам. Оказалось, что Камариддин до сих пор не успокоился и открыто угрожал нападением. А Амир Сарибуга в результате козней сбился с верного пути и почему-то решил сбежать. Вызывает опасение и Урусхан. По сведениям доносчиков, Жужи улус хочет вернуть свое былое могущество.

Жужи улус был самым опасным врагом для Турана, и Амир Темур был вынужден с ним считаться. К тому же хорезмский правитель Юсуф Суфи готовит поход на Хевак и Бухару. А ведь они родственники, сваты... Рано покинувший этот мир престолонаследник Джахангир Мирза был же ему зятем! Вот какое почтение к зятю, уважение к свату! Не уважить святую память зятя! Даже пророк Мухаммад с почтением относился к зятям! Хотя бы в эти траурные дни удержался. И как, интересно, Юсуф

Суфи посмотрит в глаза Ханзаде-ханум? Для принцессы Туран стал родным краем, а она же племянница Юсуфа Суфи, дочь его старшего брата Ока Суфи... Разве можно поднимать меч на родственника? Уму непостижимо... Как понять людей?

Вот снова нужно идти на Жету против неугомонного Камариддина...

Перед походом Амир Темур хотел посетить обитательниц дворца, но, побоявшись, что не сможет найти достойных слов для утешения, отказался от своего намерения. Что он скажет безутешно страдающей невестке Ханзаде-ханум, оплакивающей смерть своего мужа? Как утешит?..

Увы, такова судьба!.. Ее не изменить даже всемогущим царям! Нет, ему не под силу видеть Ханзаду-ханум и других плачущих женщин гарема. И как можно их утешить? Беречь свою рану, когда только-только он с ней научился жить, не стоит, он не имеет права.

Впервые в жизни Амир Темур смалодушничал и под предлогом занятости спешно выехал в сторону Иссик-куля.

Глава третья

I

Наступила осень в Боги Чинаре¹...

Печальный шелест пожелтевших листьев высоких тополей в саду навевал грусть. Опавшая листва на дорожках четырех садов жалобно шуршит под ногами. Садовник не успевает ее убирать, непрерывный желто-красный поток заливает землю.

Бирюзовый пруд с кристально чистой водой в центре сада, так любимый Ханзадой-ханум, казался одиноким и унылым. Осень уже успела похозяйничать и в цветниках: клумба в форме звезды увяла и поблекла...

Сахибкиран перед отъездом не посетил гарем.

Вот уже два месяца длится их разлука, махди улё² беспокоилась, как бы расставание не затянулось на годы. Сараймульханум всегда скучала по супругу, но в этот раз томительное ожидание было невыносимым. Прошло десять дней, затем двадцать...

Через два с половиной месяца гонец от Амира Темура Амир Сулейманшах – косая сажень в плечах – привез известия:

– Воины салтаната, преодолев горы и степи, наконец достигли большого ушеля недалеко от Иссик-куля. Войска сразились с коварным Камариддином, и он с позором бежал, а его люди попали в плен. Его величество Амир Темур преисполнен решимости догнать и схватить этого бунтовщика, и только после этого вернется домой!

– О боже! Сколько же еще продлится поход Сахибкирана, как он найдет врага среди множества пещер?.. – всплеснула руками Сараймульханум. – Он предпринял уже пять походов, чтобы утихомирить этого проклятого злодея... чтоб он провалился, этот мерзавец... и до каких пор он собирается скрываться? Спасают ему жизнь только его позорные бегства ...

Амир Сулейманшах, опустившись на колено на краю супы близ пруда, торопился выполнить поручение государя, ему не терпелось возвратиться обратно, к тому же нужно было еще успеть навестить родителей:

– Ваше величество, махди улё! На рассвете я хочу возвратиться назад. Амир Сахибкиран приказал узнать о положении в столице и делах в гареме...

Сараймульханум кивнула и обстоятельно рассказала обо всех новостях. Царевна знала, как важно Амиру Темуру спокойствие в его доме.

– Ее высочество наша старшая сестра госпожа Кутлуг Туркан-ока здорова, слава Аллаху, постоянно нас навещает. Говорят, память об умерших – святое дело. Провели поминки по Тулин-оке и Менгли-бике, невольницах, умерших еще до трагической кончины Джахангира Мирзы, Сахибкирану это хорошо известно. Дай Бог райской им жизни на небесах...

¹ Боги Чинар – букв. Сад чинар.

² Махди улё – великая колыбель; звание, которое дается самой уважаемой царевне.

Раскосая красавица Улус-ока жива-здорова. Неотразимая Дильшод-ока все так же благонаравна и улыбчива... (хотя бывает и злокой, но об этом царевна промолчала).

Черноглазая невольница Тагай Туркан-ока стала немного капризной, на ее прекрасном лице появилось несколько характерных пятнышек. Хотя она по-прежнему стройна, но у Сараймулькханум не было сомнений, что она забременела... Но об этом царевна не расскажет гонцу, а сама поведает государю и получит суюнчи¹.

Царевна улыбнулась своим мыслям.

За время отсутствия государя Сараймулькханум и Ханзада-ханум посетили Шахрисабз. Долгий путь немного отвлек от грустных мыслей. Зеленый шатер Сараймулькханум надежно защищал от солнца, мелодично звенел колокольчик на шее верблюда. Караван царевны, вытянувшись подобно нитке разноцветных бусинок, радовал глаз. Если честно, Сараймулькханум самой было грустно в Самарканде, ее любимый Сахибкиран в походе, а Джахангир Мирза... Эх... Кажется, царевна своего родного сына так бы не любила... Махди улё, чтобы отвлечь от печальных мыслей тосковавшую Ханзаду-ханум, придумала путешествие в Кеш. И не ошиблась. Живописный пейзаж, щебетание птиц, величие вершин и безмолвие горных ущелий, хрустальный небосвод, обнимающий землю, алый цвет зари, беспечные облака – все радовало глаз...

На перевале Тахти Корача сделали остановку. Как прекрасно было вокруг! С востока, вытянув длинные шеи, приветливо улыбались горы, с остальных сторон, как на ханатласе, блистали причудливые узоры садов, кишлаков, речушек, долин и степей... Но эта красота не успокоила горяющих женщин. Напротив, рана Ханзады-ханум стала болеть еще больше.

– Ох, мой принц, мой родной, любимый принц! Супруг мой! Где я была? Где я была, когда вы болели? Почему меня не было рядом! О боже! – прижавшись лицом к могильному камню, причитала Ханзада-ханум.

Так они провели пятнадцать дней...

II

Войска Амира Темура продвигались в сторону Моголистана. Это было в середине осени 1376 года. По пути он получил известие о войске Умаршейха Мирзы.

Воины амирзаде настигли несколько дружин Амира Камариддина у Еттисув в местечке Каратепе, враг после сражения бежал, оставив большое количество трофеев. Сахибкиран остался доволен и отправил гонца с приказом, чтоб армия сына присоединилась к нему, потому что в данной ситуации, как он считал, самое правильное – согласованность действий. Амира Камариддина следует найти, где бы он ни был, обязательно найти, поймать, а потом вернуться в Самарканд! Другого пути нет! Решено!

Зеленый шатер Хумаюн урду² раскинулся на берегу полноводного притока, впадающего в реку Чу. Его хорошо было видно со всех сторон. Вокруг ставки прохаживались амиры, беки, полководцы, томительно ожидая приглашения на совет.

Позавчера прибыло войско Умаршейха Мирзы. Вот-вот начнется совещание: будет обсуждаться стратегия предстоящего сражения с правителем Моголистана. Эта битва должна закончиться окончательной и бесповоротной победой над кровопийцей Амиром Камариддином!

Сахибкиран, как всегда перед началом совета, хотел пригласить к себе Амира Сайфиддина-некуза, хорошо осведомленного в астрологии и гадании, чтобы посоветоваться, когда отправиться в путь. Но вспомнил, что его верный друг, всегда находившийся с ним рядом и разделявший все тяготы и заботы, сейчас в священном путешествии.

После смерти Джахангира Мирзы Амир Сайфиддин-некуз в отчаянии отошел от всех дел и изъявил желание совершить хадж, это паломничество было его сокровенной мечтой. Сахибкиран, не посмея отказаться на коленях умоляющему амиру, лишь сказал:

¹ Суюнчи – подарок за радостную весть.

² Резиденция, ставка правителя.

– Возвращайтесь целым и невредимым, по воле Аллаха. Кстати, у нас есть одно поручение. Во время путешествия обратите внимание на ситуации в Хорасане, Иране, Ираке, Шаме. Оттуда приходят самые противоречивые вести...

Амир Сайфиддин-некуз с Хинду Каркара-кипчаком и пятнадцатью нукерами отравились в паломничество...

Сахибкиран вспомнил, что, по словам Амира Сайфиддин-некуза, утро среды – идеальное время для начала сражения...

Сообщили, что из Самарканда приехал гонец со срочным сообщением.

– Амир Сахибкиран!

Ахий Джаббар-бахадур бросился ниц перед государем, поцеловал полы его халата и провел ими по глазам, а затем, уверив, что в стране все спокойно, сообщил:

– Пришло известие из Дашти Кипчака: Тохтамыш-оглан, сын правителя Мангкишлака Туйходжа-оглана, спешит к вам...

– Тохтамыш-оглан? – удивленно переспросил Амир Темур. – Сын правителя Мангкишлака Туйходжа-оглана?

– Да, да, Ваше величество, Тохтамыш-оглан... – торопливо, повторил новость Ахий Джаббар-бахадур. – На курултае в Хаджитархане Урусхан казнил Туйходжа-оглана. Тохтамыш-оглан хотел отомстить за отца, но силы были неравны, и сейчас он просит у вас защиты. Он отправил гонца с этим сообщением. Заболевший Суюргатмишхан отправил меня к Вашему величеству, чтобы я срочно известил государя об этой важнейшей новости!..

Амир Темур не придавал особого значения этому. В салтанате сложилась традиция доброжелательно встречать всех, кто ищет убежища. Тохтамыш-оглан – один из таких... один из многих...

Сахибкиран задумался...

На севере давно неспокойно, Урусхан с коих пор стремится восстановить былую славу Золотой Орды, совсем недавно ему донесли, что правитель Жужи улуса собирается пойти войной на Московию и Туран. А с другой стороны, такие, как Анко Тура и Амир Камариддин, не дают покоя.

Действительно, со стороны Дашти Кипчака Турану нужна одна надежная, сильная рука... Сахибкиран давно об этом думал и, похоже, сам бог подает об этом знак...

Но кто же на самом деле Тохтамыш-оглан? Друг? Враг? Сможет ли этот потомок Чингизхана стать его подданным? Может быть, может быть... Нельзя терять надежды. Но и поверить в это трудно. Говорят же, не подходи близко к необъезженной лошади. Нужно тщательно проверять каждый его шаг.

Амир Темур пришел к выводу, что встреча с Тохтамыш-огланом для салтаната важнее, чем поимка Амира Камариддина. Если Тохтамыш-оглан обеспечит надежный тыл со стороны Дашти Кипчака, то проблема с Камариддином решится сама собой.

Военный совет, не начавшись, закончился.

Был издан указ о том, что Аббас-бахадур кипчак и Мухаммад Мирак немедленно отправятся в качестве послов для встречи Тохтамыш-оглана. Они обязаны со всеми почестями сопроводить уважаемого гостя в Самарканд.

В этот же день Сахибкиран со своим войском повернул в сторону Самарканда.

Глава четвертая

I

Ханзада-ханум в последнее время впервые стала замечать, что Сараймулькханум заметно повеселела. «Наверное, приятные известия», – решила про себя принцесса. Махи улё оставалась такой же спокойной, уравновешенной, заботливой и доброжелательной, ничего не сообщала, но счастливые огоньки в глазах с головой выдавали ее.

В Боги Накш жахане¹ провели мушкулкушод² в память о Джахангире Мирзе. Сестра Его величества высокопочтенная Кутлуг Туркан-ока приказала пригласить

¹ Дворец Боги Накш жахан – резной (узорчатый) дворец-сад. Один из красивейших садов Самарканда.

² Мушкулкушод – женское собрание, где отин (ученая женщина) читает суры и молитвы из Корана.

всех женщин салтаната. Помимо обитателей гарема в собрании приняли участие супруга Амира Жаку-барласа достойная дочь Кайкубад Хутталани Одилмулько, супруга Амира Мусы Орзумулько и другие высокородные родственницы и жены влиятельных амиров.

Во время приема Ханзада-ханум так и не успела узнать у своей махди улё, в чем причина ее скрытого ликования, да и возможности поговорить совсем не было. Причину ее радости она узнала позже от своей служанки смуглянки Оккиз:

– Счастливая новость, моя принцесса! Счастливая новость!..

Служанка бросилась к ногам госпожи, поцеловала полы ее халата и прижала к глазам.

– Что, Оккиз? Какая счастливая новость? О чем ты?..

Огромные печальные глаза Ханзады-ханум с удивлением смотрели на служанку.

– Радостная весть, моя принцесса!

– Ну же, говори! Что же ты тянешь? Все никак не избавишься от этой дурной привычки! – нетерпеливо пожурила Ханзада-ханум.

– Хорошо, моя дорогая госпожа, хорошо! Господин Ахий Джаббар-бахадур вернулся с известием, что Его величество Сахибкиран Амир Темур возвращаются в Самарканд. Его величество возвращаются в столицу!

– Да? Несмотря на приближающуюся зиму?

Эта новость на самом деле была божьим подарком.

Невестка падишаха с изумлением посмотрела на кормилицу. На лице Халданы-биби играла улыбка, даже младенец в белоснежной колыбели радостно засмеялся, словно поняв, о чем идет речь.

Весь Самарканд – от обитателей дворцов, высокородных вельмож, до простых жителей – взбудоражила эта неожиданная новость. Амир ул-умара Амир Жаку-барлас, хворавший три месяца, узнав, что Сахибкиран на подходе к столице, нашел силы встать с постели.

Градоначальника Амира Довуд-дуглата можно было встретить в любом уголке столицы. Его видели то в Куксарае, то Боги Накш жахане, то в Боги Чинаре, то на базарной площади, то у главных ворот города. Всю осень он хлопотал возле будущего нового живописного сада в северной части города, стараясь к приезду государя закончить работы. В свободные минуты вместе с Амиром ул-умара они обходили городские кварталы, встречались со старейшинами, давали рекомендации по уборке и озеленению территорий, ремонту мостов и крыш, штукатурке стен...

– Мы должны быть готовы к приезду нашего падишаха. Будьте внимательнее, не прозевайте что-нибудь! – прикрикивал Амир Жаку-барлас, поглаживая свой раздвоенный когда-то саблей нос.

– Всем известно, что Сахибкиран имеет привычку прогуливаться по всем закоулкам города, – напоминал Амир Довуд-дуглат. – Смотрите, не дай бог прогневить нам государя!..

II

В середине зимы, когда зимнее солнце было в зените, махди улё пожаловала в Боги Накш жахан в надежде переселить Ханзаду-ханум.

Время, как известно, лечит, и это горькая правда... После смерти Джахангира Мирзы хорезмийская принцесса, семнадцатилетняя вдова, пришла к выводу: жизнь кончена, счастье ее было кратковременным, такова ее горькая доля, и больше нет никакой надежды вновь поймать синюю птицу. Осознание этого пришло после поминок на сорок дней, когда ее хорезмские родственники уехали домой.

Весь смысл жизни принцессы был в Джахангире Мирзе. Она дышала, двигалась, цвела только при нем и для него. А сейчас... Все напоминало о нем, даже воздух был пропитан им, ей казалось, что временами она чувствует его дыхание... Ночами, когда лежит глядя в потолок, вдруг чудится ей, что слышит его голос...

Вот и сейчас кажется, что принц открыл резную дверь, вошел и поставил в угол свечу, затем, нырнув под одеяло к супруге, нежно ласкает ее. Принцесса, обняв суженого, горячо шепчет: «Соскучились!» Вместо ответа Джахангир Мирза затевает их любимую игру. Он склоняется к правой груди возлюбленной и прислушивается:

– Ваше сердечко здесь?

– Ах вы проказник, неужели вы до сих пор не знаете, где мое сердце?

Наконец, после «долгих поисков» он переходит к левой груди, прислушивается и, радуясь, начинает пылко целовать прекрасное лицо, глаза, шею, губы своей красавицы. Бедная свеча, смущенная шалостями влюбленных, начинает потрескивать и гаснет, скрывая их путь в сказочный рай.

Однако... Ханзада-ханум с горечью поняла, сколько ни всматривайся в дверь, сколько ни прислушивайся, принц не войдет... Не появится никогда... никогда...

Принцесса страдала, боль была невыносимой. Мягкая постель казалась камнем, подушка обжигала. Хотелось забыться, улететь в Шахрисабз, к любимому... Этот город стал последним пристанищем принца. И лежит он там один-одинешенек в сырой земле, наверное, ему холодно и сиротливо. Как перенести эти страдания, как выдержать?... Ее место там, рядом с ее любимым. Зачем жить... жизнь без него потеряла смысл...

Неожиданно появившаяся мысль постепенно овладела всем существом принцессы. Она стала приставать с расспросами к Оккиз:

– Оккиз, а что ты знаешь о ядах? Их можно найти?

Поначалу Оккиз не придавала этим вопросам особого значения, потому что они не раз обсуждали «скрытые» происшествия и открыто делились секретами о внутренней жизни салтаната.

– Почему госпожа интересуется ядом? – спросила служанка, но внезапно ее осенило, сердце ёкнуло. О боже! Что она задумала? Нужно каждую минуту быть начеку, проверять пищу, ее нельзя оставлять одну...

– Да, так... Мне интересно...

– Не задавайте мне таких вопросов, моя принцесса! Я ничего не знаю о ядах и знать не хочу. Спаси и сохрани, о Аллахах...

Принцесса больше не возвращалась к этому разговору.

После того, как все траурные церемонии закончились, Ханзада-ханум еще какое-то время жила в Боги Накш жахане со своей прислугой.

Однажды достопочтенная сестра государя, пригласив к себе Сараймулькханум, посоветовала ей уговорить Ханзаду-ханум переехать в Боги Чинар:

– Принцесса с сыном должны быть при вас. Только не говорите ей, что я вас просила об этом. Пусть инициатива исходит от вас. Сами стены дворца Боги Накш жахана напоминают бедняжке о принце, пусть уж лучше с вами, с сыном, с кормилицей Халданой-биби. Будем надеяться, что рана нашей невестки постепенно затянется...

Сараймулькханум согласилась с достопочтенной сестрой. Юной принцессе нельзя жить одной во дворце... Но она не знала, как сказать молодой вдове... Она так ранима, так несчастна... подобно нежному лепестку, который трепещет на ветру... Осилит ли такое?..

После разговора с Кутлуг Туркан-окой царевна решила и на всякий случай приказала ловкому слуге, двадцатипятилетнему Сафарбергану, подготовить носилки и телеги для вещей.

– Невестушка! – обняла махди улё принцессу. Последний раз они виделись неделю назад. – Как поживаете? Как ваше самочувствие?

Ханзада-ханум посмотрела на царевну своими огромными безучастными глазами. Царевна увидела в них горечь, разочарование и холод.

– Слава Аллаху, Ваше величество, – опустила глаза принцесса. – Живем потихоньку. Как сами поживаете?

– Хорошо, как все добрые мусульмане, моя принцесса.

– Нет ли вестей, когда Его величество Сахибкиран вернутся из похода?

– По воле Аллаха, скоро. Может быть, на днях.

– Храни его Аллах. У нас теперь больше никого нет, кроме Его величества Сахиб-кирана и вас, любимой матушки, махди улё...

– Почему вы так говорите, моя дорогая? – приподняла красивую бровь Сараймульханум. – Так говорить не следует! Не надо! Амир Темур сказал, что вы для него роднее всех родных! Сын вместо сына! Никого он так высоко не ценит, моя принцесса! Вы должны заменить ему умершего сына... Вы должны жить и для нашего маленького принца!

Сараймульханум едва сдержалась, чтобы не разрыдаться:

– Мы все рядом! Поглядите на маленького Мухаммада Султана! Вам Бог подарил такого сына! Ваше продолжение! Сколько людей лишены этого...

Царевна споткнулась и своими прекрасными руками дотронулась до дрожащих алых губ.

Ханзада-ханум расценила это как глубокое соучастие и сочувствие ее горю и с раскаянием сказала:

– Не расстраивайтесь, Ваше величество...

– Да... Принц Мухаммад Султан замечательный... Недаром говорят: порода сразу угадывается... Знаете, что я хочу вам сказать... По-моему, Сахибкиран Амир Темур хочет объявить Мухаммада Султана наследником! Да, да, наследником! Он как-то говорил об этом. Хотя у него есть сыновья... Но он ни разу не называл их наследниками, я это точно знаю! Мухаммаду Султану только шесть месяцев. – Сараймульханум не скрывала удовлетворения от сказанного. – Вспомните! Когда родился ваш сын, Сахибкиран был в походе, и тогда я сама отправила гонца, чтобы он дал имя младенцу. Тогда он нарек его Мухаммадом Султаном! Помните?

– Помню, помню...

– Маленький принц уже сейчас такой непоседа, а как он улыбается! Воистину, по воле Аллаха, он займет место государя, он станет султаном, это уж точно, моя принцесса. Все не просто так. Ведь Мухаммад Султан с одной стороны потомок нашего великого деда Чингизхана...

Ханзада-ханум бросила быстрый взгляд на царевну. Во взгляде махди улё сквозил явный намек на то, что они обе принадлежат великому роду и стоят у истоков появления другого, не менее великого, рода.

– Пусть сказанное вами свершится, я только буду просить бога, пусть мой сын заменит своего отца, станет султаном...

Ханзада-ханум, печально вздохнув, опустила голову. «Дай Бог, чтобы сына не сглазили, чтобы он долго жил...» – подумала принцесса Хорезма. – Пусть будет похож на отца, но не будет столь короткой его жизнь. Я прошу у Аллаха только этого. Джахангира Мирзу сглазили, она, к сожалению, не смогла сберечь их чистую любовь. Сглазили плохие люди...»

Наступило молчание. Из гостиной, где беседовали знатные женщины, был виден пруд, застывший в зимней стуже.

– Моя принцесса... Я приехала за вами... – внезапно, без обиняков, сказала махди улё, прямо взглянув на вдову.

Ханзада-ханум с удивлением подняла черные брови: царевна шутит или нет...

Сараймульханум, будто ничего не замечая, продолжила:

– Так вот... Гмм... Вы же знаете... Оказывается, нужен ремонт в этом дворце. Амир Довуд-дуглат не раз говорил об этом. После всех траурных церемоний сад немного растоптан, что ли... Кажется, Боги Накш жакхану требуется обновление... Поэтому я вас хочу забрать...

Ханзада-ханум ошеломленно запротестовала:

– Как я все здесь брошу? Смогу ли? Оставить принца, наш сад... Его дух еще бродит здесь...

– Нет, нет, принцесса вы не бросаете и не бросите! – Сараймульханум поспешила успокоить принцессу. – Сад только ваш. Но необходимо благоустроить его, вернуть ему былую привлекательность, как при Джахангире Мирзе. По-моему, уже издали указ...

– Для того чтобы вернуть его былую привлекательность, нужно, чтобы принц был жив, – воскликнула бедная вдова. – Конечно, ремонт – это хорошо, Ваше величество. Мы не будем доставлять неудобств, будем жить здесь, в каком-нибудь уголке.

– Сомнений нет, сомнений нет. Но я не хочу усложнять вам жизнь. К тому же Боги Чинар тоже ваш дом, моя принцесса! Помните, именно оттуда вы прибыли сюда невестой? Будем жить вместе, в мире и согласии. Маленький принц Мухаммад Султан тоже там, если и вы приедете, мы будем удовлетворены и спокойны. Я желаю вам добра, невестушка!..

Сараймулькханум, увидев, что принцесса колеблется, взбодрилась и сделала еще одну попытку:

– Знаете, моя принцесса, достопочтенная наша сестра Кутлуг Туркан-ока настоятельно советовала вам переехать. Кажется, это желание нашего государя... – уклончиво сказала она. – Мы вместе встретим нашего падишаха...

После таких доводов Ханзада-ханум не посмела отклонять далее приглашение.

На следующий день принцесса вместе со своей прислугой переехала в Боги Чинар.

Глава пятая

I

Вчера гонец принес важную весть из ставки Амира Темура – несмотря на зиму, государь выезжает из Андижана.

Кутлуг Туркан-ока тут же подала мысль Амиру Довуд-дуглату:

– Сулейманшах, что вы скажете, если мы пригласим к нам в гости Амира Сахибкирана?

– Встретить Амира Темура в нашем доме было бы для нас милостью Бога, но во время совета в Хумаю урду было сказано, что государь остановится в Боги Баланде, кажется, это его пожелание. Тем более работы по строительству сада закончены.

После известия о возвращении Амира Темура, несмотря на свою хворь, Суюргатмишхан срочно провел меджлис, где обсуждался вопрос о месте встречи государя. Одни, жители гарема и придворные, предлагали встретить Сахибкирана в Дизаке, другие посчитали, что необязательно всем женщинам гарема ехать на встречу, мол, почтеннейшие госпожи устанут, лучше ждать его в столице. В конце концов, было решено, что придворные вельможи выедут навстречу государю и встретят его в местечке Катвон, что между Дизаком и Самаркандом, а весь гарем окажет прием в новом роскошном саду Боги Баланд¹.

В тот же день Суюргатмишхан с высокопоставленными лицами столицы выехали в Катвон. Высококочный Мир Сайид Барака с позволения Сахибкирана уехал проведать родных в Андхой, возможно, он там пробудет до конца зимы.

Известие о возвращении Амира Темура взбудоражило всех, в особенности обитателей гарема. Женщины сустились, прихорашивались, сурьмили брови, завивали волосы...

Сараймулькханум волновалась, словно невеста, ожидающая любимого. Ее сердце в предвкушении встречи билось как птица в клетке, щеки горели, грудь высоко вздымалась, а черная родинка на прекрасном лице стала бархатной. Четыре месяца она не видела его умных глаз, не слышала его ласковых речей...

Сараймулькханум решила собрать всех женщин и пригласить Кутлуг Туркан-оку, чтобы обсудить церемонию приема в саду Боги Баланд. Но сначала, предварительное посоветовавшись с младшими женами, она отправилась в Бустансарай².

Два года назад в пятидесяти шагах от Куксарая, в роше, было выстроено здание дворца по проекту Амира Темура. Четырехэтажный дворец предназначался

¹ Боги Баланд – высокий сад

² Бустансарай – дворец-сад.

для гарема. Дворец имел девяносто девять окон с подвешенными к каждому фонарями. По вечерам зажженные фонари освещали роскошный цветник, и, казалось, сказочный дворец освещал весь город.

В этом дворце каждой из жен, невольниц и прислуги была отведена отдельная комната. В центре второго этажа – огромная гостиная для проведения торжеств. Бустансарай под стать своему названию был дивным дворцом, Сахибкиран любил здесь бывать и отдыхать...

Каждая из жен, как и Сараймулькханум, с нетерпением ждала приезда Сахибкирана. Степная красавица Дильшод-ока, миндалеокая Улус-ока со сладким томлением предвкушали момент встречи.

Невольница Тагай Туркан-ока взволнована. Ей постоянно хочется чего-то вкусенького. Другие невольницы-соперницы с улыбкой успокаивали ее: «Берегите себя, не волнуйтесь!», однако за спиной завистливо шептались: «Говорят, она понесла. Выскочка, и откуда она появилась?» и без усталости клеветали махди улё на беременную. А Тагай Туркан-ока делает вид, что ничего не замечает, счастливо улыбается, приговаривая про себя: «Так вам и надо! Сгореть вам всем от зависти!»

...Во время похода Амир Темур немного успокоился, душевная рана стала постепенно затягиваться, боль потери превратилась в тихую печаль. А просьба Тохтамыш-оглана о покровительстве приободрила его. Аллах всегда помогает верному рабу своему. Сахибкиран всегда чувствовал заботу Всевышнего. Его уважаемый отец Амир Тарагай любил повторять: «Главное, Аллах со мной, а остальное ерунда!». Да, прав был родитель. Аллах с ним, и какие могут быть у Амира Темура печали?.. Но отец говорил также, что польза в действии.

Возвратившись в Самарканд, Амир Темур в первую очередь посетил мавзолей Шахизинда и кладбище Чокардиза и только потом направился во дворец Боги Баланд.

С северной стороны сада, окруженного толстыми стенами, течет Зарафшан, к нему из сада можно спуститься через резную дверь по каменным ступенькам, а их более пятидесяти.

Достопримечательностью сада, конечно же, был трехэтажный дворец, воздвигнутый из знаменитого тебризского белого мрамора, с роскошной террасой на третьем этаже. Величественное здание, выстроенное в форме четырехконечной звезды, поражает обилием просторных комнат с причудливыми узорами, голубой и золотой мозаикой. На полу в каждой из комнат ковром выложены разноцветные шестигранные отшлифованные кирпичи.

Вокруг дворца виноградник, инжир, яблони. Аромат сада, особенно летом, разносится за тысячу верст, опьяняя и маня...

Когда наступали холода, Амир Темур перебирался в просторные апартаменты, построенные рядом с дворцом Боги Чинар. Он тут же распорядился зажечь сандал, укутывал ноги в шелковое одеяло, устраивался на пуховых подушках и слушал предания сказителей об истории. Это, по его мнению, было самым лучшим способом коротать долгие зимние вечера.

Эта комната была построена два года назад и иногда использовалась как приемная. Летом сандал убирали, и его место занимала большая хонтахта¹ с различными яствами на белоснежной скатерти.

В Боги Баланде Амир Темур приказал построить такую же приемную. Стены в ней – живописные картины. С южной стороны на всю стену художник изобразил прекрасный весенний пейзаж Конигила, и каждому, кто был в комнате, казалось, что он находится на краю большого зеленого луга, и создавалось впечатление, если пройтись, то можно будет спокойно прогуляться по божественным местам Конигила...

Перед дворцом на площади, устланной коврами, собрались ближайшие родственники государя. Стоял мороз, но взволнованные встречающие не чувствовали холода...

¹ Хонтахта – стол с низкими ножками.

Сильный голос глашатая наполнил пространство:

– Его величество Сахибкиран Амир Темур Кураган изволили пожа-а-а-ловать в Боги Баланд!..

Наконец из-за угла показался белый скакун Сахибкирана. Слава государева коня по кличке Ханоглан не уступала славе владельца: резвый, как ветер, стремительный как молния, выносливый, как верблюд, а когда он скакал галопом, искры сыпались из-под копыт, из ноздрей шел горячий пар. Ханоглан гарцевал, Амир Темур величественно сидел в золотом седле.

Мухаммад Чурага-додхах, чей узкий лоб был скрыт под черной шапкой, и Амир Довуд-дуглат, запыхавшийся, видимо, из-за дальности дороги, с двух сторон придерживали резвого коня за поводья; положив руку на золотое стремя, вышагивали Жаханшах ибн Жаку и Умаршейх Мирза, не скрывая гордости за оказанную им честь. Сахибкиран переступил порог сада, застеленный паяндозом,¹ и слез с лошади на ковер.

– Милости просим, Амир Сахибкиран!

– Добро пожаловать, Амир Сахибкиран!

– Слава Богу! Благодарим Аллаха... – послышались со всех сторон радостные голоса. Началась церемония приветствия.

Первой вышла Кутлуг Туркан-ока. Старшая сестра государя похлопала его по плечу и поцеловала в лоб. Ее лицо светилось от счастья, глаза застлали слезы радости, ей хотелось многое сказать брату, но она ограничилась лишь радостным шепотом:

– Я рада вас видеть, мой родной!

Затем Ширин-бика поприветствовала старшего брата, обнимая его плечо, руку подняла для молитвы. После смерти Амира Муайяд-арлата она осталась вдовой, но при ней всегда был ее сын Мирза Алибек.

Наконец очередь дошла до Сараймулькханум. В пурпурном халате махди улё, как пава, грациозно подойдя к супругу, наклонилась и, поцеловав край золототканного халата, надетого поверх темной кольчуги, приложила его к своим прелестным глазам. Вслед за ней воздали почести Дильшод-ока, Улус-ока, Тагай Туркан-ока, красавицы-дочери Ока-бегим и Султан Бахт-бегим, двенадцатилетний сын Мираншах Мирза и племянник Мирза Алибек.

Сахибкиран едва сдерживался от переполнявших его чувств, когда его невестки, жены покойного Джахангира Мирзы Ханзада-ханум и Бахт Малик-ока приветствовали его. У обеих на руках были полугодовалые младенцы, завернутые в роскошные одеяльца. Кутлуг Туркан-ока приказала им выйти с детьми.

Амир Темур поцеловал в лоб свою любимицу Ханзаду-ханум и взял на руки маленького Мухаммада Султана. Хорезмийская принцесса почтительно приветствовала его. Сахибкиран доброжелательно кивнул Бахт Малик-оке и взял на руки малыша Пир Мухаммада. Какое-то время он молча смотрел на своих внуков, затем поднял полные слез глаза к небу и возблагодарил Всевышнего. Сейчас он был поистине счастлив...

Неожиданно к Сахибкирану приблизился Мухаммад Чурага-додхах и едва слышно прошептал:

– Мое сердце с вами, Амир Сахибкиран! Прибыл гонец из Хевака: получив известие, что вы находитесь в Жете, хорезмский правитель Юсуф Суфи отправился на Хевак и Кот с войском...

Сердце Сахибкирана сжалось, но он не подал виду, только бросил взгляд в сторону Хорезма.

Вокруг царила радостная атмосфера. Никто ничего не говорил, да и надобности не было в этом. Все были счастливы, и нарушать эту идиллию Амиру Темуру не хотелось.

– Пожалуйста в гостиную, Ваше величество! – почтительно прижав руки к груди, пригласили его Амир Довуд-дуглат и Кутлуг Туркан-ока. – Никто еще не входил в этот дворец! Ваше величество войдут первым!

¹ Паяндоз – белая ткань, стелется специально на пороге во время торжественной встречи гостей, молодоженов и т. д.

Музыканты заиграли торжественный марш «Шодиёна».
Сахибкиран почтительно обратился к старшей сестре:
– После вас, сестра моя! Я за вами!
Кутлуг Туркан-ока, взяв под руку своего великого брата, со словами «Во имя Аллаха, милостивого и милосердного!» – шагнула на бархатный паяндоз.
Остальные двинулись за ними.

II

Сахибкиран вот уже неделю живет во дворце Боги Баланд после торжественной встречи с придворными в Катване.

В сандале жарко пылал саксаул, согревая больную ногу государя, его тело наслаждалось негой и тишиной. Словоохотливый Мавляна Убайд повествовал о прошлом, о судьбах сильных мира сего, о законах тех лет. Этот невысокий, худошавый, улыбчивый сказитель с маленькой головой, узкими глазами и спутавшейся густой бородой, заканчивал истории одинаковой присказкой «Всезнающий сам Аллах!». Иногда их беседы затягивались до самого рассвета...

Любимым временем года Сахибкирана была весна. Он считал, что зима – смерть природы, а весна ее возрождение. Именно в этот момент совершаются истинные чудеса, свидетельствующие о воле Всевышнего. Странно, что человек воспринимает это волшебство как обычное явление, забывая, что это и есть божья благодать.

Как же можно в такие моменты оставаться равнодушным! Сахибкиран каждый год восхищался весной! Как прекрасны эти первые листочки, появившиеся на черном дереве! А тот персик не засох, жив, его голая крона готова облачиться в розовый наряд. Красавица-земля под теплым взглядом Всевышнего торопится принарядиться в зеленый бархат. Речушки подвели брови усьмой, поля надели халат из тюльпанов, холмы накиннули изумрудные платки. Вершины гор в тонких снежных покрывалах будто посылают призрачные улыбки. А потом... Виноградники увешаны сапфировыми и жемчужными бусами, черешни усыпаны рубинами. Яблоня, увидя на своих ветвях висящие золотые плоды, искренне удивляется: неужели все это существовало во мне!

Мир преображается!

Весна возрождает к жизни природу, человек, будучи ее частью, тоже преображается. Сахибкирану казалось, что каждая зима подводит итоги прожитой жизни. А весна раскрывает объятия для новой мечты, даря силу, решительность и энергию...

Султан Турана не любил зиму, никогда не совершал походов в это время года, долгие холодные вечера проводил, как правило, или в Самарканде, или в Занжир-сарае, или в Ташкенте. Только однажды, три года назад, в самый разгар зимы он пошел на Жету. Огромное желание проучить Амира Камариддина сподвигло его. Он помнит, когда войска прибыли в Катван, очень похолодало. Стояла такая стужа, что слюна на ветру смерзалась. Тогда ему пришлось срочно возвратиться в столицу...

Сегодня он вновь пригласил к себе Мавляна Убайда, в последнее время на него были также возложены обязанности секретаря, так как у сказителя был красивый и аккуратный почерк.

При дворце было несколько писцов, которые умели писать на фарси, тюркском, уйгурском и арабском языках. По приказу Амира Темура они записывали всё важное в «Тетрадь событий». Мавляна Убайд, как личный секретарь, всегда имел при себе все письменные принадлежности, нужные трактаты, тетради, а также высококачественную, так называемую писчую султанскую бумагу. Все эти вещи он носил в узорчатом сундучке.

Пять дней назад, прослушав очередную историю сказителя о салжукиде Султানে Санджаре, Сахибкиран неожиданно приказал секретарю впредь записывать высказанные им слова в толстую голубую тетрадь. Конечно, Мавляна Убайд тогда еще не знал, что впоследствии это станет началом книги большой жизни – летописи великого государства...

– Много лет назад, когда еще государство не сформировалось, я часто думал над законами салтаната. Мавляна¹, государству необходимы уложения. Из своего опыта и практики правления других султанов и ханов я понял, что если в государстве нет строгих правил и постулатов религии, то империя вскоре потеряет свое величие и мощь. Такая страна похожа на обнаженного человека, при виде которого всякий отвернется. Такая держава превратится в заброшенный дом без окон и дверей, где всякий негодяй найдет себе приют...

Так начался процесс создания канонов салтаната. За короткое время Мавляна исписал несколько страниц голубой тетради.

...Сказитель, как обычно, прихватив с собой свой узорчатый сундучок, вошел в роскошную гостиную дворца Боги Баланд. Он отметил про себя, что сегодня Сахибкиран в прекрасном расположении духа.

После взаимных приветствий Амир Темур приказал:

– Прочитайте, что вы вчера записали, Мавляна!

– Конечно, – почтительно отозвался сказитель, прижав руку к груди и, раскрыв тетрадь, начал читать:

«...Да будет известно моим осененным счастьем сыновьям, а также державным внукам, которые будут править миром с божьей помощью, что я, полагаясь на Владыку миров, решил написать уложение о том, как строить и вести дела в государстве. Дабы каждый из моих потомков действовал сообразно ему и удержал в руках трон и царство, приобретенные мною непрестанным трудом и заботой, милостью Всевышнего и заветов пророка Мухаммада – да пребудет над ним благоденствие и милость Аллаха – чья праведная сила охраняет великий царственный род. Пусть они воспользуются моими заветами в управлении салтанатом, ибо моя держава не должна прийти в упадок...»

– Хвала и честь вечному Творцу! – задумчиво сказал про себя Амир Темур, прослушав запись, затем продолжил:

– Мавляна! Мой наставник, его светлость Мир Сайид Барака, прислал послание из Андхойа. Удивительно, он написал его как будто по высочайшему совету его светлости Второго учителя, великого философа Абу Насра ал-Фараби ат-Турки...² Очевидно, известный трактат философа прочитан моим наставником. Это бесценное послание... Его необходимо вписать в Голубую тетрадь!.. Записывайте!

Сахибкиран мог бы отдать посланье писцу, однако захотелось самому продиктовать его:

«Здравствуйте, господин Темурбек! – начал чтение Сахибкиран. – Услышав, что вы благополучно вернулись из похода на Моголистан, был бесконечно рад... Даст бог, скоро свидимся. А сейчас я хочу поделиться с вами мыслями, которые долго вынашивал в своем сердце и, с Вашего глубочайшего позволения, дать вам совет.

Да хранит вас Всевышний, великий победитель, Ваше высочество Амир Темур Кураган... Да будет вам известно, что в вашем салтанате большое количество визирей, чиновников, служащих, сановников, военачальников и достойных людей. Будьте бдительны, Ваше высочество, ибо никто из должностных лиц не должен злоупотреблять своими обязанностями. Они обязаны лишь исполнять вашу волю и указы... Относитесь с уважением к представителям любого сословия и к каждому прихожанину, и тогда в салтанате воцарится порядок и справедливость, в государстве установится дисциплина...

Потомкам светлейшего Мухаммада Мустафо необходимо выказывать высочайшее уважение и милость. Пусть не покажется вам, что оказанные им почести – это напрасный труд, ибо благотворительность – богоугодное дело... Вместе с нижеприведенными двенадцатью сословиями вы добьетесь расцвета салтаната, с их помощью укрепите государственную власть...»

¹ Мавляна – титул мусульманских богословов и ученых.

² Абу Наср ал-Фараби(870–950) – учёный-энциклопедист, получивший прозвище «Второй учитель» (т. е. после Аристотеля).

Амир Темур прервал чтение.

– Двенадцать сословий... О чем идет речь? Что означают эти слова, государь? – спросил Мавляна, посмотрев на Сахибкирана. Сказителю вспомнились слова великого Второго учителя ал-Фараби, который как-то сказал, что раис¹ города должен обладать двенадцатью качествами. Но он ничего не сказал об этом.

Однажды Мавляна Убайд поведал государю теорию Второго учителя об устройстве государства и правлении, а также рассказал о его «Трактате о взглядах жителей добродетельного города». Потом по просьбе Сахибкирана принес трактат из библиотеки. Государь с интересом прочитал книгу, познакомился с двенадцатью добродетелями, которыми должен обладать городской раис, и проникся загадочным числом «12». Двенадцать месяцев в году, двенадцать знаков зодиака, двенадцать добродетелей... Поэтому упоминание в послании наставника о двенадцати сословиях привлекло внимание государя.

Сахибкиран считал, что салтанат – это большой дом, для его строительства и укрепления нужен прочный фундамент, добротные стены, стойкий каркас, надежный потолок, огромные рамы. Скорее всего, говоря о двенадцати сословиях, наставник имел в виду именно это. По поводу сословий у Амира Темура были свои соображения. Когда его Родину захватили монголы, эти сословия были уничтожены, разорваны вековые устои народа, улуса, растоптаны и попорчены его традиции. Все это нужно восстановить...

Амир Темур, многозначительно глянув на писца, продолжил чтение:

– Амир Сахибкиран! Сие есть истина. Ваш покорный слуга далек от мысли поучать кого-нибудь, в особенности одного из мудрейших людей, коим является Ваше величество. Но мои мысли не дают мне покоя, и я осмелился письменно изложить их вам и еще раз повторить некоторые мои не раз произнесенные советы. Не могу воздержаться от желания напомнить лишь то, что давно у Вас на уме. Я надеюсь, Вы простите вашего преданного слугу. Я болею душой о Вашем высочестве; Вы заботитесь о процветании нашей матери-родины, о том, чтобы народы мира были счастливыми, а наш салтанат сильным и богатым.

Не выделяя частных, отмечу... В первую очередь, пригласите к себе сподвижников, ученых, духовных лиц. Пусть они всегда будут желанными гостями во дворце и украшают все собрания своим присутствием. Пусть они высказывают свое мнение по вопросам религии, права, общества. Учитесь у них, относительно дозволенного и недозволенного, находить правильные и справедливые решения вопросов.

Первое сословие, думается, должно состоять из ученых, мудрейших, способных принимать взвешенные и дальновидные решения. Пусть они участвуют во всех собраниях, их дискуссии и беседы – ценнейший опыт.

Еще одно сословие – амиры, военачальники, полководцы, бахадуры. Не чурайтесь приглашать их на собрания, отводить им места на пиршествах, тем самым оказывая им честь. Держите при себе этот храбрый народ, ибо их отвага и мужество – залог последующих побед. Одаривайте воинов золотом и драгоценностями, кожаными поясами, ножами и другим, отмечая их заслуги перед Отечеством. Среди военных должна быть жесткая дисциплина, низший по чину обязан беспрекословно подчиняться высшим чинам, приказы не должны обсуждаться. Военные чины не должны выходить за рамки приличия, не превозносите их слишком высоко, дабы не закружилась у них голова, однако и не унижайте их, чтобы не потеряли самоуважение...

Переходим к следующему сословию. Это рассудительные визири, расторопные главные секретари, трудолюбивые служащие канцелярии. Воспринимайте их как зеркало подчиненных вам стран. Необходимо упорядочить работу, связанную с государственной казной, военными чинами и простыми подданными государства. Все вопросы необходимо решать вдумчиво и справедливо, быть внимательным к расходам казны салтаната.

Целителей, табибов, лекарей, астрологов, звездочетов и архитекторов мы отнесем к отдельному сословию. Они, дай бог, будут способствовать развитию салтаната.

¹ Раис – глава, руководитель, предводитель.

Создайте всем условия для работы: табибам и лекарям для лечения больных, астрологам и звездочетам для определения благоприятных и неблагоприятных дней, архитекторам для проектирования и создания величественных зданий, дворцов и садов...

Еще одно сословие – хадисоведы. В него входят также сказители, историки, знающие много историй и легенд о деяниях пророков и их потомков. Слушайте их рассказы и предания о прошлых царствах, постигайте предшествующий опыт падишахов, будьте в курсе современных событий в мире.

Следующее сословие – талантливые ремесленники. Выберите из каждого ремесла по одному мастеру и выделите им отдельное место в урде. Прикажите им изготавливать добротное оружие и доспехи для ваших воинов и в походе, и вне похода.

Еще одно сословие – путешественники и странники, побывавшие во многих странах. Будьте ласковы с ними, ибо они приносят новости и сведения. И еще. В каждом краю назначайте торговцев и караванбоши¹, чтобы они извещали вас о жизни, быте людей, о правительствах других стран.

Итак... После учреждения этих сословий, необходимо создать соответствующие правила и законы. Пусть эти двенадцать сословий будут символами двенадцати знаков зодиака на небе Вашего салтаната, основой государственного строительства, как двенадцать месяцев для года...»

Вот это да! Читая мудрые строки наставника, Сахибкиран почувствовал, будто это послание написано им самим. Если бы он взялся составлять подобное письмо, то, наверное, получилось бы то же! Эти двенадцать сословий как каркас государства, не раз приходили ему на ум. Некоторые места послания можно дополнить, углубить. По этому поводу есть немало мыслей...

К примеру, в работе салтаната необходима тактичность, человечность и терпение, зная о многом, следует делать вид, что не знаешь, не слышал. Подданных надобно по справедливости держать между надеждой и страхом... поддерживать угнетенных... воздавать по заслугам угнетателям и карать только истинно виновных... сплетников не допускать в собрание... быть бдительным с подданными, старших воспринимать как братьев, младших – как собственных детей...

Его светлость учитель прекрасно изложил о двенадцати сословиях. Поистине, для того, чтобы быть осведомленным обо всем в каждом уголке страны, требуется отыскать совестливых, справедливых, знающих грамоту людей и назначить из них тайных осведомителей. Как только придут сведения о всяческого рода притеснениях хакимами, чиновниками и прочими должностными лицами, тут же надлежит принимать меры. При этом всячески поддерживать ратников, чтобы они, находясь на службе государству, не жалели своей бесценной жизни ради выгоды брэнного мира.

Наступила тишина.

Послание наставника Мир Сайида Бараки завладело душами...

Сахибкиран посмотрел в окно: занятые беседой, они не заметили, как прекратился снегопад. Хонсолар² попросил позволения накрывать на стол.

Глава шестая

I

Через некоторое время Сахибкиран вместе с уважаемой сестрой Кутлуг Туркан-окой отправились в Боги Чинар навестить Ханзаду-ханум и Мухаммада Султана. Мороз, сковавший все вокруг, смягчился и, возможно, поэтому у Сахибкирана было хорошее настроение. Однако где-то в глубине души его мучило беспокойство, потому что от Тохтамыш-оглана не было никаких вестей. Неужели посланные им люди не нашли его? Или он передумал приезжать в Самарканд?..

¹ Караванбоши – глава каравана.

² Хонсолар – человек, накрывающий на стол и обслуживающий трапезу падишаха.

Приезжая в Боги Чинар, Сахибкиран, как правило, прежде чем войти в гостиную, гулял по саду. Вот и сегодня он предложил сестре:

– Сестрица, пройдемся по саду...

Кутлуг Туркан-ока кивнула в знак согласия. Они пошли к большому пруду. Амир Темур осмотрелся. Зимний сад... Не сад, а пустырь какой-то. Голые деревья ежились от холода, словно не по погоде одетые люди. В пруду видны бирюзовые кафельки, там и сям бросаются в глаза небольшие сугробы. Нет и цветника, некогда радующего глаз, жмутся уныло друг к другу гранатовые, персиковые, грушевые, айвовые деревья... Слева от дворца виднеется одинокая чинара.

Когда они приблизились к гранатовому садику, Амир Темур остановился и с мольбой посмотрел на старшую сестру:

– Сестра моя...

Кутлуг Туркан-оке на мгновение показалось, что перед ней не великий правитель салтаната, а обычный младший брат.

– Я вся – внимание, Амир Сахибкиран! Говорите, мой родной!

– Вы мой лучший советчик, благодарю Аллаха... – сказал Амир Темур. – Сестра, дела земные самые сложные, нет им конца, мы увязли в ежедневных хлопотах! А рок не дремлет, и мы бессильны перед ним... Одного не понимаю: чем же я провинился, что сделал не так? За что так «погладил» меня Всевышний? Я не предаюсь всяким прихотям и наслаждениям, далек от разного рода козней, интриг, живу честно, праведно, следую заветам пророка, стремлюсь к милосердию, караю зло, думаю о спокойствии своей страны... Ко всем стараюсь быть справедливым... Почему он забрал мое самое любимое дитя? Он, моя надежда, ушел в самом расцвете сил, не насладившись жизнью! За какие мои грехи?.. Почему самая прекрасная из женщин, нежная, как цветок только-только расцветший в любви, моя высокочтимая дочь Ханзада-ханум в свои семнадцать лет должна стать вдовой, похоронить своего суженого?.. Сестра моя, ведь они могли жить счастливо долгие-долгие годы?

Кутлуг Туркан-ока предвидела, что такой разговор когда-нибудь должен был состояться, и мысленно готовилась к нему.

– Амир Сахибкиран... Мудрые предки говорили, что только тот достигнет величия, кто может выдержать все удары судьбы... – увещевала брата Кутлуг Туркан-ока, с любовью поглаживая его по плечу. – Что делать? Случившееся за гранью человеческого понимания. Не считается печалью то, что заканчивается радостью. Все во власти Аллаха.

И этот мир, которым вы владеете, не полная чаша, милый брат! Всегда чего-то не хватает. Вон у нас единственный сын Амир Сулейманшах. Мою красавицу дочь Шадимурк-оку Бог забрал в девятнадцать лет... Вся наша жизнь прошла в мольбах о том, чтобы Всевышний дал нам еще детей! Сараймуркханум, моя прекрасная невестка, достойнейшая женщина, такую, как она, умную и красивую, редко встретишь, все называют ее «махди улё» – владелицей великой колыбели. Но бедной моей невестке Бог не дает детей. Может, Всевышний еще подарит ей это счастье. Что делать человеку, если Господь распорядился именно так?..

На самом деле, Амир Темур прекрасно знал, как страдала его Бибиханум. Он и сам не раз утешал свою достойную супругу, вытирая слезы на ее глазах.

Речи старшей сестры подействовали на Сахибкирана, как вода на горящую головешку. Все было логично. Он постиг горькую суть злого рока – все со временем канет в небытие, и это неизбежно: и власть, и счастливая пора, и друзья, и народы, и богатство – он понял, что все временно в этом мире!

– Хвала и честь вечному Творцу!.. – невольно прошептал он.

II

Они двигались к окраине сада. Амир Темур шел молча, погруженный в свои мысли. – Он все дает и все забирает... – прервала молчание Кутлуг Туркан-ока. – Амир

Сахибкиран, если нас чем-то одаривает, то и забирает что-то! Только Ему все известно... Наш дед Буркул-бахадур мечтал о внуке от сына, но Тарагай-бахадур не везло: если и рождались внуки, тут же умирали. И вот появилась я. Наш дед совсем приуныл, оказывается... Днями и ночами молился, чтобы Тарагай-бахадур Всевышний подарил сына, даже предлагал свою жизнь, лишь бы появился на свет мальчик... Так и умер, не дождавшись. А через шесть месяцев родились вы, Темурбек. Вместо дедушки появился внук... Вот так. Господь помог вам, Амир Сахибкиран, создать великую державу, вы стали одним из почитаемых владык в мире, Он одарил вас славой, а взамен забрал самое дорогое. Забрал то, что когда-то сам дал, вот и все...

Амир Темур бросил взгляд на сестру:

– Значит, сестрица... Значит, дал мне салтанат, а взамен забрал любимого сына... так?

– Может быть, и так... Только Аллаху ведомо...

– Эх, если бы Джахангир Мирза вернулся, я бы не задумываясь отказался от престола! Пусть бы Он забрал трон взамен! Я был бы только рад!!! – с болью воскликнул Амир Темур.

Кутлуг Туркан-ока изумленно нахмурилась:

– Ну-ну, милый мой брат! Амир Сахибкиран! Не ропшите... Нужно быть смиренными, благодарными... Никогда больше не произносите таких слов, никогда! Вам это не к лицу. Помните, в Коране сказано: «Нельзя спрашивать у Аллаха о его действиях...» Всё Его собственность, а мы лишь слабые рабы его. Не дай бог, прогневить Всевышнего! Раскайтесь и возблагодарите Его!

– Каюсь, каюсь! – грустно произнес Амир Темур. В глазах его блеснули слезы. – Неблагодарности в моей душе совсем нет, упаси боже! Просто эти мысли мучили меня, хотелось выговориться.

Кутлуг Туркан-ока понимающе кивнула и поцеловала его в лоб, уронив непрошеную слезу. Она вновь ласково погладила плечи младшего брата.

– Природа человеческая такова: когда нам что-то дается, мы не спрашиваем зачем, а когда забирается мы ропшем, мол, «почему»... Вон нам дан Мухаммад Султан, дай бог, молодого коня заменит жеребенок... В какой-то книге я читала, что и счастье, и несчастья этого мира даются нам свыше. Все когда-нибудь проходит. Когда обретаем что-то, мы не задумываемся, что можем лишиться этого. А когда человек поймет, что все в жизни временно, то и терять легче... – Кутлуг Туркан-ока, чтобы сменить тему, похлопала любимого брата по плечу. – И еще я хотела сказать, Темурбек. Ваша любимая рабыня Тагай Туркан-ока, с божьей милостью, беременна. Скоро, даст бог, она родит вам крепкого малыша.

Это была радостная весть. Амир Темур смутился и покраснел, как юноша. В тот же момент он вспомнил.

В тот день, когда он вернулся с Моголистана, в гостиной дворца Боги Баланд Сараймулькханум нашла возможность прошептать ему на ухо, что один из цветков гарема скоро даст плоды...

Махди улё, чувствуя ответственность за весь гарем, всегда пыталась быть выше сплетен и пересудов, о многом умалчивала, не спорила, не вступала в конфликты, а если вспыхивали ссоры, то тут же старалась их погасить. Женщины гарема не видели в ней соперницу, считали ее защитницей и беспрекословно подчинялись. Сахибкирану это было по душе. Тогда Амир Темур, глядя на своих невольниц, никаких изменений не заметил... В тот субботний вечер он сообщил смотрителю гарема, что посетит в Бустансарайе Тагай Туркан-оку.

...Слегка округлившаяся и похорошевшая невольница была счастлива посещением государя. Беременность еще не была заметна, появились темноватые пятнышки кое-где на ее прекрасном лице. Амир Темур ласково усадил красавицу себе на колени, глянул в ее ослепительные глаза, а та, не выдержав огненный взгляд, опустила их...

Вытащив из кармана нитку жемчуга, Сахибкиран с бьющимся сердцем надел ее на шею прелестницы. Невольница, склонившая голову на широкую грудь правителя,

была горда, во-первых, тем, что из-за беременности ее положение в гареме изменилось, во-вторых, что она носит под сердцем дитя великого Амира Темура Курагана. Теплота нежного тела возбудила Сахибкирана... Он многое хотел сказать красавице, но царское ложе зывало к себе, намекая, что все слова сейчас излишни...

Глава седьмая

I

Сахибкиран приказал приготовить два сундука подарков для вдовствующей невестки Ханзады-ханум. В первом сундуке было множество золотых и серебряных украшений и драгоценностей, в другой узорчатый сундук уложили парфюмерию.

Увидев содержимое сундуков, невестка Сахибкирана оживилась, глаза ее заблестели. Разбирать подарки ей помогли Сараймульханум и Оккиз. Принцесса изумлялась столь дорогим подношениям государя. Дары растрогали несчастную семнадцатилетнюю вдову. На это и рассчитывал Сахибкиран, готовый на все, чтоб утешить любимую невестку.

У порога гостиной его встретили Сараймульханум с маленьким Мухаммадом Султаном на руках, завернутым в голубое бархатное одеяло с золотистыми кистями, Ханзада-ханум, к которой постепенно стала возвращаться былая красота, и Оккиз, стоящая чуть-чуть поодаль, как принято по этикету. Случилось удивительное: дедушка впервые увидел внука вблизи!

– Идите ко мне! Идите! – Сахибкиран ласково взял на руки младенца. – Посмотрите-ка на этого богатыря! Пахлаван!..

После смерти Джахангира Мирзы Сахибкиран не приглядывался к внуку, боясь сглазить, при встрече же крепко прижимал младенца к груди. А сейчас он дал волю своим чувствам: ласкал, целовал, пестовал. Женщины, улыбаясь, наблюдали за государем.

Глядя на сладко посапывающего во сне ребенка, Сахибкиран почувствовал, что сердце его радостно сжалось... Малыш не подозревал, что к нему пожаловал великий дедушка, и безмятежно спал. Внезапно, словно почувствовав взгляд деда, он еле улыбнулся... Его улыбка была настолько беззаботной, что Сахибкиран на миг застыл, много лет он не видел такого чуда! Искренняя улыбка спящего младенца – одно из самых загадочных чудес Аллаха! Хвала и честь вечному Творцу!

Амир Темур почувствовал разлившееся внутри тепло – вот этот Мухаммад Султан сын его сына... Вон как похож на отца: и брови, и губы, и носик, и лоб – все его!.. «Нет, не исчез бесследно мой сын, он оставил свой след! Слава милости Всевышнего!» – подумал правитель.

Гости расположились на шелковых курпачах вокруг праздничного дастархана, накрытого над сандалом. Амир Темур вытянул ноги на цветастой бархатной курпе¹. Тепло сандала ласково окутало его правую больную ногу.

– Темурбек, как прошел поход в Моголистан? – с улыбкой спросила Кутлуг Туркан-ока.

– Нам удалось предотвратить опасность. Наша цель была поймать бунтовщика, раз и навсегда справиться с ним, но Амиру Камариддину, по воле Всевышнего, вновь удалось избежать гибели, – учтиво ответил Амир Темур.

Сараймульханум захотелось сменить тему, и она с кроткой улыбкой обратилась к супругу:

– Амир Сахибкиран, я слышала, что народ удовлетворен новым размером порционной подати, указанным в уложениях, все благословляют вас...

– Да? Действительно, после того, как монголы захватили нашу страну, жизнь вышла из колеи. Народ оказался в тяжелейших условиях, страна раздроблена, повсюду разруха, нищета. Направить усилия на благоустройство и обеспечение благополучия людей – наша власть считает для себя фарзом². Взимание с граждан податей и налогов – самая

¹ Курпа – одеяло, курпача – узкое одеяло.

² Фарз – обязанность.

насушенная проблема...

Все почувствовали, что Сахибкиран хочет многое сказать по этому поводу.

– В этом деле нужна последовательность, – продолжал Амир Темур. – Если кто-то благоустроит какую-нибудь неосвоенную землю, выроет колодец, проведет канал или посадит сад, с таких, по нашему приказу, в первый год не взимается никакого налога. Это своего рода поощрение. На второй год необходимо обратить внимание на усердие подданного и ограничиться посильным налогом. В третий год налоги взимаются в установленном порядке... Помимо этого, весенний, летний и осенний урожай от всякого рода налогов освобождаются, пусть подданные распоряжаются ими по своему усмотрению. На богарных землях организовать работу по правилу один к трем, один к четырем... И еще. Надо сделать учет оросительных систем, каналов, родников, рек, речушек, арыков, постоянно орошающих посевные земли, и урожаем с этих земель распорядиться следующим образом: две третьих части – подданным, одну треть – в казну салтаната... И еще... Оценивать урожай граждан таким образом: за один харвар¹ пшеницы – пять мисколов² серебра, за один харвар ячменя – два с половиной мискола серебра. Я приказал, чтобы с подданных налог не брали, пока не созреет урожай, а потом взимать налог, разделив его на три части. Налоги взимать по-хорошему, без рукоприкладства, грубостей, не применять силу, аресты, предупреждая, разъясняя, ну, на крайний случай, можно попутать...

Подробно рассказав о налогах, Амир Темур подчеркнул, что в этом деле необходимо придерживаться справедливости, дабы подданные не обнишали. Иначе казна салтаната окажется в плачевном состоянии. Опустеет казна – воины разбегутся. А государство без армии разве государство?..

– Вы правы, Амир Сахибкиран! Государство без воинов не может быть сильным! Народ благословляет вас! – одобрила Кутлуг Туркан-ока.

– Военным назначено новое жалованье? – спросила Сараймулькханум.

– Да, назначено. Обычному нукеру, при условии достойного выполнения своих обязанностей, установлено жалованье, соразмерное стоимости одного скакуна, бахадурам – от двух до четырех скакунов. Воинам, отличившимся в бою, приказано поднимать жалованье, а если допустили ошибку на поле сражения, уменьшать на одну десятую часть жалованья. Если воин сбежит с поля боя, его лишить нашей милости. Если при особых обстоятельствах нукер покинул сражение, то принять его объяснения. Ежели воин ушел с поля боя после получения ранения, то приняв во внимание его ранение, объявить ему благодарность. Потому что такой нукер получил увечье в схватке с врагом, а рана – свидетельство того, в каком состоянии был на тот момент данный нукер. Ибо они, служа салтанату верой и правдой, не жалеют живота своего.

– Всех благ вам, Амир Сахибкиран! Мое сердце с вами! – расчувствовался Мухаммад Чурага-додхах. – Это и есть настоящее величие и высшая справедливость!

Кутлуг Туркан-ока, желая сменить тему, поинтересовалась:

– Да-а... Говорят, к вам едет принц Жужи улуса?

– Да, принц Тохтамыш-оглан, сын правителя Мингишлака Туйходжа-оглана, изъявил такое желание. – Сахибкиран выташил длинные руки и положил на сандал. – Дашти Кипчак занимает важное для нашего салтаната стратегическое положение... Жужи улус нам не друг. Они нас ненавидят. Сто пятьдесят лет потомки Чингизхана владели нашей страной, попирая наши обычаи и традиции, разоряя наши земли, считая, что так должно быть всегда... Теперь Туран самостоятелен, у власти сын какого-то неизвестного бека. Конечно, это не устраивает их... Да... Никто не заинтересован в процветании нашего края. Никто и никогда не проявит заинтересованности... Никогда! Наоборот, будут всячески вредить нам, чинить препятствия. У нас в стране много реакционеров и предателей. Их они попытаются перетянуть на свою сторону... Но достаточно. Северные границы надо укрепить, нам нужны верные союзники. Сестра, мы

¹ Харвар – мера веса, равная 300 кг.

² Мискол – мера веса, равная примерно 4,8 гр.

возлагаем определенные надежды на Тохтамыш-оглана. Пусть пожалует, а там видно будет. Бог не оставит наши надежды! Конечно, все во власти Аллаха...

– Дай Бог! Наша мечта – мир в стране! Будьте осторожны, Темурбек!

– Храни вас Аллах! – добавила Сараймулькханум.

– Говорят, сам бог царь-владыка... – проговорил как бы сам себе Мухаммад Чурага-додах.

– Спасибо... Недавно пришло известие, что наш родственник хорезмский правитель Юсуф Суфи снова организовал поход на Хевак и Кот... – не скрывая раздражения, сказал Амир Темур.

Сараймулькханум удивленно взглянула на Кутлуг Туркан-оку. Ее взгляд говорил: «Государь заговорил о Хорезме! Не сдержался! Как отреагирует на это Ханзада-ханум?.. Она и так столько страдает! Выдержит ли?». А Ханзада-ханум спокойно сидела, опустив голову.

– Кажется, это не воины нашего свата Юсуфа Суфи в Хеваке... – вмешалась Кутлуг Туркан-ока, бросив взгляд на поникшую Ханзаду-ханум, молча сидевшую рядом с Сараймулькханум и задумчиво перебиравшую кисточки шелкового одеяла. – Неужели наш уважаемый сват может позволить себе это? Темурбек, ведь поднимать оружие против родственника – грех! Простит ли Бог такие деяния...

– Наша достопочтенная бонуйи кубро¹ права, хорезмский правитель не может так поступить, – поддержала золовку Сараймулькханум, – это проделки заговорщиков...

Это было сказано для того, чтоб поддержать принцессу Хорезма, дать понять ей, что Сахибкиран обижен не на нее, а на Юсуфа Суфи.

Амир Темур, глянув на поникшую Ханзаду-ханум, понял, что зря заговорил об этом. Разве можно что-то исправить пустыми разговорами? Все и так понятно. Надо уразуметь ситуацию... Родственные отношения – это одно, а государственные дела – другое... Конечно, сложно их разделить и что-то изменить или скрыть... Недаром говорят: скрытую болезнь высокая температура все равно выдаст...

– Родная моя доченька, Ханзада-ханум! Дочь, заменившая мне сына... – сказал Амир Темур. – Я всегда буду заботиться о Вас. Вы моя радость, свет, частичка моего сердца... Пока я жив, я буду ласков, буду хвалить ваш ум, образованность, восхищаться красотой! Не позволю обижать Вас! Никогда! Знайте, Ханзада-ханум – самая уважаемая и почитаемая принцесса дома Амира Темура Курагана, и пусть так будет всегда!..

– Да хранит вас Аллах, Ваше величество Сахибкиран! Будьте могущественны и здоровы на многие лета, всем нам на счастье! – поблагодарила принцесса Хорезма и, низко поклонившись, поцеловала край царского халата.

II

В гостиной было тихо.

– Сестра, вы недавно говорили, что нельзя спрашивать у Аллаха о причинах его деяний. Да-а... Хвала и честь вечному Творцу! – нарушил тишину Амир Темур. – Я надеюсь, что Мухаммад Султан, по воле Аллаха, станет моей опорой, моим наследником!

– Наследник! Наследник! – обрадовалась старшая сестра. – Даст бог, он и будет вашей опорой!.. Такой опорой!.. Эх-хе! Могучей, как чинара, да!

– Скоро наш маленький принц подрастет и будет всегда при вас, государь!.. – сказала Сараймулькханум – Даст бог, мы скоро будем искать ему невесту...

– Уже сейчас начинайте искать невесту, моя царевна! – засмеялась Кутлуг Туркан-ока. – Время летит незаметно, глядишь, и не успеем!

Все с облегчением засмеялись.

Измученное сердце Ханзады-ханум слабо затрепетало гордостью. Действительно, по ее мнению (об этом ей никто не говорил), ребенок, законнорожденный от наследного принца Джахангира Мирзы, считается престолонаследником. А Мухаммад Султан – сын наследника...

¹ Бонуйи кубро – Великая госпожа. Титул старшей сестры государя.

– Благодарю, Ваше величество Сахибкиран! Спасибо за высочайшую милость! – поклонилась Ханзада-ханум, приложив руку к груди.

– Да... иногда наши планы перечеркивает судьба... – задумчиво произнес Амир Темур, продолжая «выправлять ситуацию». – Мы связывали большие надежды с браком моего сына... Говорят, в единении есть великая мудрость, а разобренных съедает волк. Если бы мы договорились с хорезмским правителем Юсуфом Суфи и он бы принимал участие в совете, то, объединившись, смогли бы защитить нашу страну от любого врага! Вот и сейчас я связываю надежды с одним неизвестным и неиспытанным чингизидом. Разве чужак лучше своего? Если бы мы нашли общий язык, то давно бы решили вопрос с Жетой и Дашти Кипчак бы утихомирили... И жили бы в спокойствии единой страной! Вместо того, чтобы укрощать внешних врагов, я вынужден бороться со своими. Скачу то в Бухару, то в Хевак, то в Андижан... Между тем Аллах вложил в мою душу любовь к Корану и заботу о бедных и неимущих, о народе. У меня нет выбора, я постоянно грешу, потому что приходится сражаться со своими.

Амир Темур, потирая руки над сандалом, погрузился в думы.

– Нет... Возможно, наш сват и не виновен... – продолжал Амир Темур, невольно потянувшись рукой к подбородку. – Все дело в его окружении, в бесчисленных предателях, подстрекателях и интриганах, собравшихся вокруг него! Эти Султан Махмуд – сын Кайхусрава – Махмудшах Бухари, Абу Исхак Ясури натравливают хорезмского правителя против нас! Их цель ясна: страну раздробить, а потом, захватив любую ее часть, установить свою власть!

Ханзада-ханум всей душой почувствовала страдания Сахибкирана. Несомненно, принцесса Хорезма хорошо знает, что такое боль... Но ее горе по сравнению с мучениями Амира Темура – ничто!.. И это она поняла только сейчас...

Принцесса так уважала и почитала своего свекра (нет, не свекра, а отца!), что не позволила бы не то чтобы колючкам вонзиться, а даже легкому ветру подуть в его сторону. Три человека были родными для нее: Амир Темур, Сараймулькханум и ее мать Шакар-бика... Если бы она могла облегчить страдания Амира Темура!..

Единственное, что ей пришло в голову, это попытаться отвлечь государя от грустных раздумий. Ханзада-ханум украдкой посмотрела на Сараймулькханум, а та, словно ожидая ее взгляда, утвердительно кивнула. Амир Темур заметил эти перемигивания.

На самом деле это были «уловки» Сараймулькханум.

После переезда во дворец Боги Чинар принцесса много времени проводила с махди улё. Как-то заговорили о детях Сахибкирана.

– Я вот о чем думаю, да и со старшей сестрой посоветовалась, и она поддержала меня, – начала Сараймулькханум. – Моя принцесса, вы знаете, как государь уважает и ценит вас. Старается не печалить вас...

– Слава Аллаху... Да умножится его величие!

– И теперь... Мы провели все траурные мероприятия. Время идет. Если вы не против, я хотела с вами обсудить кое-что...

– Я вас слушаю! – поклонилась принцесса, приложив руку к груди.

– Умаршейх Мирза пока что слишком горяч, а Мираншах Мирза еще совсем юн, а вот дочери уже подросли. Особенно Ока-бегим. К тому же она просватана за Мухаммадбека ибн Мусу... Если вы не обидитесь, мы думали сыграть их свадьбу.

– Вай, почему я должна обижаться? Почему вы так говорите?.. – искренне упрекнула Ханзада-ханум. – Это ж очень хорошо, Ваше величество! Прекрасно! Бедная сестрица совсем зачахла от горя.

– Спасибо, моя принцесса, – Сараймулькханум облегченно вздохнула. – Однако... Еще так мало времени прошло после траура... О свадьбе первым может заговорить лишь один человек... Если мы заговорим, государь может не согласиться, боясь вас обидеть! Правитель вас так оберегает.

– Кто должен заговорить о свадьбе?

– Человек, который первым может заговорить о свадьбе... это только вы, моя

принцесса! Я хочу сказать, что только вы можете напомнить государю о свадьбе Оки-бегим. Только вам можно...

Ханзада-ханум как-то не задумывалась об этом. Но почтенная Орзумульк-ока, когда навешала ее, во время бесед то и дело вставляла, что Ока-бегим просватана за ее пасынка...

«Ну, что ж, мир таков... Тот, кто уходит навсегда, не возвращается, нужно покориться судьбе, – подумала Ханзада-ханум. – Все равны перед смертью: и падишах, и нищий – никуда не деться. Одно лишь прошу у Аллаха, пусть душа моего принца обретет вечный покой...»

– ...Вы говорите, что только я могу сказать?

– Несомненно, моя принцесса! Ваши слова не ранят Амира Сахибкирана, напротив, он обрадуется, поняв, что вы проявляете любовь к золовке, и восхитится вашим поступком. Этим вы и себя, и Сахибкирана поддержите, это богоугодное дело, моя принцесса!

Ханзада-ханум молча кивнула в знак согласия.

Это был их первый серьезный разговор после обрушившегося горя. Через какое-то время они, как и прежде, стали верить друг другу сокровенное.

– Вне сомнения, свадьба Ока-бегим и Мухаммадбека ибн Мусы откроет многим путь, – сказала твердо Сараймулькханум. – И мы, и подданные наши погрузились в последнее время в пучину горя и печали... Надо возвращаться к жизни.

– На все воля Всевышнего, – сказала принцесса. – Вы правы.

Ханзада-ханум понимала, как сложно было Сараймулькханум решиться на этот разговор. Да, оберегать людей – это одно из предписаний пророка, милость, данная Аллахом.

...Вспомнив это, Ханзада-ханум смущенно посмотрела на Сахибкирана:

– Милостивый отец наш! Можно спросить вас кое о чем?

– Спросите... Спросите... – «Слава Богу! – подумал Амир Темур. – Все что попросит, исполним. Пусть порадуется».

– А когда состоится свадьба нашей несравненной золовки Ока-бегим?

От такого неожиданного вопроса не только Амир Темур, но и Кутлуг Туркан-ока, и все присутствующие изумленно замерли. Как же великодушна хорезмийская принцесса! Будучи в трауре, она заботится о своей золовке! Действительно, свадьба планировалась на весну, а горе заслонило предстоящее событие. Никто не решался заговорить об этом. А принцесса решила сама спросить о свадьбе золовки...

Сараймулькханум сидела, опустив голову, и незаметно улыбалась.

– Скоро, дорогая дочь! Обязательно состоится в скором времени! – ответил Сахибкиран, глядя на Ханзаду-ханум с глубоким уважением и восхищением.

Через три месяца одну за другой сыграли две свадьбы: сначала Оки-бегим с Мухаммадбеком ибн Мусой, затем Оккиз с Ахием Джаббар-бахадуром.

Глава восьмая

I

В зимнюю стужу, объездив всю пустыню Кызылкум, Аббас-бахадур и Мухаммад Мирак наконец нашли Тохтамыш-оглана в одной из заброшенных крепостей и с почетом сопроводили в Самарканд. В ставке Хумаюн урду распорядились о том, чтобы гости неделю отдыхали.

Сегодня, наконец, поступило сообщение, что великий амир прибывает во дворец и официально приступит к своим делам.

Перед воротами Куксарая собрались все высокопоставленные лица салтаната. В прошлом году были воздвигнуты две башни, похожие на башню Арсланхана в Бухаре. Две резные башни, обтянутые бекасамом¹, были видны со всех сторон города,

¹ Бекасам – вид шелковой материи. Но здесь подразумевается узорчатый минарет.

придавая Куксарая еще более величественный вид. Каждый день перед вечером восемь фонарей, установленных на каждой из башен, зажигались караулами.

Вскоре вдалеке показался скакун Сахибкирана. Все вышли навстречу государю.

Скакуна Ханоглана вели под узды Амир Довуд-дуглат и Мухаммад Чурага-додах, Умаршейх Мирза и Амир Сулейманшах шли рядом, положив руки на стремяна.

В пятнадцати шагах позади шли Амир Окбуга-найман, с бородой похожей на кетмень, Амир Шахмалик, Мухаммадбек ибн Муса, Ахий Джаббар-бахадур и другие военачальники.

Перед воротами Куксарая Амиру Темуру помогли сойти с лошади. Первым делом государь направился к своему учителю, чтобы поприветствовать его.

– Добро пожаловать, Амир Сахибкиран! – поклонился Мир Сайид Барака.

– Милости просим, Ваше величество Сахибкиран! – почтительно сложил руки на груди Суюргатмишхан.

Вельможи салтаната с нескрываемой радостью поклонами приветствовали правителя Турана.

Все были оживленны и счастливы. Государь и встречающие направились в приемную Куксарая на втором этаже. Это был огромный зал с высоким потолком, с занавешенными шелковыми шторами двенадцатью окнами, из которых открывался прекрасный вид на площадь Чорсу. Стены приемной украшали прелестные пейзажи.

Амир Темур, как обычно, стараясь скрыть свою хромоту, неторопясь прошел к трону; высокопочтенного наставника и Суюргатмишхана пригласили занять места в узорчатых креслах, находящихся по обе стороны в пяти шагах от трона. Остальные вельможи расселись в форме дуги в центре зала.

– Во имя Аллаха, милостивого и милосердного, пусть этот прекрасный дом – солнце салтаната – минует ненастье до скончания веков! Пусть Амир Сахибкиран здравствует на радость нам долгие лета! Хвала Аллаху, Господу миров!..

Приемная, где уже несколько месяцев не звучал голос Мир Сайида Бараки, засияла. Раскрылись руки для благословения.

Мудрейший наставник продолжал:

– В семь лет у ребенка выпадают молочные зубы, в пятнадцать он достигает физической зрелости, до двадцати пяти лет он растет, а в сорок человек достигает умственной зрелости. Посланник Всевышнего в сорок лет стал пророком. Сахибкиран Амир Темур подошел к сорокалетнему рубежу...

– Поздравляем!

– Счастья вам! – раздались поздравления.

Амир Темур смущенно кивал головой: «Спасибо! Спасибо!»

– Душа Амира Сахибкирана словно зеркало мира, отражающее прошлое и будущее. Смотреть на такое зеркало, быть рядом – для меня огромная честь! Давайте внемлем голосу его сердца.

Амир Темур увидел, как красное круглое лицо наставника от волнения покраснело еще больше. Государь, помолчав какое-то время, начал свою речь, в которой хотел подробно рассказать о походе на Моголистан:

– Настала пора раз и навсегда закрыть рот заговорщикам, смутьянам и сплетникам, желающим море осушить решетом, а гору разровнять, обмахиваясь опахалом. Собаку Камаридина, осмелившегося сунуть морду в логово тигра, вы знаете, господа, я давно хотел наказать. Но и на этот раз он спасся.

– Придет его время, Амир Сахибкиран! – сказал Суюргатмишхан, сильно похудевший после тяжелой болезни. – По воле Аллаха, наступит и его час...

Вдруг слуга вошел и объявил:

– Его величество принц Тохтамыш-оглан – сын Туйходжа-оглана из рода чингизидов – ожидают высокого приема!..

– Пусть войдет! – разрешил Сахибкиран.

Все в предвкушении какого-то чуда смотрели на узорчатую дверь...

Сначала появился Мухаммад Чурага-додхах. Именно он отвечал за прием высокопоставленных гостей. Через мгновение уверенной походкой в зал вошел рослый двадцатилетний юноша. Черный чекмень, доходивший до пола, зрительно увеличивал его рост. Сделав пять шагов от порога, он с поклоном совершил церемонию приветствия.

Это был Тохтамыш-оглан.

Вслед за ним появились Аббас-бахадур кипчак, Алибек-кунгират, Урунг Темур, Окбуга-бахрин и Мухаммад Мирак. Они что-то прошептали Тохтамыш-оглану, растерявшемуся то ли от великолепия дворцового зала, то ли от пылающего взора Амира Темура, сидящего в пятидесяти шагах на величественном золотом троне. Скорее всего, они подсказывали, как вести себя, что нужно сказать Сахибкирану. Гость тут же выпрямился и смело двинулся к трону.

– Этот юноша славный... – прошептал Амир Довуд-дуглат рядом стоящему амиру.

– Посмотрите, как сложен... – не отрывая глаз от потомка Чингизхана, сказал Амир Жаку-барлас.

– Какова стать, вы только посмотрите! Орел! Поняли... – добавил Амир Муса.

– Видно, умный юноша... – прошептал шейх-уль-ислам.

– Как-никак, потомок хана, чистокровный... – восхитился Амир Улжайту-опарди.

Амир Окбуга-найман одобрительно кивал головой и поглаживал бородку-кетмень.

Лишь Суюргатмишхан был недоволен визитом Тохтамыш-оглана и не скрывал этого. Он хмуро молчал. Узнав, что Тохтамыш-оглан собирается с визитом к государю, он потерял покой. Появился соперник! Да-да, соперник! Почему бы ему не потеряться там где-то в Дашти Кипчаке!.. Несмотря на то что сам является чингизидом, он понимал, что нельзя доверять чингизидам, особенно сейчас. Но как он скажет об этом Его величеству Амиру Темуру Курагану? Сахибкиран такой доверчивый, любопытный, кто слезно молит о помощи, верит.

Мир Сайид Барака, сидящий слева от трона, посмотрев на гостя, невольно почувствовал к нему необъяснимую неприязнь. Но, бросив взгляд на Амира Темура, увидев радость и удовлетворение на его лице, он отбросил все сомнения. «Амир Темур никогда не ошибается в людях», – подумал духовный наставник и успокоился.

Надменный вид Тохтамыш-оглана не понравился Амиру Темуру. Но ни в коем случае этого не надо показывать, не следует обращать внимания, надо быть учтивым для пользы салтаната. А там будет видно...

За десять шагов до трона Тохтамыш-оглан произнес:

– Здравствуйте, Ваше величество! – затем, подойдя к трону, опустившись на колени, три раза поцеловал полы золоченного царского халата и приложил ко лбу. Потом отступил назад и поклонился. – Я сирота, Ваше величество Амир Сахибкиран, лишился отца... Мой отец погиб. Будьте мне отцом! Я хочу стать вашим названным сыном! Мечтаю им стать!

Амир Темур был крайне изумлен. Неужели люди могут быть такими похожими?! Удивительно! Если не считать несколько неприятного голоса, гораздо более высокого и пронзительного, чем у Джахангира Мирзы, то Тохтамыш-оглан – вылитый его сын... Да, да, как Джахангир Мирза! И ростом, и статью... Хвала и честь вечному Творцу!

«Как же он похож на великого принца, такие же горящие глаза, гладкая юношеская кожа, пробивающиеся усы... Говорит, что хочет стать моим сыном. А что, и правда станет сыном... Сын! – мелькнуло в голове Амира Темура. – Назвать сыном... А он очень похож... О Боже! Как же ты испытываешь своего бедного раба!»

Сахибкиран растроганно произнес:

– Добро пожаловать, сынок! Добро пожаловать!

По традиции, когда взрослые встречают молодых, даже незнакомых, то ласково называют их «Сынок!», «Доченька!». Но в словах, только что с надеждой произнесенных Амиром Темуром, чувствовался совсем другой смысл. Это заметили все. Амиру Жаку-барласу стало как-то не по себе, сердце его сжалось, по телу пробежала дрожь. Когда Сахибкиран произносил слово «сынок», скорее всего, его сердце, опустевшее после

смерти Джахангира Мирзы, дрогнуло, он на самом деле представил, что появилась замена его сыну... Да, это было так!

Тохтамыш-оглан поднял голову и увидел, что Амир Темур Кураган, встав с трона, направляется к нему! И как приятно слышать «сынок» от государя! Бедного принца, потерявшего своего покровителя-отца Туйходжа-оглана, сироту, обреченного на скитания, теперь такой доблестный царь, как Темурбек, считает своим сыном... «Он поверил моим сладким речам!» – отметил про себя довольный Тохтамыш-оглан. Хорошо, что он внял советам товарищей. Оказывается царям по нраву, когда просишься стать их сыном...

Амир Темур с распростертыми объятиями приблизился к принцу и прижал к груди потомка чингизидов. Увидев, как Сахибкиран, одетый в белый бархатный халат, обнял одетого в черный чекмень Тохтамыш-оглана, который был несколько ниже государя, Суюргатмишхан испытал неприязнь. Вы только посмотрите, как соединились белоснежный халат и черный чекмень! Казалось, что на груди Амира Темура пригрелась черная змея... Вот бы сейчас разъединить их, объяснить все Сахибкирану, а Тохтамыш-оглану высказать все в лицо и прогнать вон!

Но его величество Сахибкиран в приливе чувств мог неправильно все понять, мог подумать, что хан завидует царскому уважению к потомку чингизидов, что ревнует! Конечно, так и подумает. Суюргатмишхан прекрасно знал, что Амир Темур не прощал такую человеческую слабость, как зависть. Поэтому ему пришлось взять себя в руки и промолчать.

При всеобщем одобрении Сахибкиран повел гостя к трону и предложил сесть рядом с ним, он был доволен посещением принца-чингизида.

– Господа, визит принца Тохтамыш-оглана – славный шаг на пути к расцвету салтаната! – обратился к присутствующим вельможам Сахибкиран. – Мы его видим своим сыном, пусть он займет свое место в нашем государстве как благочестивый сын. Да не устанет наша душа, по воле Аллаха, быть милостивой к принцу!..

– Дай Бог, аминь! – раскрыл ладони для благословения Мир Сайид Барака.

– Аминь! – протянул руки с четками глава духовенства Ходжа Абдумалик Самарканди.

Все подержали: «Аминь, аминь!»

«Род Чингизхана – царский род, – подумал Амир Темур, – они глядят на нас свысока. Не считают за людей, это понятно. Да-а... Я воздам принцу такие почести, какие ему и не снились. Если я ему помогу, поддержу, даст бог, он станет нашим сыном. И на границе в стороне Дашти Кипчак наступит мир. Его надо сделать обязанным. Это хорошая традиция предков».

Он снова взглянул на Тохтамыш-оглана, хмурый вид которого так напоминал Джахангира Мирзу, и слегка вздрогнул.

– Мамат!

– Слушаю, Ваше величество Сахибкиран! – сверкнул глазами Мухаммад Чурага-доддах.

– В связи с приездом нашего сына – принца Тохтамыш-оглана – устройте роскошный пир во дворце Боги Накши жахан! Пригласите всю городскую знать, пусть принц познакомится с ними, а они окажут ему подобающую честь! Пусть он навсегда забудет о сиротском одиночестве, скитаниях и невзгодах! Пусть певцы поют лучшие песни! Наступило время праздника! Устройте такой пир, чтобы молва о нем разнеслась по всему миру.

Мир Сайид Барака был несказанно рад оживленности Амира Темура Сахибкирана, познавшего горе и радость, невзгоды и лишения, счастье и боль, но не сломившегося, воистину, он избранник Аллаха...

Наставник решил поддержать Сахибкирана и, глянув на светившегося от удовольствия Тохтамыш-оглана, сказал:

– Амир Сахибкиран! Воистину, это так. Кто, устав от скитаний и невзгод, приходит к вам с мольбой о помощи, вы всегда стремитесь оказать ее. Благодарение Аллаху, он наделил вас щедрым сердцем. В хадисе великого Мустафы говорится, что на самом

деле Пророк благоволит тем, кто сочетает в себе великодушие и отвагу, и таких людей считает достойными. Те же, кто не умеет ценить доброту и милость, кто руководствуется низменными помыслами, рано или поздно окажутся в Его немилости. Кто не осознает эту истину, тот лишится величия и славы. Хвала Аллаху, Господу миров!

Духовный наставник хотел выразить свою мысль помягче, однако неожиданно для него самого его речь оказалась прямым намеком на гостя. Суюргатмишхан внутренне ликовал, хотя внешне сохранял маску спокойствия. Амиры многозначительно переглянулись.

– Пусть наше великодушие, если будет угодно Аллаху, принесет хорошие плоды! – тут же отозвался Амир Темур, сделав вид, что ничего не понял. Хотя про себя отметил, что наставник прав: нужно быть бдительным, нельзя всецело доверяться, необходимо оставить в душе место сомнению. Речь господина Мир Сайида Бараки тому подтверждение. Действительно, сколько раз он проявлял милость к таким, как этот чингизид, скольких спас, скольких поддержал. И что в результате? Многие из них все равно стали врагами, подняли оружие против Сахибкирана...

Как-то духовный наставник сказал: «Кто осмелится идти наперекор своему покровителю или забудет о его благодеянии, тот будет проклят Аллахом!» Покойный Джахангир Мирза считал, что нужно быть беспощадным к подлым предателям, не зря говорил, что детёныш собаки будет собакой, от осла родится осел. Бедный мой сын! Вы были правы, мой принц, но государственная политика – сложная штука, иногда приходится искать обходные пути. Тогда, к сожалению, ему так и не представилась возможность объяснить это Джахангиру Мирзе...

Сахибкиран посмотрел на Тохтамыш-оглана с довольным видом:

– Наш сын проделал трудный путь... Вот и зима близится к концу, дороги скоро просохнут. Солнечный день – лучший подарок для воина! Не приведи господь сражаться в дождь или ураган! – Амир Темур вспомнил грязевую битву во время распутицы десятилетней давности, тогда Сахибкиран впервые потерпел поражение, ему пришлось даже бежать, а враги с издевкой смеялись ему вслед, презрительно выкрикивая слова: «Сбежал! Сбежал!..». До сих пор эти воспоминания заливают краской его лицо. – Вам нужно отдохнуть как следует! Забудьте обо всех трудностях беглеца! Мамат! Я приказываю преподнести из нашей казны подарки Тохтамыш-оглану и его соратникам! Одарить драгоценностями, одеждой, оружием, лошадьми!..

– Слушаюсь, Ваше величество! – поклонился Мухаммад Чурага-доддах.

Вокруг послышались возгласы восхищения.

Несмотря на щедрые подарки и милость государя, в сердце Тохтамыш-оглана закралась тень сомнения... Все равно Амиру Темуру не удастся заменить ему родного отца, он лишь мелкий амиришка. Как он может стать отцом великому потомку Чингизхана, который в будущем станет правителем Жужи улуса?.. Но сейчас себя надо вести как верный сын.

Амир Темур на секунду задумался и добавил:

– Говорят, достойный конь – спутник настоящего мужчины! Мы дарим нашему сыну нашего скакуна Ханоглана! Нам дорог наш сын! Пусть Ханоглан станет его надежным спутником! – затем он обратился к Тохтамыш-оглану: – Сын мой! Берегите этого скакуна, когда-нибудь он сослужит вам хорошую службу!

Слава о быстроногом скакуне Сахибкирана дошла и до Тохтамыш-оглана, и, услышав о таком дорогом подарке, он искренне обрадовался и отбросил все сомнения. Тохтамыш-оглан был любителем и знатоком лошадей и готов был все отдать за хорошего скакуна...

Принц расчувствовался:

– Сердечно благодарен, Ваше величество Сахибкиран! – поднявшись с места, поклонился Тохтамыш-оглан. Слова духовного наставника несколько насторожили его, но подумать об этом как следует, у него не было возможности. Он проглотил этот намек и постарался найти достойные слова благодарности. – Вы оказали великую милость вашему

слуге... Назвав сыном, вы вознесли меня до небес! Знаете, ни от кого, ни от одного потомка нашего деда Чингизхана я не устаивался такой щедрости! Вы сделали больше, чем мой отец, Амир Сахибкиран! Ваше величество, вы заменили мне отца!

Слово «знаете» было излюбленным в лексиконе принца. Его глаза заблестели слезами, и, чтобы их спрятать, он склонился на колени перед Сахибкираном. Поцеловав три раза полы халата государя и поднеся их ко лбу, он с мольбой в голосе сказал:

– Кровопийца Урусхан убил моего отца... Ваше величество Сахибкиран, если вы дадите войско, я ваш сын... если поможете, я бы завладел тронем Золотой Орды... Я оправдаю ваше доверие! Мы бы уничтожили всех врагов... Ваше величество Сахибкиран...

Тохтамыш-оглан с трудом произнес эти слова, но, как они подействовали на Амира Темура, не понял. Стоящие у входа Аббас-бахадур кипчак, Алибек-кунгират, Урунг Темур, Окбуга-бахрин и Мухаммад Мирак поспешили к принцу.

– Поздравляем с сыном! – обратился духовный учитель к Сахибкирану.

– Поздравляем! – Амир Жаку-барлас был восхищен щедростью и благородством Амира Темура, хотя его несколько расстроило то, что среди подарков государя оказался царский скакун Ханоглан. Он переживал, что Сахибкиран может пожалеть о своем коне-любимце. Скакун, завидев царя, рвался и рыл копытом, мотая головой...

...Правитель Герата Малик Гиёсиддин вместе с другими подарками хотел преподнести султану Турана породистого скакуна в знак почета и уважения. У гератского шаха был крупнейший табун чистокровных лошадей, пасшийся в бескрайних тугаях.

Малик Гиёсиддин тогда приказал табунщику:

– Бросай свой аркан с благородными намерениями! Пусть он принесет нам удачу!

– О боже! Пусть аркан падет на буланого, или пегого, или на другого достойного! – крикнул табунщик и бросил аркан в гушу лошадей. Фортуна улыбнулась Ханоглану, и гордый скакун оказался в числе подарков высокому государю.

Стройный, резвый, легконогий красавец глянулся Сахибкирану. Разряженный иноходец гордо бил копытами. Он не шарахнулся от государя, более того, кивнув как старому знакомому, сделал один шаг ему навстречу. «Умен, как человек, жаль не может говорить», – рассказывал о Ханоглане Амир Темур...

Так стал этот конь неизменным спутником Сахибкирана. Везде: в походах, во время триумфальных шествий – государь был верхом на этом скакуне. Все восхищались его гарцующей поступью, особенно когда, сверкая золотыми стремянами и уздечкой, он гордо вышагивал по городу, вызывая дикий восторг у мальчишек.

Амир Темур был заботлив и ласков с любимым иноходцем, почти ежедневно навешал его в царской конюшне, а иногда сам кормил свежим клевером и сахаром. Рядом с конем ему было спокойнее, решения приходили сами собой, тревоги отступали, сердце наполнялось любовью и благодушием. «Мой дулдул! Мой родненький дулдул!», – ласкал правитель любимца, похлопывая его по длинной шее и целуя в морду. Самыми приятными для Ханоглана были минуты, когда Сахибкиран кормил его сахаром или кишмишом.

– Ох, ох, Амир Сахибкиран сделал большее, чем мог позволить родной отец! – не скрывал удивления Амир Улжайту-опарди. – На самом деле его великодушие безгранично!..

Все амиры, покинув Хумаюн урду, направлялись в сторону дворца Боги Накш жахан, прекрасно зная, что означает указ о пышном празднике. С центральной площади Богкуча уже доносились торжественные звуки карнаев и сурнаев. В столице это был первый пир после смерти Джахангира Мирзы.

II

Дворец Боги Накш жахан три дня принимал гостей. Вино лилось рекой, угощение было поистине царским. Совершили выезд на природу, на пастбища Конигила. Все

¹ Дулдул – мифический конь

высокопоставленные люди салтаната принимали гостя весьма учтиво, не давали скушать, пытались развлечь и позабавить. Древний обычай – «Гость дорог как отец» – был соблюден полностью.

Государство Туран оживало после страшного горя, все возвращалось на круги своя, еще раз подтверждая, что жизнь в этом мире вечна и неизменна, и человеку остается лишь принять это.

Происходящее было не по душе лишь Умаршейху Мирзе, особенно раздражала его надменность и спесь Тохтамыш-оглана. Молодому амирзаде казалось, что Тохтамыш-оглан был не совсем искренен, презрительно глядя вокруг, мол, «С кем я сижу? До чего я докатился?».

«Хе, тоже мне потомок Чингизхана!.. Ну и что? Вон потряси тутовое дерево – столько же чингизидов упадет. Сколько их скитающихся и обездоленных... Если сунуть голову собаки в чашку, то она обязательно ее опрокинет!..» – мысленно негодовал принц.

– По-моему, чингизиду не по нраву великодушие Амира Сахибкирана... Наш принц сидит без настроения! – намеренно громко сказал Умаршейх Мирза Жаханшаху ибн Жаку, насмешливо кивая в сторону Тохтамыш-оглана.

Столько дней он пирует вместе с ними, но ни разу не проявил своего удовольствия. Все сидел и сидел с опущенной головой, храня молчание, и только, когда Жаханшах ибн Жаку стал расспрашивать его о Дашти Кипчаке, обмолвился парой-тройкой слов.

Жаханшах ибн Жаку, внимательно наблюдавший за происходящим, поспешил ответить:

– Ну, подустал наш принц. Кажется, ему нездоровится...

– Конечно, дальняя дорога любого изматывает, – попытался разрядить обстановку Амир Сулейманшах. – Когда человек нездоров, его ничто не радует. Ничего! Отведите эти блюда, мой принц! Эй, виночерпий, принеси нам вина!

Его приятный бас властно прозвучал в комнате, заставив замолчать и прислушаться к происходящему Мухаммада Мирака и Мухаммадбека ибн Мусу, до этого мирно шептавшихся о чем-то.

Алибек-кунгират, сидевший справа от Тохтамыш-оглана, считался самым рассудительным амиром в Жужи улусе. Он забеспокоился: разговор начинал приобретать опасный поворот. К тому же амир прекрасно знал, что Тохтамыш-оглан, как и его отец Туйходжа-оглан, был вспыльчивым и мог наломать дров, не задумываясь о последствиях. Ах, эта несдержанность так свойственна молодым... Он что-то прошептал Тохтамыш-оглану на ухо, затем виновато улыбнулся Умаршейху Мирзе и поспешил объяснить:

– Недавно нашего принца постигло тяжелое горе, дорогой амирзаде... Его отец, его величество Туйходжа-оглан, погиб от рук Урусхана. Он все еще страдает...

– Это тяжелое горе... – вмешался амир Окбуга-бахрин.

– Да уж. Никому не пожелаешь такого... – добавил приятель Тохтамыш-оглана Амир Урунг Темур.

Алибек-кунгират, горестно кивая головой, незаметно слегка толкнул своего принца. Тохтамыш-оглан медленно поднял голову:

– Прошу прощения, мой амирзаде! – Тохтамыш-оглан, через силу улыбаясь, посмотрел на Умаршейху Мирзу. – Мы счастливы, мы в восторге, мы польщены милостью его величества Амира Сахибкирана...

Принц снова опустил глаза, погрузившись в свои думы. Он потомок Чингизхана, из великого рода основателя могущественнейшего салтаната! Их Туран был землей, покоренной Чингизханом! Да кто они вообще? Даже не потомки хана, всего лишь амиры, грязные голодранцы, выскочки!.. Они должны лишь служить потомкам Чингизхана, быть амирами и чиновниками. Все, что они делают: пиры, почет – это их обязанность. Все это нужно больше им, а не мне, Тохтамыш-оглану. Так они, эти безродные, хотят приблизиться к чингизидам, втереться в доверие и стать ближе к чистокровным!

Но где сам Амир Темур, который проявил такое великодушие, почему он, ни разу

не появился во дворце Боги Накш жахан? Кажется, он ни во что не ставит Тохтамыш-оглана... Этот человек не признает чингизидов.

Вон, посадил Суюргатмишхана на трон как куклу! А у него, кроме звания «хан», вообще нет никаких полномочий. И этот недотепа «хан» позволяет себе вольности по отношению к чингизидам.

Тохтамыш-оглан никогда не будет игрушкой в чьих-то руках, это он будет играть всеми, как марионетками! Еще как играть!.. Вот только возьмет бразды правления! А пока он вынужден униженно молчать, вынужден... Придет момент, и он покажет свою силу таким, как этот зазнайка Умаршейх Мирза, и другим чванливым амирам! Но сейчас он слаб, всего лишь беглый бедный принц, у которого нет ни войска, ни денег... Именно беспомощность привела его к Амиру Темуру, он совсем не желал стать названным сыном Сахибкирана. Никогда!

«Отец» – правитель государства, а «сын» – его подчиненный... Это одна из особенностей государственной политики. Это позор для великого рода Чингизхана. Тохтамыш-оглан не желает этого! Но сейчас ему надо собраться с силами, нужно войско! Говорят, тонуший хватается за змею. На самом же деле для того, чтобы обрести власть, он готов пресмыкаться, целовать ноги, терпеть, нужно терпеть, терпеть!.. Ведь Амир Темура тоже когда-то пресмыкался перед ханом Моголистана Туглуком Темуром! И вот результат!

Умаршейх Мирза хотел посмотреть в глаза принцу, чтобы убедиться, что его слова искренни, но тот склонил голову. Окбуга-бахрин что-то прошептал на ухо Тохтамыш-оглану.

В это время сообщили, что гонец принес весть из Хумаюн урду. Все насторожились. Верный слуга Амира Темура Мухаммад Чурага-додхах торжественно вошел в гостиную дворца Боги Накш жахан и четко произнес:

– Пришел фирман из Хумаюн урду! Принцу Тохтамыш-оглану пожалованы области Отрар и Сабран¹. Кроме того, ему выделено отличное войско с полным обеспечением, обмундированием и лошадьми! В указе отмечено, что принц может в удобное для него время вместе с воинами выехать в свой вилайет. Поздравляем, мой принц!

Алибек-кунгират довольный тем, что указ вовремя подоспел, захлопал в ладоши. И Окбуга-бахрин, и Урунг Темура, и Мухаммад Мирак, и другие наперебой повторяли, что Тохтамыш-оглану несказанно повезло, что это милость Всевышнего.

Тохтамыш-оглан, до этого сидевший потупившись, поднял голову. Умаршейх Мирза заметил, что это был не тот унылый принц, перед ним сидел совершенно другой человек! Принц не скрывал своего ликования, лицо его расплылось в улыбке, взгляд горел надеждой! Действительно, сын Туйходжа-оглана ждал именно такого указа! Он готов был тут же возвратиться в родной Дашти Кипчак посчитаться с Урусханом за смерть отца, он горел желанием отомстить. Поэтому он не чувствовал вкуса яств, не мог наслаждаться празднеством. Его терзала одна мысль: получить от Амира Темура Курагана войско и пулей помчаться мстить презренному убийце!.. Налететь внезапно черной тучей, не дать опомниться, выжечь каленым железом!.. Захватить трон Урусхана – и все, а там он знает, что делать дальше...

Тохтамыш-оглан, поднявшись с места, с поклоном взял свиток с указом из рук Мухаммада Чурага-додхаха и осторожно приложил его к глазам.

Затем, посмотрев на Умаршейха Мирзу, сказал:

– Мой амирзаде, милость Его величества Амира Темура Курагана столь велика, что невозможно найти подходящих слов, чтобы выразить свою благодарность! Разве можно, зная, что такое гора, восхищаться ее высотой, зная, что такое свет, восторгаться его блеском? Невозможно! Пусть жизнь Амира Сахибкирана будет долгой, правление безоблачным, счастье бесконечным! Я готов отдать жизнь в благодарность за его доброту! Пусть воздастся ему за его великодушие, если не от меня, то от Бога. Мой амирзаде,

¹ Отрар, Сабран – города на правом берегу Сырдарьи.

я отправляюсь в Дашти Кипчак, став названным сыном Его величества и вашим братом!..

Умаршейх Мирза сделал легкий поклон и ничего не ответил, тоненький голосок чингизида раздражал его. Удивительно, почему он, сидевший доселе безучастно, оставшийся равнодушным к высоким почестям и подаркам, к прекраснейшему скакуну Ханоглану (говоря честно, амирзаде очень любил этого иноходца, но он никогда и никому не обмолвился об этом), услышав, что ему пожалованы области Отрар и Сабран и, в особенности, дано в распоряжение войско, пришел в такой восторг? Неужели Отрар, Сабран и войско не продолжение государевой милости? Что ему было нужно? Уважение, почет, подарки или войско? Иными словами, ему нужна лишь мощь и сила?

Но этого амирзаде не мог знать.

Счастливым Тохтамыш-оглан, убежденный, что ковать железо нужно, пока оно горячо, несмотря на зиму, отправился в Сабран.

Глава девятая

I

По-царски убранная гостиная во дворце Боги Баланд была, как обычно, уютна и тиха... Самарканд всегда отличался крепкими морозами. Зима хоть и подходила к концу, но все еще не сдавалась – временами начинался сильный снегопад, завывал холодный ветер.

Завернувшись в шелковое одеяло и вытянув ноги к раскаленному сандалу, Сахибкиран, погрузившись в свои мысли, глядел в окно...

Как же Тохтамыш-оглан, искавший у него прибежища, похож на Джахангира Мирзу! Будто с сыном увиделся. Слава Богу. Теперь вопрос северных границ, проблемы, связанные с Жетой и Дашти Кипчаком, которые давно тревожили его, можно считать решенными без особых усилий. Все, можно не беспокоиться, Тохтамыш-оглан сам все решит, захватит престол Жеты. Амиру Сахибкирану останется лишь руководить и направлять. Наконец-то он спокойно займется благоустройством своей страны. Конечно, в душе он сомневался по поводу порядочности Тохтамыш-оглана, но не хотелось ему предаваться этим сомнениям...

Личный секретарь Мавляна Убайд, положив голубую тетрадь на сандал, что-то записывал, изредка шурша листами, перечитывая какой-то трактат.

Сахибкиран пришел к выводу, что он кое-как знает историю Самарканда, а если честно, можно сказать, что совсем не знает. Издревле Самарканд славился великими святыми людьми, верой и правдой служившими мусульманству, исполняя все заветы Всевышнего. Ходжа Исмаил Бухари – автор «Сахиhi Бухари», шейх Абу Мансур Матруди, шейх Бурханиддина Маргинани... Могила Ходжи в Хартанге, гробницы двух великих шейхов на кладбище Чокардиза...

Кутлуг Туркан-ока и Сараймулькханум частенько посещают эти святые места, пекутся об их благоустройстве. Сахибкиран всячески их поддерживает и помогает. Согласно указу строительство мавзолеев производится не за счет казны, а из личных средств инициаторов. Амиры, члены царской семьи, вельможи, взяв под опеку какую-нибудь местность столицы, по своим силам и возможностям строили медресе, молельни, караван-сарай, мосты, дороги. Иными словами, бескорыстное служение и созидание стало традицией в стране. Амир Темур вспомнил, что, когда он еще не был правителем, а был простым амиром, он восстановил на свои средства одну из стен крепости в Карши. Такова была традиция предков. Тогда стояла такая же зима.

– Всезнающий сам Аллах... – нарушил тишину Мавляна Убайд, посмотрев улыбающимися узкими глазами на Сахибкирана. – Прошу прощения, вы просили рассказать об истории великого Самарканда...

– Да, просил...

– Ваш покорный слуга тогда не смог сразу это сделать. Теперь, Амир Сахибкиран, если позволите...

– Позволяем! Мы немного знаем об истории Самарканда... – признался Сахибкиран. – Надо еще многое узнать. Поведайте.

– С удовольствием. Наш прекрасный город находится в пятом климатическом поясе земли. Многое пришлось пережить Самарканду. На рассказ уйдет много времени, Амир Сахибкиран. Попытаюсь изложить кратко. О названии города есть предание. Самарканд происходит от арабского слова «Самаркент» и своими корнями восходит к кишлаку Самар. Самар – имя одного из тюркских ханов, этот кишлак был построен в глубокой древности. В книге «История Табари»¹ также говорится, что могущественный хан по имени Самар – основатель этого города. Там поселилось тюркское племя «канд», поэтому его стали называть «Самарканд»...

– Так написано, говорите, у Табари?

– Да, Амир Сахибкиран! Затем при туранском царе Афрасиябе – Алп Эртунги город стал столицей государства. Когда Искандер Зулькарнайн² захватил город, он превратился в столицу Согдианы, были возведены мощные стены, в трактатах их называли «чудесные стены». Южную стену именовали «Поперечной стеной»... Перед городом в саду Навбаг арабский полководец Кутейба ибн Муслим вырыл огромный хауз. Шестисот лет тому назад в нашем городе была построена первая соборная мечеть Хазрати Хизр. Ее называли еще Голубой мечетью. Говорят, кто сорок понедельников будет читать намаз в этой мечети, тот сможет увидеть святого Хизра... Во время нашествия Чингизхана город был разрушен, превращен в руины... Всезнающий сам Аллах.

– Недавно, когда я направлялся во дворец Боги Накш жахан, – задумчиво сказал Амир Темур, – видел высокие холмы на севере, на самом деле это не холмы, а останки древнего Самарканда, да?

– Да, Ваше величество! Те холмы – наш древний Самарканд. И еще – в кишлаке Матурид в саду Шейха Абу Мансура растет одно дерево, названное «лисон ул-асфур», то есть «воробьиный язык». Это одно из чудес Самарканда. Плоды дерева похожи на птичьи языки, из них готовят лекарство от многих болезней... – Рассказчик глубоко вздохнул. – Издревле Самарканд считался самым красивым городом. Я прочитал это в книге Мавляна Истахри, написанной четыреста лет назад... По его мнению, Самарканд – самая плодородная земля на свете...

– Историк-путешественник ал-Истахри? Ну-ка, что он писал, давайте узнаем... – Амир Темур посмотрел на Мавляна Убайда.

Довольный сказитель, осторожно достав страницу из рукописи, начал читать:

«... Земли Самарканда, как мы упоминали, великолепны. Пейзажи весьма живописны. Рядом нет ни песчаных степей, ни каменистых гор. На обоих зеленых берегах реки Согд множество деревьев и пастбищ. С самого высокого холма виден город, утопающий в зелени. Самое удивительное, чтобы обойти эти цветущие луга, нужно ровно восемь дней. Арыки полноводны, сады благоухают. Поразительно то, что сады простираются до близлежащих кишлаков... Всюду сады, полноводные арыки... За садами сады...»

– За садами сады?.. – удивленно переспросил Амир Темур. – Говорите, за садами сады?

Сахибкиран всегда любил сады, где бы ни был, привозил семена разных цветов и при возвращении в Самарканд приказывал высадить их. Именно они цвели весной в Боги Чинаре и Боги Накш жахане, дивно благоухая. С детства он любил цветы, и его мать Тегина Хотун не раз восклицала: «Сынок, ты, кажется, будешь садовником!» Да, он никогда не скрывал свою слабость к садоводству, но судьба распорядилась так, что теперь он возделывает сад, название которого Туран.

– За садами сады... говорите. Сады – чудо Аллаха... На самом деле, наша родина –

¹ Табари (839–923), автор «Истории Табари», знаменитый историк.

² Искандер Зулькарнайн – Александр Двурогий (Македонский)

самое прекрасное место на Земле. Расположена в центре земли, ближе к экватору. Решено, мы превратим Самарканд в самый цветущий край на земле! Все города мира склонятся перед его блеском! Мы украсим нашу столицу так, что восхитятся все. Миср, Дамаск, Багдад, Шираз, Султанья... Если они яркие звезды, то Самарканд станет солнцем! Мы взрастим такие сады, что мир будет восхищаться их блеском! Мы воздвигнем такие здания и мечети, что они будут ослеплять своей красотой! – Сахибкиран на минуту призадумался. – Сомневающиеся в нашей мощи люди пусть посмотрят на наши величественные здания! Все будут съезжаться к нам, чтобы полюбоваться нашими садами и дворцами!

– О боже! Амир Сахибкиран, разве кто-то сомневается в этом?

– Найдутся, Мавляна. Человек всегда найдет повод для недовольства. Природе человеческой присуща такая болезнь, как неблагодарность за добро. Вы думаете, что нет людей, которые не осознают своего счастья и по привычке считают себя несчастными? А те, кто мешает воцарению справедливости и чести? Есть неверные, есть развратники, есть негодяи, есть подлецы, есть скупые, есть неблагодарные... И они, видя нашу мощь лишь в оружии, пренебрежительно относятся к нашим садам, умаляя наши дела в государстве. Да!.. Пусть знают, что наша мощь, сила не в оружии! Разве они не знают, что девять государственных дел из десяти мы решаем на совете? Знают, а делают вид, что не в курсе. Пусть знают: наша сила в следовании постулатам Аллаха, в добре, справедливости, благотворительности! Наша сила в любви к родной благословенной земле, в глубоком понимании жизни как созидания! Мы восхищаемся гармонией и красотой мира сего, и в этом наша сила!..

Мавляна Убайд, долгое время служивший при султани, видел его таким впервые! Густые брови нахмурены, черные глаза горят, на лбу проступили капельки пота. Сорокалетний Амир Темур находился в самом расцвете сил, он был полон энергии, и весь его облик был воплощением силы и мощи...

Мысли Сахибкирана мелькали одна за другой: надо разбить новые сады, поручить это Амиру Сайфиддин-некузу. Руководить людьми, которые будут планировать сады и парки, будет он сам; да, да, он сам займется проектировкой дворцов, цветников, посадкой деревьев, цветов, прокладкой дорожек, сам выберет форму узора для ворот.

Услышав звонкий голос султана, придворный слуга вошел в комнату.

– Позови Мамата! – приказал Амир Темур, словно что-то вспомнив.

Через минуту в дверях показался Мухаммад Чурага-доддах.

– Мы хотим воздвигнуть вокруг Самарканда комплекс дворцов с садами! Наши сады будут необычными! Ты слышал о садах Семирамиды? Те вавилонские навесные сады будут ничто по сравнению с нашими!..

Мухаммад Чурага-доддах, удивленный вдохновением Сахибкирана, посмотрел на Мавляна Убайда и сказал:

– Это богоугодное дело, Амир Сахибкиран!

– Что ты скажешь, если мы поручим возглавить это дело Амиру Сайфиддин-некузу? Он опытен, достаточно умен и прозорлив. Я сам определю места будущих садов. Срочно пригласи мне Амира Сайфиддин-некуза!

– С удовольствием, но... Господин Амир Сайфиддин-некуз ведь... в хадже. Я сам спешил к вам...

– Э... Я снова запямятовал... – смутился Амир Темур. – Господин некуз в хадже! А мне кажется, что он и не уезжал... Ведь он всегда был рядом со мной. Нам его не хватает...

Амир Сайфиддин-некуз считался одним из самых искренних друзей и преданных соратников. Когда в Сеистане пуля пронзила правую ногу султана, он был рядом, и, если бы не он, кто знает, может быть, Сахибкиран так и остался бы на поле боя и оказался бы в руках врагов. Когда Амир Темур женился на младшей сестре амира Хусайна Улжай Туркан-оке, он был дружкой жениха. Они оба были пленены Алибеком Аргуншахом в Махане и провели в туркменской темнице, полной блох, многие дни.

Узнав об этом, правитель Туса и Абиварда, старинный друг Сахибкирана Мухаммад-бек, пришел в бешенство и тут же постарался выкупить пленников, отправив ценные подарки. Но Алибек поступил негуманно – освободить-то освободил, но, кроме дохлой клячи и худого верблюда, больше ничего не соизволил дать.

Распрошавшись с Амиром Хусайном, они, преодолев длинный путь, достигли Жейхуна. Оставался всего один день пути – преребраться через реку, а там до Карши рукой подать...

Внезапно в сумерки на западной стороне появилась толпа врагов. Оставаться было опасно... Все бросились к Жейхуну. Улжай Туркан-ока и Сахибкиран тоже поскакали к реке! Она направила свою лошадь в реку за Амиром Темуром! Тогда с ними был и Амир Сайфиддин-некуз, оберегавший Улжай Туркан-оку...

Много воды с тех пор утекло...

– Кажется, вы не случайно вспомнили об Амуре Сайфиддин-некузе... Сам Бог вам подсказал...

Господин Амир Сайфиддин-некуз отправил гонца из Шираза, всадника Лолаходжи.

– Хвала и честь вечному Творцу! Гонца? – радостно переспросил Амир Темур. – Я давно его ждал...

– Он какой-то косноязычный... Что-то лопочет, хотя все понимает, иногда даже говорит связно, еле разобрались, что он гонец Амира Сайфиддин-некуза. Он с письмом.

Мухаммад Чурага-додхах знал, что к Сахибкирану частенько приходили сумасшедшие на вид люди, а на самом деле преданные и умные, с сообщениями из дальних стран, слуга государя сам не раз приводил их к султану.

Мавляна Убайд, как правило, находясь рядом с Сахибкираном, делал некоторые летописные записи о других странах, о дорогах, горных местностях, реках и озерах, о погоде, о географическом расположении тех или иных построек, о настроении местного населения, о налогах. А потом Сахибкиран обсуждал эти вопросы с Амиром ул-умара, Амиром Жаку-барласом, Амиром Сайфиддин-некузом, Амиром Довуд-дуглатом и другими высокопоставленными чиновниками и должностными лицами. По всем текущим вопросам, по вопросам государственной политики, порядка в салтанате и в армии государь проводил советы.

Поэтому Мухаммад Чурага-додхах посчитал естественным, что гонец косноязычен, так как «лазутчики» всегда были или слепыми, или глухими, или дряхлыми стариками и старухами, или дервишами.

– Йе! Я впервые слышу, чтобы гонец был немой. Странно...

Сахибкиран удивился, но не придал этому значения, для него важнее было то, что гонец от его друга. Да, заждался он вестей от Амира Сайфиддин-некуза.

Мухаммад Чурага-додхах, ожидавший, что сейчас ему прикажут привести гонца, неожиданно услышал совершенно другой приказ:

– Пригласи Мубашшир-бахадур!

Мавляна Убайд, делая записи в тетради, подумал, откуда берутся силы у его государя. Месяц или два назад Аббас-бахадур кипчак под видом дервиша поехал в Хорезм. Амир Сайфиддин-некуз отправился в хадж, кто-то еще куда-то направился. Каждые три месяца к Сахибкирану приходят с докладом люди, пешком обошедшие разные вилайеты государства. На границах воины всегда начеку, почти ежедневно приходят донесения, дворец частенько посещают послы из других стран... Все это записывается в так называемую «Тетрадь событий».

С другой стороны, дела в Хумаюн урду, заботы о сестрах, женах, детях, внуках... Надо найти подходящую пару прекрасным дочерям – Оке-бегим и Султан Бахт-бегим – и выдать их замуж. Недавно он женил сына покойного Амира Муайяд-арлата Мирзу Алибека, чтобы не чувствовала себя обездоленной его сестра – вдова Ширинбика. Действительно, забота о детях для Сахибкирана одно удовольствие, особенно в радость организовывать их свадьбы. Дети растут один за другим – только успевай

устраивать их судьбы.

Когда в приемную вошли додхак¹ и Мубашшир-бахадур, личный секретарь записывал что-то в тетрадь, а Сахибкиран прохаживался по комнате, заложив руки за спину. И Мубашшир-бахадур, и Мухаммад Чурага-додхак выросли при дворе Амира Тарагая, и Сахибкиран считал их преданными бахадурами.

Мубашшир-бахадур поспешно подошел к великому амиру и воздал почести. После этого был отдан приказ позвать гонца Амира Сайфиддина.

Мухаммад Чурага-додхак с двумя стражниками привели гонца Лолаходжу, неприемного человека маленького роста, в овечьей шапке, в длинном черном шерстяном чекмене, с остренькими маленькими глазками и рыжей порослью на подбородке. На первый взгляд он напоминал ежика, втянувшего голову от ветра. Лолаходжа в сопровождении Мухаммада Чурага-додхаха, склонившись, подошел к Сахибкирану, воздал почести и, поцеловав ноги государя, не поднимая головы, протянул Амиру Темуру золоченный бумажный свиток. Затем, не разгибаясь, отошел назад.

Великий амир протянул послание Мавляна Убайду:

– Мавляна, читайте!

Умело вскрыв запечатанный свиток, Мавляна увидел знакомый почерк Амира Сайфиддин-некуза и не спеша начал читать:

«Приветствую Вас, мудрейший из мудрейших, праведнейший из праведных, Сахибкиран семи частей света, непобедимый султан! Я ваш преданный раб, постигающий горькие уроки из книги странствий, никогда не находившийся вдали от вас и истомившийся по родному Турану...»

Сообщаю вам. Сначала я под видом дервиша бродил по улицам, махаллям, на базарах, слушал все, внимал разговорам. Затем я переодевался и посещал дворцы правителей тех мест, сообщая, что направляюсь в хадж и являюсь послом салтаната Сахибкирана Амира Темура Курагана, и с пожеланиями дружбы и братства вручал послания.

На землях Хорасана на престоле находится Малик Гиесиддин из династии курдов, в Гургане – представитель династии Тога Темурли Амир Вали, в вилайетах Кирман, Исфакан и городе Ширазе – правитель из легендарной династии Шах Шуджа, в городе Сабзаваре восседает на престоле Ходжа Али Муайяд. На мой взгляд, никто из них не является могущественным правителем... Но если они объединятся, то превратятся в огромную силу. Между ними довольно сложные взаимоотношения и, по-моему, они не стремятся к дружбе. Эти владыки деспотичны, их жестокость не знает границ. Тирания – их знамя. Им, скорее всего, нельзя доверять...

К слову, посетил Ферузкух, Ардабил, Буружард, Тебриз, Султанию, Хуррамабад, Маленький Лур, Домган, Журжан... Население крепости Фушанж, что около Герата, – сплошные бандиты и разбойники, они не дают покоя праведным мусульманам. Наш караван в тех местах тоже пострадал... Хуррамабад – разбойничье гнездо, население занимается разбоем и грабежом, притесняет паломников. Так-с... Их разбойничьи банды, на мой взгляд, нужно искоренить...

Не буду пересказывать, что мной пережито, на это не хватит бумаги. Я держу все в памяти и, даст бог, поведаю обо всем лично. Но, к слову... В четвертую субботу месяца на рассвете наш караван отправится из Шираза в святую Мекку.

Ваш покорный слуга, здравствующий по воле Аллаха среди праведных мусульман и молящийся за Вас...»

Амир Темур еще раз прошелся глазами по некоторым местам послания. Он в тех местах еще не бывал. В это беспокойное время падишах, не владеющий обстановкой в мире, уязвим. В этом Сахибкиран уверен. Духовный наставник об этом тоже говорил в своем письме. Всё! Службой сведений при визире государственных и иноземных дел будет руководить Мубашшир-бахадур... Он давно об этом думал и после письма

¹ Додхак – один из высших чинов, в обязанности которого входило принимать прошения на имя султана и вручать ответы подателям прошений.

Амира Сайфиддин-некуза решил окончательно. Хоть и называться будет службой, но дел и ответственности не меньше, чем у визиря, а может и больше.

– Мубашшир-бахадур! Познакомься с каждым лазутчиком, тайным агентом, разведчиком и осведомителем. Отбери самых преданных, создай надежный отряд. Поработай как следует. Деньги на расходы возьми из казны. Собирай со всех сторон донесения, в частности, из Жужи улуса, Чинмачина, Хорасана, Мозандарана, Индии... Везде пусть будут твои люди. Стань ушами салтаната!

Мухаммад Чурага-додхах, услышав это, едва сдержался, чтобы не рассмеяться. «Стань ушами салтаната» – это намек на бдительность... или на его лопухость? Ну, конечно, нет, государь не любит попусту шутить. С другой стороны, додхах теперь понял, почему он пригласил Мубашшир-бахадур прежде, чем гонца от Амира Сайфиддин-некуза. Сахибкиран хотел, чтобы начальник службы разведчиков был осведомлен о важном послании...

– Всегда готов выполнить ваши приказания, Ваше величество! – поклонился Мубашшир-бахадур... От волнения у него покраснели уши.

Амир Темур дал несколько обстоятельных рекомендаций. По выбору разведчиков: выбирать самых неприметных людей или таких, которых даже в голову не придет заподозрить – мелких купцов, своенравных борцов-палванов, распутных шутов-канатоходцев, фальшивых звездочетов, вежливых сапожников, охочих до сплетен дервишей и отшельников, ласковых проводников и лодочников, учтивых водоносов, болтливых цирюльников, плутоватых путешественников и страшных, как ведьмы, старух...

– Двери Хумаюн урду всегда открыты для Вас, мы поручили вам важное дело: осведомлять нас обо всем, что происходит в мире!

Лолаходжа стоял почтительно склонив голову около стражи. Амир Темур обратился к Мухаммаду Чурага-додхаху:

– Гонца умаялся в дороге! Одарите его золотым халатом и прочими подарками! Не забудьте и о его сопровождающих! Накройте дастархан, накормите вдоволь! Мубашшир-бахадур, узнай об их самочувствии.

– Слушаюсь!

Услышав это, Лолаходжа с благодарностью поклонился, что-то залепетал и попытался поцеловать полы халата султана. Мубашшир-бахадур, что удивительно, возможно, что-то почувствовав, невольно двинулся к Амиру Темуру.

Когда до Сахибкирана осталось три шага, Лолаходжа, изменившись в лице, стал что-то доставать из длинного рукава чекменя. Что-то блеснуло, заставив похолодеть Мубашшир-бахадур!

Лолаходжа, якобы для благодарности, хотел приблизиться к султану и вонзить в него нож! Внезапно увидев перед собой глаза, полные гнева и ненависти, Сахибкиран схватился было за кинжал, но не успел... Молниеносно промелькнула нога Мубашшира бахадура, точным ударом выбившая нож из рук гонца!

Все это произошло буквально за мгновения. В комнату поспешно вбежали пятеро стражников. Пошатнувшийся Лолаходжа оказался в окружении стражников...

Мубашшир-бахадур хотел было броситься на него с саблей.

– Стой! – внезапно приказал Сахибкиран. – Стой! Мы должны знать, кто этот самозванец!..

Между тем Лолаходжа, чтобы обезопасить тыл, крепко уперся спиной в стену. И тут произошло такое, что даже во сне не приснится, не только амиры, но и Амир Темур был ошеломлен! Немой гонец Лолаходжа внезапно внятно заговорил:

– Кажется, Его величество меня не узнали?... Ах-а!.. Ах-а-а!.. Я тот, кого вы заточили в клетку в Куксарае... Я Зиндачашм-опарди!..

Его голос прозвучал как гром среди ясного неба!

– Зиндачашм-опарди?! – удивленно переспросил Амир Темур. – О, проклятый шайтан!.. Я же дал приказ, чтобы он ко мне не приближался, не показывался, чтобы

духу его рядом со мною не было?!.. Кто его отпустил?..

Мавляна Убайд от страха и удивления вскочил с места.

Мухаммад Чурага-доддах негодовал на самого себя, как же он не разглядел в Лолаходже самого опасного врага Сахибкирана! «Ежик» только сейчас поднял голову: это был низкорослый, узкоглазый, с реденькой рыжей бородашкой, выцветшей на солнце, правитель Шибиргана!

– Да-да, это я! Еще живой! Да, я шайтан! Слуга дьявола! Вы думали, Ваше высочество, что я сдох? Не-е-ет, меня никто не сможет уничтожить! Я бессмертный! Хо-хо-хо!..

Зиндачашм-опарди, довольный произведенным эффектом, безумно хохоча и высоко подняв голову, говорил жутким голосом, в левой руке у него появился кинжал. Он напоминал приговоренного быка, не склоняющегося перед топором.

– Я тот, кто всю жизнь пытался создать государство Хорасан, я правитель Шибиргана! Сколько раз я пытался вас убить, в Карасмане я сам хотел выстрелить из укрытия, но, увы, не смог. И сейчас, к сожалению, не вышло! О, если бы я вас убил, даже о собственной жизни я бы не сожалел, не сожалел!..

II

...Немой гонец Лолаходжа на самом деле был не кто иной, как бывший правитель Шибиргана Зиндачашм-опарди, много раз прощенный Амиром Темуром. После происшествия в Карасмане связанного Зиндачашма-опарди бросили в крошечную камеру Куксарая, не зная, как с ним поступить. Долго совещались.

Амиры приняли решение отправить его на тот свет. Амир ул-умара подумал, что самим исполнять приговор неудобно.

– Приговор пусть исполнит тюремщик! Мы не будем пачкать руки об этого подлеца! – твердо сказал Амир Жаку-барлас.

...Тюремщик – крепыш Салман-опарди, известный своей жестокостью, через два дня доложил: «Приговор приведен в исполнение ночью». Это известие молниеносно разлетелось, все успокоились, решив, что предатель получил по заслугам.

Но... В ответе Салмана-опарди только слово «ночью» было правдой. Действительно, это событие произошло ночью, в полночь, но... Зиндачашм-опарди не был доставлен на место казни. Когда все спали, он сбежал.

– Ты что, забыл, сколько я сделал тебе добра в Шибиргане?.. Мы же одного рода – опарди... Всем скажешь, что Зиндачашм-опарди был казнен, и все... – уговаривал правитель Шибиргана Салмана-опарди. – Скажешь, как только получил приказ, тут же и зарубил его! Скажешь, что сначала помучил его как следует, потом отрубил голову и насадил на свое копьё! Теперь нет Зиндачашма-опарди, я даже придумал себе новое имя, я стану... Лолаходжой из Ширази!..

Долго умолял Зиндачашм-опарди. В конце концов Салман-опарди уступил мольбам правителя Шибиргана...

В 1372 году по христианскому летоисчислению Зиндачашм-опарди, отравив бороду, под именем Лолаходжа тайно добрался до Мерва. Он старался уйти подальше от Самарканда туда, где его никто не знал. Кто спросит, отвечал, что он сын разорившегося амира из Ширази.

В пути он слышал самые разнообразные версии своей смерти.

После Машхада он долго скитался, наконец, добравшись до Ширази, прикинулся нищим и оставался неузнаваемым. В поисках хлеба насущного он скитался по улицам, попробовал стать истопником в бане, примерил на себя профессии грузчика, садовника, дворника, пастуха, собирателя кизяка, сторожа каравансарая...

Много трудностей и лишений перенес он, не однажды пожалел, что сбежал из Куксарая, что уговорил Салмана-опарди не казнить его.

Прошло четыре года.

Зиндачашму-опарди жизнь совсем опостылела, и тогда созрела чудовишная

мысль: «Отомстить Амиру Темуру! Отомстить за несправедливую гибель Амира Кайхусрава и других друзей! Мечь!.. Мечь!.. Мечь!..»

Как-то он работал слугой в большом каравансарае в центре города.

Стоял джауз¹, смеркалось, неожиданно Зиндачашм-опарди услышал:

– Когда мы выехали из Самарканда, господин Сайфиддин-некуз? – спросил кто-то.

– Так-с... ого, время, как вода, течет да течет, больше шести месяцев прошло, Хинду Каркара.

Зиндачашм-опарди наострил уши. «Ие! Говорят о Самарканде?.. Амир Сайфиддин-некуз?!. Близкий друг Амира Темура?!. Хинду Каркара-кипчак?!. Тот коротышка, черный, как негр, кипчак? Что они здесь делают? Они тоже скрываются от гнева Сахибкирана? Слава Богу, не один Зиндачашм скитается...»

Он, прислонившись к стене, застыл с веником в руках, вслушиваясь в разговор.

– Так-с... у меня к вам одно дело, уж не откажите, господин Хинду Каркара-кипчак!

– Я готов! Мы говорим с вами как-то слишком громко. Давайте потише. И у стен бывают уши... – понизил голос Хинду Каркара-кипчак.

– Хе... Кто нас услышит? В чужой стране... Кто нас знает... Я тут написал одно послание...

В этот момент Зиндачашм-опарди заметил несколько человек, неторопливо входивших в ворота и о чем-то беседовавших, и ему пришлось отойти от стены и начать подметать. Наконец, они прошли.

– ...Вы поняли меня, да? Отдайте лично в руки Амиру Сахибкирану. Никому не отдавайте. Даст бог, мы с вами свидимся в Самарканде...

Зиндачашм-опарди изумился, сам Бог дает возможность исполнить задуманное... Да, письмо Сахибкирану от Амира Сайфиддин-некуза должен доставить не Хинду Каркара-кипчак... а он, Зиндачашм-опарди... то есть Лолаходжа!..

На следующий день хаким Шибиргана отправился вслед за Хинду Каркара кипчаком в Самарканд...

– Если вы позволите, Амир Сахибкиран, я разрежу на куски это собачье отрдые!.. – воскликнул Мубашшир-бахадур с налитыми кровью глазами.

– Не убивать! – раздался приказ Сахибкирана.

Мубашшир-бахадур крикнул охране:

– Не обнажать сабли!!! Окружить его! – и неожиданно бесстрашно бросился на Зиндачашма-опарди.

Но в этот момент, а может, за секунду до него послышался громкий стон Зиндачашма-опарди. Он вонзил нож себе в грудь!.. Мубашшир-бахадур упал на безжизненное тело Зиндачашма-опарди!

Амир Темур наблюдал за происходящим, не трогаясь с места, ни один его мускул не дрогнул...

Все произошло внезапно как во сне. Никто ничего не успел сказать. Охрана поташила тело Зиндачашма-опарди наружу.

– Я не знал, что этот пособник шайтана способен вонзить себе нож в грудь, – насмешливо произнес Амир Темур, а в голове пронеслось: «Благодарю тебя Господи! Спасибо, что уберег от руки подлеца!»

– Этот окаянный смог-таки избежать возмездия!.. – Злился Мубашшир-бахадур. – Если бы я его схватил живым... Эх! Упустил возможность!..

– Ты проявил бдительность, бахадур! Молодец! – Амир Темур не скупился на похвалу.

– Мы все готовы пожертвовать собой, государь Сахибкиран! – вмешался в разговор Мухаммад Чурага-додхах, до этого изумленно стоявший в стороне.

Мухаммад Чурага-додхах, увидев как Сахибкиран начал трепать бороду, тяжело вздохнул: «Прав был покойный Джахангир Мирза, говоря "Сын ишака будет ишаком,

¹ Джауз – название третьего месяца солнечного года, соответствующего периоду с 22 мая до 21 июня.

сын собаки – собакой"...»

Погрузившись в собственные мысли, Сахибкиран протянул ноги к сандалу, в котором пылал раскаленный огонь урючины.

– Мамат! – крикнул он минуту спустя. – Меня одно изумляет... Что ты скажешь, почему наш друг Амир Сайфиддин отправил этого шайтана? Помнишь, о заговоре в Карасмане поведал нам тоже некуз?

– Амир Сахибкиран! Амир Сайфиддин-некуз очень порядочный и честный человек! Я не верю, что он в чем-то замешан! Здесь какая-то тайна!..

– Какая тайна?.. Что ты говоришь?.. Если Амир Сайфиддин-некуз собственноручно не передал письмо, то откуда взял его Зиндачашм-опарди? Здесь пахнет заговором. Может, у них давно какие-то отношения, а я и не подозревал ничего такого.

– Я чувствую, что здесь какая-то тайна... Тайна есть, Аллах знает, но не подсказывает нам... – уверенно заявил Мухаммад Чурага-додхах.

– Амир Сахибкиран! Не думайте плохо о вашем друге, – посмел вмешаться в разговор Мубашшир-бахадур. – Этот человек не виновен... Я не раз был свидетелем его верности и дружбы. Это все проделки хитреца Зиндачашма-опарди. Все прояснится, когда вернется Амир Сайфиддин-некуз.

– Да, кстати, у Амира Сайфиддин-некуза был попутчик Хинду Каркара кипчак, государь... – внезапно вспомнил Мухаммад Чурага-додхах. – Я сам их провожал.

Амир Темур непроизвольно продолжал теревить бороду, погружившись в невеселые мысли. Наступила неприятная тишина. Мавляна Убайд в замешательстве складывал послание Амира Сайфиддин-некуза и вдруг воскликнул:

– Амир Сахибкиран! Амир Сахибкиран! Взгляните, в углу послания есть надпись! Очень мелко, я не обратил внимания, простите... Вот: «Это послание передано через Хинду Каркара-кипчака...»

Вокруг послышались возгласы: «Ие!», «А где сам Хинду Каркара-кипчака?», «Почему он сам не доставил письмо?», «Почему передал Зиндачашму-опарди?», «Вот это да!...».

Все с удивлением посмотрели на Амира Темура.

– Н-да... Этот шайтан убил Хинду Каркара-кипчака и завладел письмом. Вне сомнения, – сказал Амир Темур. – Амир Сайфиддин-некуз даже и не знает об этом. Отважным храбрецом был Хинду. Погиб зря. Жаль... – Сахибкиран посмотрел на Мухаммада Чурага-додхаха: – Мамат! Кто в Куксарае начальник тюрьмы?

– Салман-опарди... – додхах не успел закончить.

– Подлеца Салмана-опарди, позволившего сбежать опасному врагу, арестовать!!! Детей и жен переселить, имущество конфисковать!

– Будет исполнено! – ответил Мухаммад Чурага-додхах, но вдруг застыл на месте: начальник тюрьмы Салман-опарди, которого необходимо арестовать... недавно тяжело заболел и скончался!

На следующий день тело Зиндачашма-опарди набили соломой и повесили на центральных воротах Самаркандского базара.

Продолжение следует...

Перевод с узбекского Мухаммада АЛИ и Саодат КАМИЛОВОЙ

Саодат КАМИЛОВА

Родилась в 1974 г. в Ангрене. Кандидат филологических наук, доцент, автор литературоведческих публикаций, переводчик.

ПОЭЗИЯ

Алексей ГВАРДИН

Родился в 1965 г.
Окончил ТашГУ.
Член творческого объединения художников при Академии художеств.
Участник и призёр международных конкурсов карикатур. Лауреат премии «Грифон» (1993 г.). Обладатель Гран-при за мультфильм «Фархад и Ширин» (2011 г.).

Стихи – застывшие мгновенья на холсте

*... мне сказал один человек,
называвший себя лишь по отчеству, –
Поэт – это просто. Поэт – это стигмы
на ладонях и ступнях общества...*

Стихи – не ремесло, не колдовство,
Стихи – не превосходство, не утрата.
Стихи – не пряник дурню в Рождество,
Стихи – не оскоплённая услада.

Стихи – не проповедь для братьев во Христе,
Стихи – не блажь, не кисея тумана.
Они – застывшее мгновенье на холсте,
Они – знак тайный на челе шамана.

Стихи – не благовония жрецов,
Не приторная патока жеманства.
Стихи – копыта диких жеребцов,
Дробящие и время, и пространство.

Стихи – не флюгер, приколоченный к шесту,
Поскрипывающий в унисон с цикадой.
Они – запястья, пригвождённые к кресту,
Они – стихия, пламя и торнадо.

Стихи – метель в разгаре января,
Всепроникающее действие урана.
Стихи – петля на шее бунтаря,
Стихи – дамоклов меч, удар тарана.

Стихи – вращенье жерновов времён,
Затишье перед бурей ли... распадом...
Грех первородный и последний стон.
Всевидающего ока капля яда.

...падает снег

Вот тебе и кончился год,
шахматным конём сделав ход,
и народ, устав от забот,
наряжается.
И в преддверье горою пиров
экзотичность даров не волхвов
разноцветьем стеклянных шаров
отражается.

И закупается
гордо и смело
счастье и радость хоть на ночь,
вразвес.
И растекается благодать по телу,
и расточает подъезд политес.
Но ангелочек
конфеткой на ветке
чуть шевельнётся, как будто вздохнёт,
словно соседка по лестничной клетке –
древняя бабка: ...и это пройдёт.

И опять народ с января
станет до конца декабря
обрывать в мечтах якоря
до испарины.
И опять будет жить без царя
в голове. Неизменно коря...
величаво с похмелья куря,
с верой в барина.

Но зарастают
морозным узором
память и окна, светясь как заря.
И оседают снежинки, как споры,
в колбе из света вокруг фонаря.
И появляются
время и место –
сказкой рождественской в снежной тиши
с мягким спокойствием сдобного теста
и с камельком для озябшей души.

И уже совсем не страшит
мишура, что так мелко дрожит
оттого, что мир белыми шит –
мир по-чёрному.
И улыбкою чудо-кота,
исчезающего без следа,

полумесяц сияет, о, да –
непритворною.

И извивается
сладкая мука
долгой поземкой по глади дорог.
И не спеша пишет ветер разлукам
белым по белому свой эпилог.
...и согреваются
медленно руки
гостыи, которую ждал целый век...
и возвращаются плавные звуки
из позапрошлого. Сверху, как снег.

Дагаз¹

Ночь. Безлюдие дорог.
Осыпаемые снегом
спят дома под белым небом,
как слова из длинных строк.

И кружатся в полусне,
и раскачивают стены
бесконечностью рефрена
превратившиеся в снег
тени падающих звёзд –
шестилучевые тайны.
И петроглифом печальным
город-птица в зиму вмёрз.
И идёт сквозь снегопад
в никуда из ниоткуда,
как невиданное чудо,
что вершится наугад –
одинокий человек,
не отбрасывая тени,
медленно, как сновиденья
подо льдом текущих рек.
Он идёт не первый век,
и никто не замечает,
что он каждый год сличает
с прошлым падающий снег.

Он невесть во что одет,
как закончившийся праздник...
и в следах его не гаснет
неба мартовского свет.

¹ Дагаз – руна пробуждения и метаморфозы, символ перерождения; обозначает солнечный свет.

Хагалл¹*Ей – не успеть и не поверить...*

Сколько раз он вставал на носки
и нелепо вытягивал шею,
чтоб в лицо разглядеть ворожею,
насылавшую приступ тоски...
сколько лет по застывшей воде,
как отставшая птица от стаи,
он бродил одиноко по краю,
за которым Ничто и Нигде.

Но разбивалась осень, как ливни,
радугой брызг над плечами его,
и пожелтевшие Времени бивни
небо несли над его головой.

Он молчал и курил в темноте,
вечность сжав до упругости мига,
а душа заходила от крика,
тенью день проведя в немоте.
Как страницы листал он года,
вместо книги столетья читая,
но и он никогда не узнает,
чем закончилось всё и когда.

Но неизменно вдали от столицы
крыльями эльфов слюда в январе
в ночь полнолуния будет искриться
в рунах ставших следах снегирей.

А от бычьих голов облаков
по земле бирюзовые тени...
только вряд ли что это изменит,
разве что продолжительность снов.
И на белом небесном быке,
что касается Солнца рогами,
он уедет, объятый веками,
словно пламенем. И налегке.

И вспыхнут алым степи и горы
на синем фоне забытых чудес...
но сердце, плавясь в поезде скором,
верить не сможет, что нет его здесь.

ТЫ

я знаю...
знаю... это ты
вычёсываешь
частым гребнем
порядка слов и смыслом древних
до серебристой чистоты
из снов моих
дурную явь –
раскладывающую жизнь
поцентно
по полочкам, как импотенты
любовниц бывших
фоторябь...
я чувствую, как плавно ты
молчанья золотом горячим
выводишь знаки в снах,
что прячут
кривые семена беды
на перекрёстке трёх дорог,
невидимых ослепшим глазом
от ненависти не напрасной,
которую не превозмог...
я не поверю,
что не ты
приносишь снам моим топазы,
светящиеся синим газом
ничьей
без имени звезды.

ЭТО ОН...

Это он с узорами на коже,
выжженными вспышками сверхновых,
листья памяти в ладони мял, тревожа
сентябррей парчовые обновы.
И зачем ему снегов январских, право,
белизной безжизненной искриться,
если у него ненужный навык –
видеть сверху быстро всё,
как птица.
Он смотреть на солнце не моргая
долго мог, не смеживая веки.
А когда-то жизнь совсем другая
у него была.
В давно прошедшем веке.

¹ Хагалл – руна разрушения и проявления воли богов.

все сорок девять веков

...он, как абсент, пил по глоточку
 предрассветный туман,
 и яд осенний вился в мыслях его.
 Густое небо отражало
 громом отзвук шагов,
 земля найти в нём
 пыталась изъян.
 И повторить его хоть как-то
 беспричинностью рек
 и бесконечностью зимних дорог...
 она накапливала соки,
 плодоносила в срок
 и принимала данность –
 как снег.

Он искажал вокруг пространство,
 проходя сквозь него.
 Он мог пустить течение времени
 вспять.
 Он не искал причин и места,
 чтобы кем-нибудь стать.
 Он просто был.
 Все сорок девять веков.
 Он никогда не прикасался
 к дикой коже земли,
 но тень земли
 пятном лежала на нём.
 Её сжигала ревность
 на закатах огнём,
 и ветер её ран не целил.

Он ни во что не верил
 кроме солнца и звёзд,
 менявших и размеры, и цвет.
 Он перемешивал в ладонях
 её первый рассвет
 и запах листьев
 и травы после гроз.
 В его глазах переливался
 перламутровый дым
 и, остывая,
 превращался в берилл.
 Он был обычным богом –
 светлым и молодым
 все сорок девять ...
 где-то там...
 просто был...

ТОНДО

Нарисуешь адресованное мне
 ослепительное алое
 большое,
 не касаясь пальцами –
 душою
 раскалённой в неземном огне,
 вытесняя из меня чужое.
 И по кругу
 золотой каймой –
 сканью слов тебе подвластных ритмов,
 белыми стихами ли
 молитвой –
 выплывишь русалочкой немой
 пожелание
 вернуться после битвы...
 и блуждающие токи странных снов
 будут пробуждать меня
 среди ночи,
 потому что
 ты так очень хочешь,
 видя мир глазами белых сов.
 И сама не ведая
 пророчишь.

* * *

...остановиться на мосту,
 не зная о его названье,
 и под собою пустоту
 почувствовать.
 Сгоревшим зданьем
 стоять при свете фонарей,
 выпуская в выбитые окна,
 как птиц, продрогших в ноябре,
 посыльных осени,
 умолкнув.
 Гортанным эхом с этажей
 вниз потечёт легко и просто
 предчувствие, что сам уже
 необитаем
 остров... остов...
 В ночь
 ожиданий лебеда
 роняет маковое семя,
 и видно,
 как несёт вода,
 собой отслаивая время.

проза

Вера ВАВИЛОВА

Родилась на Урале в 1952 г., окончила Куйбышевский медицинский институт. С 1974 г. живет в Ташкенте. В 1988 г. окончила биологический факультет ТГПУ им. Низами.

Поэт, прозаик, публицист.

Член Союза писателей России.

Номинант Российской национальной литературной премии «Писатель года» – 2015.

ОСЕННИЙ БЛЮЗ

Рассказ

Самолёт взревел моторами, набирая мощь, затем, слегка подрагивая, медленно тронулся с места. Любовь Дмитриевна смотрела в иллюминатор. Аэропорт остался позади. Волнение, охватившее её с того момента, когда она стала собираться в дорогу, нарастало. Она нервно сжала руки, напряжённо откинулась в кресле. Самолёт замер, развернувшись на взлётной полосе, и, набирая скорость, взмыл в воздух. Пассажиров слегка качнуло. Земля осталась внизу. Дома, улицы, люди – всё уменьшилось, как по мановению волшебной палочки.

«Всё. Летим, – как-то сразу успокоилась Любовь Дмитриевна, мыслями опережая самолёт: – Какая погода в Москве? Как встретит её Аделаида Петровна – свекровь, ставшая ей второй матерью? Понравится ли ей белый пуховый платок, с любовью выбранный для неё? – Любовь Дмитриевна представила себе, как встретит ее у порога маленькая, сухонькая старушка с седыми волосами, собранными в улитку на затылке, как заискрятся слезинки в её добрых глазах, заиграют мелкие морщинки на радостно улыбающемся лице. – Наверное, опять рано встанет, напечёт моих любимых пирогов с капустой», – тепло подумала Любовь Дмитриевна.

Сколько лет прошло, сколько воды утекло с той поры, как Виктор привёл её в дом, назвал женой. Уж сыновья выросли, их двое – Никита и Стас. У каждого своя семья. Внуки подрастают, приезжают частенько навестить бабушку с дедушкой. Любовь Дмитриевна, хоть и оформила пенсию, но с работы уходить не торопилась. В издательстве, где она работала, её уважали за простоту и душевность, ценили опыт работы. Любовь Дмитриевна любила принимать гостей. Часто на огонёк и чашку чая к ней заглядывали приятельницы, засиживались допоздна. Им всегда было о чём поговорить, послушать хорошую музыку, стихи почитать. Немножко огорчало, что Витюша стал сдавать, постарел как-то. На пенсии он себя не нашёл, не знал, чем заняться. Стал брюзжать, раздражаться по мелочам, жаловаться на здоровье. Погас прежний огонёк в глазах. Они дружно прожили 38 лет. Когда-то горячо пылающий костёр их сердец с годами поутих – пламени поубавилось, оно превратилось в жар, который теперь своим теплом согревал обоих. Любовь Дмитриевна привыкла заботиться о Витюше, подбадривать его, не обращая внимания на его пессимизм и уныние. Они давно стали неотъемлемой частью друг друга. Глубокие чувства постепенно, с годами, перешли в привычку, перестав волновать и тревожить.

«Надо Витюше свитер новый в Москве подыскать. Тот серенький уж на локтях светится».

– Вы не будете возражать, если рядом с вами сядет вон тот пожилой мужчина? – прервала её мысли стюардесса. – Он иностранец, с ним переводчик. Он настаивает, чтобы я посадила его рядом с вами.

– Нет, нет. Я не возражаю, – удивилась Любовь Дмитриевна, внимательно окинув взглядом седовласого крепкого, чуть полноватого мужчину, который смотрел на неё не отводя взгляда и улыбался. Бортпроводница быстро пересаживала девушку, сидящую рядом, на другое место и пригласила незнакомца.

– Рауль Гольц, – представился он, галантно склонив голову, и добавил что-то на своём языке.

– Господин Гольц – бизнесмен из Дании, едет в Москву по делам фирмы. Вы очень ему понравились. Если не возражаете, он хотел бы провести время полёта в вашем обществе, – быстро перевёл переводчик, молодой симпатичный парень с обаятельной улыбкой. – Не отказывайте, пожалуйста, он очень серьёзный человек, и вы ему понравились, – добавил он с мольбой в голосе.

– Хорошо, не беспокойтесь. Любовь Дмитриевна, – представилась она и протянула для пожатия узкую ладошку.

Рауль бережно взял её руку и благодарно поцеловал. Любовь Дмитриевна смутилась. Она чувствовала его восторженный взгляд. Всё её женское существо будто сбросило с себя сонное оцепенение уходящих лет, ожило и затрепетало, как мотылёк, который вырывается из куколки, плотно пеленающей его, и вдруг, расправляя свои удивительной красоты крылья, взлетает и несётся навстречу неизведанному солнечному дню. Рауль рассказывал о себе, ненавязчиво интересовался жизнью Любви Дмитриевны, шутил. Он оказался интересным собеседником. Любовь Дмитриевна не чувствовала груза прошедших лет. Ей казалось, что она вновь молода и привлекательна. Морщинки на лице разгладились, а глаза засветились лукавством. Она от души смеялась над шутками и даже немножко кокетничала. Время в полёте летело незаметно. С сожалением Любовь Дмитриевна протянула руку, прощаясь. Рауль попросил телефон. В Москве он пробудет всего пять дней, очень много дел, график уплотнён до предела, но он обещал, что они непременно встретятся.

Любовь Дмитриевна ехала в такси. Загадочная улыбка не сходила с её лица. Это случайное знакомство, ни к чему не обязывающее, будто воскресило её.

«Как давно за мной никто не ухаживал. Оказывается, рано я себя со счетов списала. Витюша всегда дарит цветы на 8-е Марта и день рождения. Это стало привычным ритуалом и не будоражит уснувшую душу. Мы давно никуда с ним не ходим. Его невозможно вытащить в театр, на концерт или в кафе», – грустно подумала Любовь Дмитриевна.

– Любаша, милая, здравствуй, – обняла её у порога Аделаида Петровна.

– Здравствуйте, мамочка! Как вы тут? Как здоровье? Пирогоми так вкусно пахнет!

– Ну, проходи, проходи, доченька. Устала с дороги-то? Тут тебе по телефону несколько раз звонили, а я говорю: «Не приехала ещё. Сейчас будет». Вот опять звонок. Возьми трубочку.

Любовь Дмитриевна подошла к телефону.

– Луба, это я, Рауль, – слышался знакомый голос. Затем трубку взял переводчик Саша и объяснил, что господин Гольц просит освободить для него завтрашний вечер и приглашает её на ужин.

– Но я не знаю, – совсем растерялась Любовь Дмитриевна. – Это неудобно.

– Не отказывайте, пожалуйста, Любовь Дмитриевна. Рауль должен уехать уже послезавтра. Его ждут срочные дела. Он без ума от вас. Подарите ему этот вечер, – уговаривал Саша. – Завтра в 6 вечера в «Астории». Придётся?

– Да, – нерешительно согласилась Любовь Дмитриевна. За чаем она рассказала о своём знакомстве Аделаиде Петровне.

– Иди, доченька. Не надо хорошего человека обижать. Больше-то увидеться не придётся. Он уедет, и у тебя своя жизнь, – напутствовала добрая старушка.

...Любовь Дмитриевна надела своё тёмно-зелёное платье, так подчёркивающее цвет её глаз. Серьги и кольцо с малахитом, подаренные старшим сыном к её 50-летию, удачно гармонировали с нарядом.

Её предупредительно встретил Рауль и, улыбаясь, провёл в зал ресторана. Серый, с отблеском, костюм ладно сидел на его коренастой фигуре. Заколка галстука поблёскивала бриллиантовым глазком. Уютный зал шикарного ресторана был пуст. Да и Рауль не хотел, чтобы им мешали посторонние люди. Рядом с оркестром за накрытым столиком сидел Саша с девушкой в ожидании Любви Дмитриевны и Рауля.

– Это Светлана – переводчик из Москвы, – представил девушку Саша.

– Здравствуйте. Я наслышана о вас и вашей необычной встрече с господином Гольцем.

– Прошу, – с трудом выговаривая русское слово, сказал Рауль, усаживая гостью за стол, который изобиловал экзотической дорогой закуской. Устрицы и креветки, икра и лангет, всевозможные салаты, фрукты, дорогие вина – официант постоянно менял блюда. Рауль произнёс тост за свою даму. Он говорил проникновенно, глядя в глаза Любви Дмитриевне. Перевод не нужен был. Всё, что хотел он сказать, выражал его взгляд, восторженный и нежный.

Оркестр играл блюз. Тихо рыдал саксофон. Рауль в танце уверенно вёл даму. Музыка звала за собой, проникала в сердце, вызывая жгучую печаль о чём-то уходящем, ускользающем, несбывшемся. За темным окном тихо падали жёлтые листья, опускаясь на асфальт золотым шуршащим ковром. Шампанское кружило голову, кружились в ночи осенние листья, исполняя свой прощальный танец. В крепких руках партнёра Любовь Дмитриевна чувствовала себя лёгким пёрышком, парящим под мелодичные звуки блюза. Ей казалось – она летит, чуть касаясь пола. Вся её жизнь с заботами и проблемами отодвинулась на задний план, а потом и просто растворилась. Лишь это мгновенье сверкало ярким мазком в палитре её золотой осени, вспыхнуло огнём и кометой промчалось по судьбе.

Роскошное авто доставило её домой. Рауль галантно простился, задержав её руку чуть дольше положенного в своих горячих ладонях, и на ломаном русском языке поблагодарил за чудесный вечер.

– Господин Гольц спрашивает, придёте ли вы в аэропорт проводить его? – перевёл Саша. Увлечённый своей спутницей, слегка подвыпив, он с трудом возвращался к своим обязанностям переводчика.

– Да, приду, – просто ответила Любовь Дмитриевна. Она долго не могла уснуть, вспоминая подробности этого сказочного вечера.

Прощание было коротким.

– Я приехать после год. Жди, – Рауль держал в ладонях её лицо и не отрываясь смотрел в глаза. Нежный поцелуй её руки и слёзы, стоявшие в его глазах, надолго отпечатались в душе. Но время неумолимо летело, переворачивая листки календаря. Вернувшись домой, Любовь Дмитриевна вновь завертелась в своей повседневной жизни с её суетой и хлопотами. Стремительно проносились дни и недели, романтическое приключение начинало забываться.

Прошёл год. Резко и настойчиво зазвонил телефон. Вытирая руки о фартук, Любовь Дмитриевна взяла трубку.

– Лубов Дмитрова? – с резким акцентом спросил незнакомый мужской голос.

– Да, – недоуменно ответила она.

– Я вам сообщить, что Рауль не приедет. Он умер неделя назад. Он отшень любить вас, он ждал встреча. Вы должен знать это. Простите, – в трубке послышались короткие гудки.

Любовь Дмитриевна стояла с трубкой в руке, отрешённо глядя перед собой невидящими глазами. По щекам текли непрошенные слёзы.

– Что с тобой, Любаша? Кто звонил? – выглянул из комнаты Виктор.

– Хороший человек умер, – тихо сказала она, мысленно прощаясь с Раулем, с тем романтическим вечером, со своей золотой осенью.

НОВЫЕ ИМЕНА

Рядом с радугой надежды...

* * *

На черно-белой стороне страницы
 Встречаются мне и цветные лица,
 Лишь им благодаря пою, дышу,
 И в сердце эти лица я ношу...
 В кромешной тьме ступая наугад,
 Я не пишу лирических баллад,
 Не плачу, никому не лгу,
 И все мое, что я смогу
 Преодолеть, пройти, познать,
 Себя не смея растерять...
 И пусть мне в спину кто-то дышит,
 Скажу я: «Не сопите, тише.
 Не в чьем-то горе счастье ваше,
 От слез чужих ваш пир не краше».
 И рядом с радугой надежды
 Померкнут милые невежды,
 Кому прошаю гнев и зло.
 Вся жизнь – что было, то прошло.
 Молюсь за тех, кто дорог свету,
 Друзей счастливые приметы
 Я чту и помню,
 Мне вы близки,
 Хоть вам не ставят обелисков,
 Живете вы в веках, покуда
 Любить и помнить я вас буду...
 Цветных страниц мой том нетленный
 Побед, обид, молитв и встреч,
 Судьбою названный, мгновенный,
 Как блеск свечи, как острый меч,
 В тебе написаны рукою
 Сил неба и земных сует
 С любовью вечной и тоскою
 Души моей простой портрет...

**Марина
ХРАМОВА**

Родилась в 1983 г.
 в Ташкенте.
 Окончила
 факультет
 зарубежной
 филологии НУУз.
 Участник и дипломант конкурса молодых поэтов «Вдохновение» (2008). Пресс-секретарь и координатор отдела культуры Представительства Россотрудничества в РУз. Публиковалась в периодической печати Узбекистана.

Из архива старых рифм...

Руки пали, звуки тише,
 Не жалею, не зову,
 Я не буду больше, слышишь,
 Будоражить вновь молву;
 Я навязывать не стану
 Свой порыв чужой душе,
 Не поддамся я обману,
 Не получится уже...
 Запорошит запоздалый
 Снег дороги и мосты,
 И вздыхает мир усталый
 По весне, где рад мне ты...
 Навевает ветер ранний
 Утро завтрашнего дня,
 Взгляд становится туманней,
 Ты все дальше от меня...
 Ты уходишь раньше срока,
 Я тоску свою кляню.
 Это утро так жестоко,
 Знать бы только, почему?..

* * *

Надо же, ночь!
 Постоянная встреча!
 Улицу треплет неистовый ветер,
 В скобках так кратко изложены смыслы...
 Будто навстречу назойливым мыслям
 Сон надвигается слишком лениво,
 Вспышка вчерашнего счастья красива.
 Но...
 Дни коротки,
 Опустела душа,
 Не просит она за порыв ни гроша,
 Дайте ей просто дышать и парить,
 С кем-нибудь близким поговорить...
 Мало тепла в жарких снах февраля,
 Градусы в сердце ниже нуля...
 Странный восторг дарит эта зима.
 Надо же, ночь...
 Не сойти бы с ума...

* * *

Есть люди, что встречаются лишь раз,
 И миг навеки затмевает солнце,
 От них так пахнет счастьем, что не раз
 Хотим вдыхать их... как сосуд, до донца...

Есть две ладони: в них всегда тепло
 Лицу, ими объятому так нежно,
 Что пламенная вспышка неизбежна,
 И память сердца будто под крыло...

Есть просто взгляд,
 И от него во сне
 Проснуться можно, задыхаясь чувством,
 И голос, без которого так грустно,
 И дню, в котором нет его, не рад...

Есть люди, что встречаются лишь раз,
 И миг навеки затмевает солнце,
 От них так пахнет счастьем, что не раз
 Хотим вдыхать их... как сосуд, до донца...

НОВЫЕ ИМЕНА

КАНОНЫ ПРОСВЕТЛЕНИЯ**Рассказ**

*Шутки с салатом
До септукю доводят.
Так сказал сэнсэй.¹*

Сейчас много рассуждают об эпохе истинных самураев. В этих разглагольствованиях явственно проглядывает ностальгия по тем давно покинувшим нас временам, когда истинный дух самураев руководил поступками настоящих мужчин. Приключение, о котором я собираюсь вам поведать, как раз относится к тем прекрасным годам японской истории.

В часе ходьбы от Киото в деревне Идзимо проживал самурай по имени Такеши Танида. Когда-то, еще в годы ученичества Такеши, его сэнсэй, поведал, что путь к просветлению становится короче, если отказаться от употребления в пищу мяса. Такеши, всегда и во всем стремившийся быть лучшим, немедленно принял решение и дал обет никогда не есть мяса. Став вегетарианцем, он убедился в правоте сэнсэя и не жалел о данной клятве.

Прошло много лет. Такеши-сан давно утратил прежний лоск, борода наполовину поседела и почти отпала надобность в бритве головы. Много ратных подвигов совершил Такеши и пользовался неизменным уважением всей дружины. Но это никак не мешало другим самураям подшучивать над его вегетарианством. Надо ли говорить, что Такеши-сан твердо держался единожды выбранного пути?

Как-то по случаю праздника они пировали в Киото. Сакэ удался на славу. Стол был завален яствами, чего там только не было, а Такеши принесли специально для него приготовленный салат. В разгар пира к тому времени уже состарившийся сэнсэй, сидевший за главным столом, захотел поговорить со своим любимым учеником и жестом подозвал Такеши.

Пока Такеши отсутствовал за столом, Сакагучи, главный заводила, подбил друзей на шутку, которую те под влиянием обильных возлияний (я уже говорил, что сакэ был хорош как никогда) тут же одобрили.

Спустя какое-то время Такеши вернулся на свое место и продолжил истребление салата, не забывая и о черном сакэ. Через пару минут он, наконец, обратил внимание, что пятнадцать пар пьяных глаз устремлены в его миску.

– В чем дело?

– Нет, нет, все в порядке, продолжай, – успокоил сидевший напротив Сакагучи.

**Леонид
ШИФМАН**

Родился в Ленинграде в 1950 г. С 1990 г. проживает в Израиле. Программист. Сотрудник издательства «Млечный путь».

¹ Хокку Ильи Шифмана.

Такеши пожал плечами, в полной тишине опустошил миску и сложил в нее палочки.

– И как тебе салат, Такеши-сан? – Сакагучи подмигнул остальным.

– Салат превосходен, только морская капуста немного горчит. Главное, что сакэ удался, – и он потянулся к кружке.

– Это не морская капуста горчит... Просто ты забыл вкус мяса. Пока ты беседовал с сэнсэем, мы тебе покрошили немного.

Когда до Такеши дошел смысл сказанного, он вскочил, схватившись за рукоятку меча, тщетно пытаясь вытащить его из ножен. То ли сакэ ударил ему в голову, то ли каноны просветления удержали его, но он бессильно рухнул на свое место. Несколько минут он просидел молча уставившись в свою миску, а затем поднялся и, не сказав ни слова, нетвердой походкой покинул пиршество.

– Кажется, мы немного перебрали, – заявил Сакагучи, икая после каждого произнесенного слова. Теперь трудно судить, к чему относилась эта фраза – то ли к шутке, то ли к сакэ.

Кое-как добравшись до дома, Такеши достал пергамент, перо и склянку чернил. Зажег свечу и при ее мерцающем свете принялся выводить иероглифы, то и дело норовившие залезть один на другой. Каллиграфия никогда не была его сильной стороной, к тому же выпитый сакэ все больше и больше давал о себе знать.

Записка получилась короткой и завершилась словами: «...И я поступлю, как должен поступить самурай, нарушивший клятву». Не иначе как под воздействием сакэ Такеши решил завершить записку красиво. Он вынул из ножен меч и, зажмурившись, провел мизинцем левой руки по его острому краю. Нужна-то была всего одна капля крови, чтобы изобразить два иероглифа его имени. То ли рука предательски дрогнула, то ли меч оказался чересчур острым, но пролилась кровь. Да так неудачно, что забрызгала пергамент. Кровавые подтеки украсили записку. Такеши взглянул на нее, но сил на переписывание у него не осталось. Он махнул рукой. Поставив подпись, Такеши подул на пораненный палец, а затем на записку. Когда она просохла, он сложил ее вчетверо и велел слуге отнести Сакагучи.

Еще минут десять он безуспешно пытался найти белое кимоно, пока не оставил это занятие, окончательно выбившись из сил.

Сакэ всегда славился способностью добывать из пьяных голов вполне трезвые мысли.

Такеши решил, что в таком состоянии он вряд ли сможет исполнить древний обряд как подобает. Надеюсь, вам ясно, что даже пустяковое отступление от правил в этом искусстве недопустимо для истинного самурая. И он, не раздевшись, рухнул на циновку.

Утром его растолкал Цукуда, ближайший друг Сакагучи, также присутствовавший на пиру. Такеши непонимающе посмотрел на него.

– Сакагучи-сан сделал харакири.

– Сакагучи... сделал... харакири... – с трудом повторил Такеши, но смысл слов явно не доходил до него.

– Я как раз был у него, когда твой слуга принес записку. Увидев пятна крови, Сакагучи все понял еще до того, как прочитал ее. Но... Я вижу, что ты в полном здравии.

Только сейчас Такеши начал соображать и вспомнил все перипетии минувшего вечера. Вспомнил он и о своем намерении.

– Да, я еще жив. Вот только приду в себя и сделаю то, что должен сделать.

– Послушай, Такеши-сан, мне надо тебе кое-что сказать. Мы ведь вчера пошутили.

– И это была не самая удачная ваша шутка, но дело сделано. Я никого более не виню. Сакагучи поступил как истинный самурай.

– Нет, Такеши. Шутка состояла в другом. Мы не прикасались к твоему салату. Мы просто сговорились сказать, что подложили в него мясо, но мы не сделали этого!

– Так значит, я не нарушил обет, – лицо Такеши скривилось в подобии улыбки, но каноны просветления быстро исправили его.

проза

КАМЕНЬ САИДБЕРДИ

Рассказы¹

ДОРОГА НА АКБУЛАК

Впервые мы приехали на Большую поляну у слияния рек Акбулак и Тереклисай в грузовой машине. Нас было несколько семей, мы были молоды, наши дети были малы. Кажется, это был 1976 год. Вот уже и «кажется», уже надо сидеть и считать по пальцам, когда это было. Впрочем, не важно. Одним словом, в середине семидесятых годов. Приехали на грузовой машине, жили в палатках, взятых напрокат, ели спартанскую пищу и навсегда влюбились в эти места.

Через пару лет, исключительно ради Акбулака, мы с мужем купили автомобиль на деньги, взятые в долг у одного хорошего человека. С выплатой в рассрочку. Это был старенький-старенький горбатый «Запорожец» из серии «Чебурашка» (так в нашем кругу назывались эти игрушечные машины), способный чихать, кашлять и останавливаться в самых неподходящих местах. Но надо отдать ему должное, в трудных походах он всегда вел себя молодцом.

Постепенно стали обрастать вешами. Еще через некоторое время появилась купленная по большому благу роскошная польская палатка. С тентом, предбанником и брезентовым полом. В ней мы свободно размещались вчетвером, и еще оставалось свободное закругленное место в изголовье, где можно было складывать одежду и запасы консервных банок. А какой уютный был наш полотняный домик по вечерам! Мы расстилали поверх тоших матрасов мягкие ватные одеяла, зажигали фонарь, при свете его можно было даже читать, и глаза наши в тесном мирке, отделенном от дикой природы лишь тонким ситцем внутренней части и плотной непромокаемой тканью полога, отдыхали от яркого солнца, от всего, непомерно прекрасного, пережитого днем. Так и видится она мне со стороны, среди молодых деревьев, озаренная изнутри тихим оранжевым сиянием.

Много позже обзавелись складными креслами (надоело сидеть на камнях), а всякие там чашки, ложки, казаны, сковородки не стоит перечислять.

Жили как все. Год в работе, летом отпуск. С весны, как правило, ждем, не дождемся, и вот, наконец, он настал!

Дети нервничают и пристают по пустякам. Через два дня едем, а ничего не готово! Сыну Никите в тот год, с которого

**Ариадна
ВАСИЛЬЕВА**

Родилась 1942 г. в Париже. В 1967 г. окончила филологический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Работала учителем русского языка и литературы, журналистом, помощником главного режиссера по литературной части Ташкентского ТЮЗа. Автор романов, рассказов, пьес, сказок.

¹ Из цикла рассказов об акбулакском братстве

я начинаю подробный рассказ, было двенадцать лет, дочке Наташе восемь, и они уже были закаленные путешественники. А к первой нашей поездке я еще непременно вернусь.

Начинаются сборы. Составляется длиннейший список нужных вещей. Едем не на один день, на месяц. Потом эти вещи тщательно пакуются. В назначенный час их выносят из квартиры во двор, возле вымытого до блеска «Чебурашки» образуется гора всякого необходимого, жизненно важного барахла. Соседи дивятся. Неужели такая кроха, этот вечно подвергаемый осмеянию, анекдотический «горбатый» сможет поднять такую тяжесть? Да оно все туда просто не поместится!

Поместится, если грузить с умом. Снять, например, заднее сиденье и оставить дома; вместо него положить на пол пакеты с мукой, рисом, банками тушенки и сгущенки, сверху палатку, два матраса и одеяла. Компактно, мягко, и детям удобно, и собаке Топси есть где разместиться. Кто-то скажет: «Они еще и с собакой!» А как же! Собаке в горах раздолье, не оставлять же ее одну в квартире. Еще кто-то скажет: «Ну, теперь они точно с места не сдвинутся!» Ребята... Кто знал до конца возможности горбатого «Запорожца»? Скажите нам, кто?

И вот мы уже на Кольцевой, вот свернули на Кибрай, а там, глядишь, через некоторое время Чирчик, Газалкент, Чарвакская плотина и... первый подъем на серпантин.

Не очень крутой и не очень долгий подъем к Чарвакскому водохранилищу мы одолели без остановки. Поднялись, встали остужать запыхавшуюся машину.

Сразу стало тихо. Только утренний ветер хозяйничает в кронах невысоких юных тополей. То листве отвернет изнанку, засеребрит, то заставит лопотать что-то неразборчивое, непонятное, но такое земное, милое.

Мы оставили папу ковыряться в моторе, искать, уже в который раз, причину надоевшего постукивания, а сами перебежали дорогу, вскарабкались на невысокий холм с красным глиняным откосом, поросшим голубовато-зелеными готическими розетками. На макушке его с давних пор возвышалась неуклюжая, ободранная статуя горного козла с отбитым рогом. Мы бросили на него беглый взгляд, потом посмотрели вниз и замерли от восторга.

Перед нами открылась... Как жена ирригатора, я должна сказать по научному: открылась чаша водохранилища. Но и без всякой науки это была именно чаша, наполненная для пира невиданных великанов. Вода в ней отливала где синью, где зеленью оттенка павлиньего пера, со всех сторон не давали ей расплескаться, давили и удерживали в берегах высоченные, могучие хребты, уходящие вдаль, в туманную дымку. И только внизу, маленькая и аккуратная по сравнению с остальным хаосом горного мира, преградой для нее служила насыпная плотина, замыкая выход из превращенной в огромное озеро долины. Мы вдохнули чистый, еще не прогретый воздух. Мне показалось, что им и надышаться нельзя. Такой воздух следует пить, словно старое, выстоявшееся вино, смакуя, маленькими глоточками. От всего этого упоения слегка кружилась голова и сладко шемило сердце. А рядом стояли дети, притихшие, счастливые.

Но нам не позволили расслабляться, предстоял еще долгий путь и тяжкие испытания. Мы сбежали с холма, расселись по местам и покатали дальше. Вокруг водохранилища в сторону Чаткальского моста, в сторону Бричмуллы (теперь она называется Бурчмулла, но мне привычнее старое название). Минут через сорок прогремели под колесами железные настилы моста, но в Бричмуллу мы не поехали. Не доезжая двух километров до нее, нам полагалось свернуть направо, в ущелье. Оттуда гремя на перекатах, кружа в водоворотках, мчался на встречу с водохранилищем грозный Чаткал.

Мы свернули вправо, и тут сразу кончился асфальт. Из ста двадцати нам осталось проехать восемнадцать километров по узкой, разбитой грузовиками то глинистой,

то покрытой щебенкой и гравием колее.

Вначале ничего страшного не было. Дорога вилась по отлогим холмам, только окна пришлось закрыть – за нами стлалось густое облако рыжей лессовой пыли. И вот первое испытание. Недолгий, каменистый спуск к нешироким и мелким ручьям. В этом месте, выбежав из бокового ущелья, река Пальтау разливается множеством мелких рукавов. И все бы ничего – мокро. Того и гляди, машина пойдет юзом.

Обошлось. Резкий поворот, и мы оказываемся перед затяжным и крутым подъемом, сплошь усеянным острыми камнями. Праздные пассажиры высаживаются. Наташа ведет собаку, мы с Никитой идем следом за машиной, сохраняя дистанцию на всякий случай. Заглохнет мотор, нам придется толкать «Чебурашку». Но наш перегруженный малыш тянет и тянет вперед, кряхтит, воеет, скрипит всеми суставами. Наконец, переваливает через последний, самый подлый уступ и с облегчением останавливается. Муж выходит из машины, мы подходим к нему, становимся рядом и смотрим вниз.

– М-да, – говорит наш мужественный водитель.

А больше и сказать нечего. Но расслабляться рано. Предстоит еще два часа пути со скоростью черепахи. Здесь не разгонишься.

После Пальтау правый берег раздвигается, дальние горы прячутся за ближними отлогими холмами. Дорога почти ровная, но к левому берегу уже подошла вплотную отвесная, сумрачно-серая стена, сложенная из синклиналей и горизонталей, а проще говоря, из каменных нешироких пластов. Высоко-высоко, на макушке ее, виднеются редко расставленные елки. Снизу они кажутся маленькими, не больше спички, а на самом деле это высоченные, мохнатые деревья. Отсюда начинается царство арчи.

Едем дальше. Пока есть возможность, пока есть простор, объезжаем вросшие в землю валуны. Но вот из-за холма начинают выползать скалистые вершины, они подступают все ближе, ближе, дорога становится хуже, хуже. Горы сближаются. Теперь и с нашей стороны стена, почти белая, чуть тронутая светлой охрой, ослепляющая отраженным светом, и близкая, кажется, ее можно тронуть, если хорошо вытянуть руку. Справа отвесный обрыв, а на дне пропасти клокочет, беснуется и притягивает опасливые взоры Чаткал.

Стараюсь не смотреть вниз. Сижу, напряженно сцепив руки, и молюсь: «Горы, миленькие, пропустите. Мы будем себя хорошо вести, ничего плохого не сделаем. Наши помыслы чисты. Мы вас очень любим. Пожалуйста».

Были еще испытания: крутые повороты, петли дороги и подлые камни, способные в один миг сорвать глушитель или протаранить дно машины. Был Черный спуск, где-то впереди ожидал Мокрый подъем... А еще на узкой дороге опасно было наткнуться на встречный автомобиль. Тогда кому-то пришлось бы долго пятиться назад, искать место, где можно разъехаться, не причиняя вреда друг другу.

Машина тихо ползла мимо белых меловых скал; тряслась на ухабах возле серых скал, зловещих и равнодушных к нашему присутствию, а вокруг медленно кружилась, разворачивалась, внезапно исчезала на какое-то время и всякий раз неожиданно появлялась вновь череда хребтов, поросших лиственными и арчовыми лесами.

Одолев еще один сложный отрезок пути, мы переезжаем по уютному деревянному мосту через Чаткал. На какое-то мгновение вспоминаем, что где-то в мире существуют ровные дороги, без тряски, без резвых скачков. Гремящий зеленый поток уходит на север, в Киргизию, человеку с богатым воображением можно и отдыхать. Отвесные пропасти, жуть буйной реки – все кончилось. Слева от нас мирно шумит на перекатах долгожданный, такой безопасный после пережитых волнений, почти ручной Акбулак. Но Кирилл по-прежнему не теряет бдительности.

Бедного «Чебурашку» подбрасывает на ухабах. Скорость местами меньше пяти километров в час. Вползаем на очередной бугор, и внезапно открывается следующий трудный отрезок пути – Полутуннель. В массивной скале взрывами выгрызен узкий

проход. Тяжелая желтая скала козырьком нависает над резко сузившейся дорогой, оставляя открытым пространство, обращенное к реке. Но к этому месту еще надо спуститься по острой шебенке крутого откоса вниз.

Сбоку дороги – знак: «Водитель, будь осторожен, высади пассажиров». Пассажиры высаживаются, Никита хмуро бухтит:

– Папа, прижимайся к скале!

Начинается спуск. Затаив дыхание, смотрим вслед машине. «Чебурашка» пробирается чуть ли не ползком. Под колесами не хрустят, нет, как-то зловеще хрюпают камни. Чудится, еще минута, и наш умница автомобиль пойдет бочком, начнет вытягивать переднее колесо, ошупывать дорогу, и только потом подтягивать к себе остальные. Точно человек, спускающийся с горы.

Наконец он въезжает в Полутуннель, минует его, и вскоре скрывается за крутым поворотом. Теперь, переведя дыхание, можно идти следом.

Спотыкаясь, подворачивая ноги, спускаемся к Полутуннелю и входим в него. Посреди дороги – никогда не просыхающая зеленая лужа с одинокой лягушкой. Справа, со стороны уходящей к реке осыпи, хилое ограждение из воткнутых в землю арматурин. Я оборачиваюсь назад. Преодоленный спуск кажется зловещей, молчаливой стеной. Как-то мы взберемся сюда на обратном пути!

Под нависшими над головой карнизами вечная тень, сквозит ледяным ветром, хотя солнце уже перевалило за полдень и на всем остальном пространстве тепло. Слишком тепло для нашего постоянно перегревающегося мотора.

Даем отдохнуть «Чебурашке» и едем дальше. То поднимаемся вверх, то спускаемся вниз почти к самому берегу, то удаляемся от него. Временами кажется, будто река бежит выше дороги. Но это кажется. Просто воде часто приходится перепрыгивать через обточенные за века валуны. Она с разгону взлетает поверх каменной преграды, рассыпает пронизанные веселым солнцем брызги, струйки и белую пену. Акбулак – белый ручей. Не зря его так зовут. А вода в нем холодная, вкусная. На первой же остановке возле берега мы наклоняемся над ней, набираем в пригоршни этот жидкий хрусталь и пьем, пьем и не можем напиться. От жары можно отдохнуть: над нами благодатная тень прибрежных тополей, магалебки и каркаса – железного дерева. И климат уже совершенно другой – незаметно мы поднялись довольно высоко.

Проходит два часа, если отсчитывать время от первого подъема на Пальтау, машина подъезжает к домикам лесников. Шлагбаум поднят, кругом тишина. Видно, все ушли либо в Бричмуллу, либо по своим делам в горы. Посигналив и не дождавшись ответа, уезжаем. Впереди мостик через приток Акбулака Саргардон и еще десять минут езды. Скорость можно прибавить: горы немного разошлись, река мирно шумит внизу под глинистым невысоким обрывом с молоденькой арчовой елочкой на самом краю.

Это уже родные места. Здесь знаком каждый камень, известно, что будет за поворотом. Наконец, приближаемся к Большой поляне, где ждет нас густая тень тополей и орешин, где ждут друзья и долгожданный приют.

Заслышав сигнал, нас бегут встречать загорелые полуголые люди. Наташу увлекают куда-то подружки, Никита степенно, за руку здоровается с Алешей Родиным, а нас с мужем обнимает, тискает и поздравляет с приездом взрослое население Большой поляны – великое акбулакское братство.

Кирилл в последний раз садится за руль. Включает зажигание, и «Чебурашка», совершив какой-то странный рывок, утыкается носом в кусты. На этом мотор умирает. Как-то не по-хорошему умирает, будто навсегда. Мужчины, сшибаясь головами, тут же лезут выяснять странную немоту двигателя внутреннего сгорания и через минуту выпрямляются с громовым хохотом:

– Кирилл, водила несчастный! Да у тебя ж маховик слетел!

Нет, каков «Чебурашка»! Ведь не на дороге, не в самых трудных местах сломался,

довез до места, остановился, где надо, но не вынес еще одного включения и...

Целый месяц потом, в определенное время, бедный Кирилл Владимирович миллиметр за миллиметром высверливал вручную коловоротом в неподатливом, толстом железном диске новые отверстия вместо сорванных штифтов, загонял в них, какие нашлись, куски толстых гвоздей. Временно, только бы доехать обратно до Ташкента.

Но все временное часто становится постоянным. Так мы потом на этих гвоздях и ездили много лет, пока не пришла пора нашему автомобилю рассыпаться на запасные части.

ЛОВИСЬ, РЫБКА, БОЛЬШАЯ И МАЛАЯ

Мне придется часто говорить о рыбалке. Рыба была важным подспорьем в нашем ограниченном рационе. За мясом каждый раз в Ташкент не поедешь, а тушенка в конце концов приедалась. В Акбулаке и Тереклисае в те годы водилась крупная рыба – маринка, в Саргардоне – мелкие, но необычайно вкусные османчики, двоюродные племянники форели.

Заядлых и удачливых рыболовов на первых порах было двое – Вадим Борода и Саша Безбородько. Оба были ведущими инженерами и с давних пор дружили семьями.

Одно их различало: Вадим носил бороду постоянно, и фамилия его была Скворцов; Саше, в связи с фамилией, бороды не полагалось, но на Акбулаке он ее неизменно отрашивал. Борода его носила, так сказать, сезонный характер. Таким образом, на рыбалку ходили двое бородатых, могучих по телосложению мужиков, а вот уловы у них получались не всегда одинаковые. Бороде больше везло. Он знал особенные рыбные места и молчал как убитый, когда его начинали про них расспрашивать.

Однажды (в более позднее время) был такой случай. Вадиму никак не давали отпуск. Он вывез и обустроил на Большой поляне жену и дочку Таню, сам каждую неделю приезжал на отдых под вечер с пятницы на субботу, а в воскресенье засветло уезжал.

В тот год лагерь был особенно многолюдный.

Вадим приехал около пяти часов вечера. Разгрузился, раздал всем, кто что заказывал привезти из Ташкента, главным образом, сигареты и хлеб, огляделся.

– А рыба где?

Рыбы не было. Обычно к пятнице Саша успевал наловить садок маринки, а в этот раз не получилось.

– Саша, – обратился к другу Вадим, – ты что, просидел весь день на этом бревне?

– Я забросил пару раз, – лениво ответил Саша, – не клевало.

– Не клевало! Обленились, черт бы вас побрал. Сидят целый день и ждут: Вадим приедет, Вадим наловит, сам почистит, сам пожарит...

Злющий, ворчащий, схватил Борода удочку, сумку, сорвал с дерева горсть дикой вишни магалетки (маринка хорошо ловилась на вишню) и ушел из лагеря. Все видели, как он отправился вверх по течению. Мужчины проводили его виноватыми глазами.

Вдруг вскочил Никита, сдернул с протянутой веревки куртку, схватил удочку, бегом вскарабкался на откос, прикрывающий поляну от посторонних глаз, и ушел. Вниз по течению.

Да, за рыбкой приходилось ходить. Казалось бы, что стоит забросить удочку прямо с нашего пляжа. И таскай себе маринку за маринкой. Ан нет. Никто, никогда, ни в какие годы, ничего здесь не вытаскивал. Никто никогда, кроме одного раза.

Это произошло ранним, тихим утром. Солнышко только-только продрало глазки и улыбнулось. Чиркнуло лучом по реке, выбило искры. Едва касаясь лапками воды, полетом пронеслась против течения небольшая стая диких уток. Кто успел увидеть, у того перехватило дыхание. А успели увидеть едва проснувшиеся наши мужья, рассевшиеся в ряд на бревнышке. Сидели и млели. Это было заметно по их блаженным физиономиям.

Вдруг, откуда ни возьмись, рыбак. Со спиннингом и садком. И к нашим:

– Ребята, можно я здесь закину?

Те снисходительно ухмыльнулись:

– Закидывай. Что выловишь – твое.

Незнакомец закинул. Минуты не прошло, он выдернул удочку. Чудо! На двух крючках трепетали две маринки.

Снял, положил в садок, снова закинул. И снова – раз! На крючке маринка. Одна, но в два раза крупнее первых двух. Зрители обомлели. Не может быть! А этот снова закинул, и снова две. Так он поймал семь штук и на этом остановился. Не потому, что он продолжал закидывать, а у него не клевало. Нет, он просто прекратил лов, словно знал – на этом месте больше ничего не будет. Перекинул на плечо спиннинг, поднял садок, попрощался и пошел себе. Наши мужчины остались неподвижно сидеть на бревне с разинутыми ртами. Саша только успел крикнуть:

– Эй, мужик, ты на что ловил?

Тот остановился, пожал плечами.

– На вишню.

Впредь на этом месте больше никогда ничего не ловилось. Даже Хасан Терентьевич, уж на что всем рыбакам рыбак, и тот подтверждал, что здесь даже на пробу забрасывать нет никакого смысла.

А место само по себе было чудесное. Поросший арчой противоположный, «зачерный», склон уходил в небеса. Циклопические скалы образовывали фантастические фигуры. Особенно при лунном свете там можно было увидеть голову сказочного богатыря, старика с клюшкой, льва или нежный профиль девушки с длинными волосами.

Стоило выйти на мысок, крайнюю оконечность Большой поляны, открывался вид на заросшее тополями и тальником устье Тереклисия и могучий хребет водораздела. Начинался он со скалистой, не очень высокой, но с крутыми склонами и с круглой макушкой горы. Густой арчовник на северной стороне делал ее мохнатой. Называлась гора Большой шлем.

Мы часто давали названия любимым местам. Недалеко от поляны находилась Бухта святой Алисы. Обычно все проходили мимо этого места и даже не останавливались передохнуть на пути к облюбованной дальней купальне.

Но в один прекрасный день Ася Родина отбилась от шумной компании, села на траву под березкой, растущей на небольшом мысу, ушедшей корнями в воду, долго сидела, смотрела на реку, темную, заслоненную горой от солнца, на видимый даже в тени язычок песчаного, уложенного гармошкой дна. Мы стали торопить ее:

– Ася, пойдем, хватит рассиживаться.

– Ах, ничего вы не понимаете, вечно вы куда-то торопитесь, вечно вас куда-то несет, – тихо сказала Ася. Поднялась, сбросила с себя ситцевый халатик, осталась в ярко-синем купальнике. Осторожно, прогибаясь в тонкой талии, держась одной рукой за вымытый постоянно набегающей волной боковой корешок березы, вошла по пояс в воду крохотной бухточки. Окунулась, не спеша вышла на берег и сказала:

– Теперь и умереть не страшно.

С тех пор мы часто приходили в Асину бухточку, подолгу сидели, разговаривали. Дети возились в песке, а на нас через некоторое время нападали молчун и непонятное желание остаться здесь навсегда.

В другом месте на Терекли была купальня Свиное рыло. Глубокая ямина под скалой, будто дикий кабан поднял голову и стоит. Здесь можно было даже поплавать в голубой воде, погреться потом на раскаленном песке, нанесенном в разлив меж частых кустов краснотала.

Было место, называемое Медвежий угол, на полпути между Большой поляной и Березовой рошей. Мы ходили туда за крупной и необычайно сладкой ежевикой. Густые заросли ее расплзались плетями по рыхлой глиняной осыпи.

Однажды собираю ягоды и медленно поднимаюсь по сухой, мягкой, рассыпчатой глине, по чьим-то совсем недавно оставленным следам. Ежевика висит гроздьями, ведро мое наполняется, по сторонам не гляжу, некогда. И тут – раз! – взгляд упирается в солидную кучу свежего помета. Чуть-чуть я в нее не вляпалась. Мама родная, я шла по медвежьему следу! Замерла, сердце оборвалось. Тишина. Чуть слышно, как внизу переговариваются с детьми Ася и Вера Скворцова... До сих пор не помню, как оказалась возле них. Но, что обязательно стоит отметить, ягоды не рассыпала.

Сколько-то прошло времени, вернулся с рыбалки Вадим Борода. Идет довольный, прячет ухмылку. На кукане болтается с десятков солидных маринок. Положил небрежно на стол, буркнул:

– Почистить!

И полез в палатку отдыхать. Смирненные, с виноватым видом, отправились на бережок потрошить рыбу Кирилл и Саша.

В горных условиях мелкую чешую с нее снимать не надо. Иначе в казане в горячем масле мясо расплзется. Следует лишь вспороть брюшко, убрать внутренности и тщательно, не ленись, очистить полость от черной пленки. Она у маринки ядовитая.

Мир и тишина воцарились в лагере. Двое на берегу чистили рыбу, остальные с улыбками переглядывались и кивали в сторону палатки Скворцовых. Вслух обсуждать ситуацию не рисковали. Вдруг он еще не остыл как следует. И вот тут произошло знаменательное событие! На краю откоса появился Никита. Растрепанный, мокрый, весь в песке, глаза безумные. Обеими руками прижимает к груди два «полена», двух чудовишных рыб. Держит он их за головы, просунув пальцы под жабры, а хвосты свисают ниже колен.

Он ссыпался с горки, волоча за собой тучку мелких камней и пыли, запыхавшийся приблизился к столу, вывалил на него добычу и, гордый, счастливый, перевел дыхание. Его тормозили, расспрашивали, но поначалу он не мог выговорить ни слова.

– Где твоя удочка? – спросил папа.

– Нет удочки, уплыла.

Я стала стаскивать с него мокрую куртку, заставила скинуть трико.

– Господи, да как же ты перемазался!

– Ой, мам, не до того было, – он стал рассказывать. – Дошел до ямы (была, недалеко от поляны глубокая промоина за скалой), закинул удочку. Крюнуло сразу. Я тянуть, а оно не вытягивается. Думал, зацепился. Тяну, удочка гнется, а леска как-то в сторону, в сторону. Нет, думаю, не зацепился – рыба!

Долго мучила рыба Никиту. Наконец, медленно отступая назад, удалось вытащить ее на берег. Увидел – растерялся. Прежде ему удавалось поймать одну-две рыбешки, а тут монстр. Он чуть было его не упустил. Бросил удочку и упал на рыбину животом. Под ним завозилось что-то большое, холодное, скользкое. Так, не вставая на ноги, по-пластунски, он вместе с добычей уполз от воды как можно дальше и только тогда рискнул подняться.

Он преградил рыбе путь к спасению, навалив возле нее груды камней. Долго стоял и смотрел, как она вздрагивает, шевелит жаберными крышками, распускает и складывает плавники. Потом присел на корточки, отцепил крючок, погладил рыбу и вернулся к воде. Промелькнуло в голове, что надо бы не жадничать, вернуться домой, но только промелькнуло. Он снова забросил удочку.

Солнце ушло за горы. Вода потемнела, стала отливать свинцом. Что там делалось в глубине ямы – кто знает. И снова удилище напряглось, натянулась леска. Но в этот раз все произошло быстро. Удочка сломалась. Он только-только успел перехватить удилище повыше, как его потянуло вперед и затащило по пояс в воду. Хорошо не на стремнину, но зато на каменистое дно. Он боролся с рыбой, подтягивал леску, она больно резала ладони. Он устал, ему было страшно. Рядом, совсем рядом, гремел на перекате рассерженный Акбулак, горы смотрели неодобрительно, небо хмурилось.

Каким образом огромная маринка оказалась на берегу, Никита рассказать не

смог. Не мог вспомнить. Краем глаза успел заметить, как крутануло в водовороте сломанную удочку и унесло прочь. Минут десять понадобилось ему, чтобы отдышаться. Потом он принял в объятия одну и другую своих рыб и побрел в лагерь.

Мы толпились возле стола, дружно обсуждали удачу Никиты, кто-то душил его в крепких мужских объятиях, крича: «Молодец, парень, так-то вот, знай наших!» Ася принесла кружку горячего чая. На шум вышел из палатки Вадим Борода. Приблизился, увидел чужой улов. Долго смотрел, потом спросил:

– Кому это так потрафило? Кто поймал?

Четырнадцатилетний Никита скосил на него глаз, скромно потупился и сказал:

– Я.

Вадик горестно махнул рукой, повернулся и ушел обратно в палатку. Не было у палатки хорошей двери, ох, он бы ею хлопнул!

Так на счету акбулакского братства появился еще один заядлый рыбац.

ЖИВЫЕ КАМНИ

В тот год, не помню по какой причине, стояли мы не на Большой поляне, а на слиянии Акбулака и Саргардона. Было там под обрывом небольшое пространство, затененное тополями и орешинами, с каменистым, правда, но относительно пологим спуском для машин. Вниз они съезжали запросто, зато наверх их приходилось вытаскивать, с риском покалечить руку или ногу подкладывая под колеса большие камни, чтобы забуксовавшему автомобилю не пришлось катиться по инерции напрямиком в речку.

Места хватило для трех палаток, а больше никто и не приехал. В палатке у самого берега поселились Вадим Борода с женой Верой и дочкой Таней. Чуть поодаль – мы вчетвером. В глубине полянки, под откосом, в глухой тени, в одноместном брезентовом домике расположился Григорий Николаевич Астахов.

Что хорошо было на этом месте – оно было совершенно изолировано от остального мира. Только мы и больше никого!

В лагере установилась строгая дисциплина: один дежурит, остальные могут идти на все четыре стороны. Стряпали мы нашу нехитрую еду на костре, а заготовка сушняка и дров была всеобщей повинностью. Всякий раз, как возвращаемся из похода, каждый тянет за собой, чиркая по земле, высохшую разлапистую ветку. Позади, в облаке легкой пыли, трусит коротконогая дворняжка Скворцовых Найда, то и дело останавливается, чихает. Сколько раз мы упрашивали ее идти вперед – ни за что. Если тащим хворост, она обязательно побежит следом. Охраняет его, что ли?!

Однако на тонких прутиках каши не сварить. Тем более, борща. Поэтому настоящие дрова приходилось добывать непосильным трудом мужчинам. На заготовку выходили сообща, прихватив не только топор и пилу, но и длинную веревку с крепко привязанным к ее концу увесистым камнем. Шли по дороге, осматривали растущие вдоль нее деревья, если находили на них сухую ветку, останавливались. Чаше это были орешины с хрупкой, легко ломающейся древесиной. Теперь следовало перекинуть через нее веревку, для чего кто-нибудь самый меткий на глазок прикидывал расстояние, а потом забрасывал привязанный камень. С первой попытки не всегда получалось, иной раз даже приходилось отказываться от хорошей добычи и идти дальше, но если веревку удавалось закинуть, лесорубы гроздью повисали на ней и с криком «эй, ухнем» тянули вниз. С треском толстый сук обрушивался, и его оставалось лишь распилить, разрубить на чурочки. Лесники не препятствовали такой заготовке, напротив, всячески ее приветствовали, мол, и людям хорошо, и растениям полезно. А еще дрова приносила река, но топляк приходилось долго сушить и, как правило, он плохо горел.

Но я собралась рассказать о происшествии одного дня. Одного из многих на Акбулаке, в начале августа, не помню, какого года.

Накануне договорились с Верой. Я оставляю Наташку на ее попечение, Никита идет с Вадимом на рыбалку, а мы с мужем отправляемся в поход вверх по Саргардону. Изредка мы позволяли себе роскошь отдохнуть от детей.

Поднялись рано, лагерь еще спал, взяли приготовленный с вечера рюкзачок с купальными принадлежностями и сухим пайком и пошли. Миновали палатки, поднялись наверх. Перед нами оказался не широкий, но и не очень узкий лужок у реки.

Обычно к началу августа трава на склонах выгорает, сохнет, выцветает, становится светло-рыжей, а этот лужок всегда стоит зеленый, подпитан водой, специально подведенной сюда из ручья. Бежит ручей по камешкам вдоль дороги сверху, добегаёт до луга, растекается в разные стороны, поит траву и молоденькие деревца.

Поднялись на лужок и увидели идущего по траве незнакомого человека. Он приблизился. С удочкой в одной руке и садком, почти полным золотой в лучах солнца рыбой, в другой. Что удивительно, каждая маринка была обложена мягкой травой и стеблями мяты с нежными сиреневыми цветами на концах. Рыбки были еще влажные, от них пахло рекой. Они смиренно лежали среди зелени, лишь изредка зевали ртами, засыпая.

Мы остановились, поздоровались с незнакомцем (в горах положено здороваться), поздравили его с удачной рыбалкой и склонились над садком, залюбовались чудесным уловом. Поговорили о хорошей погоде и разошлись. Он отправился вниз, в сторону наших палаток, мы – вверх по склону, к домикам лесников. Обогнули штакетник, вошли во двор через всегда открытую калитку.

Во дворе привычная тень плодовых деревьев, тишина. Справа – вечно запертый на всякий замок вытянутый в длину барак, гордо именуемый флигелем, с белыми занавесками на окнах. Дом принадлежит геологам. По слухам, внутри в одной из комнат большая коллекция минералов, в других, гостевых, приличная мебель и всяческие удобства, но мы никогда этого не видели. Дом оживал лишь в случае приезда высокого геологического начальства.

В левой стороне двора – очаг, а за ним сквозь ветки вишняка и листву конского каштана виднеется чисто выбеленная стена «Белого дома» с подслеповатым окошком. Он состоит всего из одной комнаты размером три на три метра, плотно заставлен необходимыми для жизни в горах вещами. Сегодня Алика, владельца хором, на месте нет, дверь на замке, а у стола под навесом одиноко сидит его напарник Хасан Терентьевич, пьет чай. Его деревянный домишко просторней «Белого», но он поодаль и заслонен деревьями.

Хасан усадил нас, налил по пиале чая, придвинул тарелку с лежашей на ней лепешкой из темной муки и миску с медом. По правилам хорошего тона полагалось поговорить с лесником, хозяином здешних мест.

Хасану Терентьевичу в ту пору было далеко за шестьдесят. Это был маленький, сухой, как головешка, прокаленный горным солнцем непоседа. Хасан Терентьевич передвигался по жизни исключительно бегом. Под горку или в горку, не важно, все равно бегом. Целыми днями он трудился, как муравей: то чинил штакетник, то откуда-то ташил сухую лесину, сгибаясь под ее тяжестью. Скорость его при этом оставалась неизменной. Вот он уже на пасеке, вот ковыряется в огороде, вот сажает какие-то прутики, из которых вырастают потом большие деревья, вот бежит на рыбалку.

Русское отчество Хасана всегда вызывало любопытство. Но еще в первый год мы узнали его историю. У него был побратим. Русский инженер. Подружились они на строительстве деревянного моста через Чаткал, тогда же и побратались. И стал Хасан Иралиевич Терентьевичем, а Иван Терентьевич – Иралиевичем. Они обменялись именами отцов. Не по паспорту, конечно, по душе, по сердцу.

Хасан Терентьевич по-русски говорил свободно, без акцента. Молодым парнем его призвали в пехоту, отправили в Белоруссию. Там он и встретил войну. После войны вернулся в родную Бричмуллу и стал работать в лесничестве. Сначала простым

рабочим, потом лесником. Так что биография его была очень проста. В поселке – жена, дети, сам он большую часть года проводил на кордоне, в урочище Майдантал у реки Саргардон.

Мы напились чаю, съели по кусочку лепешки с медом, узнали местные новости. Алика мы увидим не скоро, он женит сына. Саидберды с отцом ушли на свой кордон за Березовой рошей. Там у них беда: медведь залез на пасеку и разворотил два улья. Ахмад уволился и уехал домой в Киргизию. А на его место еще не известно, кого возьмут. Хоть мы и знали, что Хасан Терентьевич и Ахмад не ладили, все равно посоветовали, жалко, что уехал.

– Да, жалко, – неожиданно вздохнул Хасан, – теперь и поругаться не с кем.

Мы засмеялись, а он остался серьезным и как-то растерянно оглядел пустой двор.

При случае Хасан Терентьевич любил поговорить, часто приходил к нам на звездные посиделки. Покончив с дневными делами, мы с детьми выбирались на лужок, устраивались на плоских камнях, смотрели, как одна за другой зажигаются звезды, как в сгустившейся тьме возникает, словно из небытия, Млечный путь. Чудится, будто сияющие скопления далеких миров едва заметно шевелятся, перемигиваются, о чем-то шепчутся между собой.

Утомившись сидеть на камнях, мы ложились на траву и смотрели в бездонное небо. Кто-нибудь замечал и начинал показывать другим проплывающий среди звезд спутник.

Однажды Хасан задал какой-то вопрос об устройстве Вселенной, наши девчонки, Наташа и Таня, принялись просвещать его. Говорили, что Земля круглая, что она вращается вокруг Солнца, что Луна – спутник Земли, а звезды от нас далеко, и долететь до них невозможно. Еще, перебивая друг друга, говорили, что Земля наша маленькая и находится на самом краю Галактики...

Хасан слушал, слушал, потом сказал:

– Э-э, все не так, – поднялся и ушел.

Вера засмеялась, крикнула ему вслед:

– А как, Хасан Терентьевич?

Он не ответил, только махнул рукой.

Мы поговорили с Хасаном и отправились в дальний путь вверх по Саргардону. Речка невелика, метра два в ширину, не больше. Но ты попробуй ее перейти! Она не течет, нет, она несется как угорелая вниз на встречу с Акбулаком. Она прыгает с обточенных буйной водой камней, взлетает на следующем пороге с разбега вверх и тут же падает обессиленная, рассыпаясь на пенные струи.

Ушелье здесь широкое. Не ушелье, а длинный лог меж двух хребтов. Посреди него проложена дорога, ходят по ней грузовики. Одни на покос, другие на высокогорную шахту.

Мы уходили по дороге, неуклонно поднимались все выше и выше, а за нашей спиной из-за ближних гор выползали и становились видимыми дальние горы, прежде заслоненные, теперь явившиеся взору. На них уже ничего не росло, только голые скалы вздымались к небу, да виднелись в расселинах, в постоянной тени, небольшие пятна вечного снега. Иногда я поворачивалась и шла спиной, чтобы не терять из виду открывающуюся панораму.

Все сильнее припекало солнце, все чаще хотелось пить. Мы решили остановиться. Спустились к реке и очутились в чудном тенистом месте, отгороженном от остального мира высокими с влажной листвой тополями. Расположились, расстелили старенькое покрывало, окунули в воду для охлаждения бутылку с сухим вином, достали хлеб, помидоры, крутые яйца и отварное мясо. А для начала мне захотелось окунуться.

Разделась, вошла в неглубокую ямку меж двух камней. Но с купанием ничего не получилось. Воды было чуть выше колен. Я постояла, постояла и вылезла на берег.

– Подожди, – сказал муж, – давай поедем, я тебе построю шикарную запруду, купаешься.

И мы, изрядно проголодавшись, набросились на бутерброды, достали из речки сухое вино стали отбиваться от блестящих черных муравьев, набежавших на запах мяса.

Прилетала зеленая стрекоза, зависала в воздухе над нашим биваком. Быстро-быстро трепетала прозрачными крыльями, смотрела выпученными глазами, потом улетала боком и снова возвращалась. По камням против течения, не обращая на нас никакого внимания, прыгала аккуратно подтянутая серенькая трясогузка.

После обеда, стряхнув с покрывала крошки, я разлеглась в скользкой полутени загорать, а Кирилл полез в воду строить запруду. Смотрела, как он ворочает в воде обкатанные булыги, ставит их одну на другую, забивает отверстия между ними более мелкими камнями и пучками сорванной у берега травы. Давала советы, а он ругался и просил, чтоб я не встревала не в свое дело. Тогда я стала смотреть на скалы противоположного берега. В голову полезли глупые детские мысли.

«Отчего это, – думала я, – дальние вершины всегда кажутся синими, хотя на самом деле они совсем даже не синие?» Присмотрелась, увидела, что и вблизи затененные места на горе отдают синевой. Оказалось, что арча, растущая прямо напротив меня на скале, тоже синяя. Раскинутые шатром ее мохнатые лапы шевелятся под порывами легкого, постоянного для ушей сквозняка. И как только она держится на скрученных, перекореженных корнях, протянутых в разные стороны! А возле них, по-видимому, с большой выгодой для себя расположились кустики костяники с алыми каплями кисленьких, вяжущих ягод. Эти горящие на солнце алые капельки не нарушали мой синий мир, стало казаться, будто это вовсе не ягоды, а просто кто-то однажды рассыпал круглые коралловые бусы. Потом что-то произошло в природе. Сквозь шум воды стали слышаться голоса, стройное невнятное пение. Я попыталась разобрать слова, но слов не было. Потом смиренно лежавшая на берегу синяя глыба обернулась сломом. Он медленно ожил, развернулся, поднялся на ноги, взмахнул широкими лопастями-ушами, задрал к небу хобот. Постоял так некоторое время, опустил его и стал пить из реки.

– Да ты никак уснула, – послышался голос Кирилла.

Я открыла глаза. Он сидел возле меня и смеялся. Босые ноги его были в песке, на плечах блестели капли воды.

– Смотри, какую я тебе построил плотину!

Я поднялась и шагнула к воде. О, это было прекрасное ирригационное сооружение! Аккуратная стенка из тщательно подобранных камней преграждала прямой путь воде, заставляла потихоньку изливаться в сторону. В яме поднялся уровень. Сделав еще два осторожных шага уже в реке, я погрузилась по пояс. Возле ног, откуда взялись, закружились и стали пошипывать кожу крохотные рыбки. Я видела, как они плавают в глубине, изгибая спинки. Собралась с духом, окунулась с головой три раза и пулей вылетела на берег.

Солнце медленно совершало свой путь, пока не настало ему время коснуться ближней вершины. Мы оделись, собрали вещи и вышли на дорогу. По мере того как мы спускались, дальние горы медленно погружались в землю, исчезали за более низкими горами. А те, напротив, вырастали и вновь становились самыми высокими и самыми неприступными с отвесными лиловыми скалами.

Наше необыкновенное приключение началось позже на дороге между кордоном и дужком. Кирилл наступил на камень, погруженный по макушку в землю. Лежал себе этот камень испокон веков, кругло обточенный водой в доисторические времена, никому не мешал. Вдруг он как-то странно вывернулся у него под ногой, выскочил из земли и слабо тукнул. Муж оступился, с трудом удержал равновесие и удивленно огляделся. Не прерывая разговора, мы пошли дальше по дороге через

лужок, пересекли его и уже в легких сумерках стали спускаться к лагерю. Вот с этого момента и пошло-поехало. На какой окатыш он не наступит, тот и качнется или вообще перевернется. Я сказала:

– Слушай, Кирилл, с чего это ты все камни на дороге сшибаешь?

– Валяются под ногами, вот и сшибаю.

Но я заподозрила что-то неладное. Вернее сказать, в голове промелькнула тень неясного подозрения и пропала.

Пришли в лагерь. Там суматоха, готовится ужин. Девчонки нанизывают на шашлычные палочки толстые куски рыбы и всякие овощи: помидоры, болгарский перец; Вера и какая-то незнакомая женщина следят, чтобы рыба не пригорала.

Нас познакомили, женщина назвалась Аней, а я, глядя на приготовляемый рыбий шашлык, стала рассказывать, как рано утром мы с Кириллом повстречали рыбака с садком и как красиво смотрелись в том садке пойманные маринки, переложенные травой и озаренные только что поднявшимся солнцем. Вера с Аней переглянулись и засмеялись.

– А теперь эта рыба жарится и пойдет на ужин.

Аня оказалась женой того самого рыбака. Утром, после встречи с нами, он пришел в наш лагерь, думал просто порыбачить, но ему понравилось место, и он попросил разрешения поставить здесь палатку. С Вадимом и Гришей они сразу нашли общий язык, разрешение было дано, новая палатка установлена под старыми тополями в некотором удалении от берега. На наши голоса из палатки вылез Володя, мы познакомились уже по-настоящему. Вадим вдруг начал выяснять подробности одного давнего происшествия.

– Постой, постой, это не ты ли в позапрошлом году таскал у нас под носом на Большой поляне маринку за маринкой? Вспомни! Мы тебе говорим, мол, закинь, но тут рыба не ловится. А ты поймал. Как сейчас помню. Я потом пробовал. Ничего подобного. А ты – семь штук выташил! Это ты был?

Аня засмеялась и сказала, что ее муж где только не ловил рыбу. А Володя подумал и ответил, что такое вполне могло быть, но он этого случая не помнит.

Тут поспел шашлык из маринок, все кинулись собирать ужин. Но прежде, чем сесть за наш импровизированный стол, мы с Кириллом отправились к воде умыться с дороги.

Чтобы оказаться на берегу, стоило сделать несколько шагов по узкой тропинке к наклонно растущему молодому деревцу, спуститься по созданной самой природой лесенке – трем камням, прочно сидящим в сухой земле, – затем прыгнуть на большой Белый камень, широченную плоскую булыгу высотой в метр.

Муж прошел по тропке, наступил на первый уступ нашей лесенки. Вмиг верхний камень, как говорится, с мясом вывернуло из ложа! Кирилл покатился вниз и, не схватившись за ствол, грохнулся бы со всего маху на гальку.

Он удержался, но его вынесло на Белый камень. И тут... если бы собственными глазами не видела, я бы не поверила. Белый камень, испытавший сотни наших прыжков, совершенно безопасный, мирный, вдруг сильно качнулся, показал испачканную полоску грани между внешней и подземной частью и глухо тукнул – тук!

Мы изумленно уставились друг на друга.

– Как хочешь, Кирилл, – сказала я, – это уже что-то аномальное.

– Глупости, – отозвался он.

Нагнулся и зачерпнул ладонями воду.

– Сойди с камня, – закричала я, – пожалуйста, я очень тебя прошу, сойди!

Кирилл засмеялся, но с камня сошел и стал умываться в другом месте. Я взобралась на Белый камень и попыталась его раскатать. Я несколько раз подпрыгнула сначала на одном конце, потом на другом – безрезультатно. Мистика какая-то.

Нас уже звали к столу, мы пришли, сели на измочаленное порубками полено, получили миску ароматной маринки с лопнувшей в некоторых местах поджаристой шкуркой. Я разбирала куски рыбы, вынимала мелкие косточки, очищенные кусочки клала на тарелки детям и рассказывала историю о качающемся камне. Вадим недоверчиво хмыкнул:

– У тебя, – сказал он, откусывая хлеб, – слишком богатое воображение.

– Да, честное слово, я собственными глазами...

Но мне не поверили, разговор переключился на что-то другое, а муж сидел, жевал и помалкивал.

В какой-то момент прекрасного ужина Вера случайно обернулась и сказала:

– О, смотрите, Хасан Терентич бежит.

Хасан ловко прыгал с камня на камень на другой стороне реки, не касаясь серой, угрюмой в сумерках скалы. В этом месте она отвесно спускалась почти к самой воде, оставляя узкую полоску нагроможденных один на другой гранитных обломков.

– Старый черт, – сказал Григорий. – Вот под кем ничего никогда не качается.

Я обрадовалась:

– Гриша, ты мне веришь!

Он пожал плечами:

– В горах иногда случаются всякие странные вещи.

Хасан Терентьевич переправился через Акбулак выше лагеря и вскоре подошел к нам. Мы начали уговаривать его поужинать, но он отказался. Ему надо было дома чистить пойманную рыбу. Я задержала его и рассказала историю с ожившими камнями. К великому удивлению всей честной компании, к моему рассказу он отнесся очень серьезно.

– Это бывает, – сказал он и внимательно посмотрел на Кирилла. – Никуда больше не ходи, спать ложись головой к востоку. К утру все пройдет.

– Но почему это, Хасан Терентич?

Он, уходя, обернулся:

– Что-то потревожил...

Я ахнула.

– Кирилл, да ты ж целый день запруду строил, булгы ворочал!

Но существовала ли связь между строительством запруды и внезапно ожившими камнями, мы так никогда и не узнали.

ХОЗЯИН «БЕЛОГО ДОМА»

Все Алик да Алик, никакой он не Алик. Звали его Алимджан. Но для нас он был Алик.

В отличие от Хасана Терентьевича это был крупный мужчина со скульптурным, грубовато вылепленным лицом. Буйная шевелюра и такая, знаете, медвежья походочка вразвалочку дополняли его колоритный облик. Алик никого не боялся, кроме собственной жены. Когда «главный инспектор» его безалаберной жизни, широкая под стать супругу половина появлялась на кордоне, Алик вел себя тише воды ниже травы.

Она устраивала генеральную уборку, завешивала двор выстиранным бельем и ватными одеялами, ругалась за потерянную вилку или половник, ворчала и грозила навсегда поселиться в «Белом доме».

Для Алика это означало бы конец света. Но, заскучав от жизни вне цивилизации, жена рано или поздно уезжала на попутной машине домой, в Бричмуллу. Муж доставал тщательно спрятанную бутылку водки или самогона, выставлял на стол остатки плова, звал кого-нибудь разделить трапезу и начинал на радостях «гулять на свободе». Гуляние могло продлиться пару дней и заканчивалось всегда одинаково. Алик приходил в лагерь, просил таблетку анальгина, каялся и клялся «завязать» на всю

оставшуюся жизнь.

Нам становилось жаль его. Он был умным собеседником, был начитан, прекрасно владел русским языком, но выше инспектора в лесхозе не поднялся.

«Птицы небесные не сеют, не жнут» – это, как раз, про него. Он не склонен был к накопительству, и в других этого не любил. Бывало, сидит у стола под навесом, увидит Хасана, начинает бурчать под нос:

– О, побежал, побежал. Куда побежал, сам не знает. Да сядь ты, посиди хоть минуту, угомонись! Интересно, куда это он? Опять за дровами! Полный сарай, вернуться негде, ему мало.

Он уверял, будто Хасан, необыкновенной хитрости старичок, знает о здешних горах все. Все тропы в самых недоступных местах, где что полезное растет, где какая водится живность, даже где что покоится, спрятанное подальше от людских глаз, в недрах.

Над Майданталом на высоте двух с половиной километров есть таинственное и легендарное место – плато Полатхан. Издалека оно кажется плоским, как ладонь. Оно как бы притулилось к склонам величественных отрогов горы Мынжилки.

Издалека сдается, что нет там ни деревца, ни кустика. Там нет тени, а трава уже в начале лета выжжена горным солнцем. Но, говорят, есть ручей, хоть он и не в состоянии напоить землю. Вода вытекает из родника и уходит обратно в землю тут же, на плато. Еще говорят, будто среди скал можно отыскать ходы в карстовые пещеры. Но не это главное.

О загадочном плато ходят всякие легенды. Будто давным-давно, во времена до исторического материализма, был такой местный царек, может, даже не царек, а претендующий на это звание удалой человек по имени Полатхан. Кое-кому крепко он не нравился. Претензии самозванца было решено укоротить. На него, на его людей напали, началась небольшая война, но силы были неравные, и Полатхан стал отступать. Все дальше, дальше в горы.

Вместе с верными воинами, женами и домашним скарбом по единственной ведущей на плато тропе ему удалось подняться на неприступную высокогорную равнину. Здесь он оказался в полной безопасности.

Полатхан позаботился, чтобы тропу хорошо охраняли. Расположились похозяйски. На плато разбили шатры, стали жить и ждать, когда противнику надоест, и он снимет осаду. Была ли снята осада, выбрался ли на равнину Полатхан – неизвестно. И, опять-таки, не это важно. Важно, что после его пребывания на плато остался зарытый в землю клад! И будто бы многие искатели приключений пытались его найти. Но не нашли.

Так вот, Алик уверял, будто Хасану достоверно известно, где зарыт этот клад.

Мы сомневались. Ну в самом деле, если это так, что мешает Хасану подняться на Полатхан, отрыть сокровище, сдать его государству, получить крупные награды, жить потом в свое удовольствие и не сидеть на кордоне в деревянной хибаре, перебиваясь с черствой лепешки на постную шурпу. Но Алика было трудно переубедить. Хитро прищурив глаз и помахивая указательным пальцем, он тянул:

– Зна-ает. Все знает.

Много позже мы догадались, что он нас разыгрывал. Милое дело для горца разыграть равнинного дурачка. Мы ж там у них, в горах, послушные-послушные, наивные-наивные. Положим, не все, но многие.

Вот жил на кордоне в год «живых камней» такой Антоша. Он был гостем Хасана Терентьевича. Откуда он взялся, куда потом подевался – не знаю. Был он худой, сутулый, с длинной шеей. Над шеей возвышалась стриженная ежиком лопухая головка. Хотелось, как в фильме про Белоснежку, подойти, взять его за розовые ушки и поцеловать в лобик. Такой он был молоденький, невинный и совершенно неприспособленный к жизни в горах. То он ошпарится, снимая с очага закипевший чайник,

то возьмется резать лук и порежется острым ножом, то полезет за вишней, и его искусают осы...

Как-то раз у себя в лагере мы приготовили плов из последнего мяса. Хотелось бы растянуть его запасы подольше, но температура в «холодильнике» не позволяла. Холодильником служила река. Все, что могло быстро испортиться, мы складывали в молочники, крепко привязывали крышки, ставили в воду и по горлышко заваливали камнями. Такие предосторожности были необходимы. И сама река могла унести наши припасы, и по ночам с ревизией приходила милая зверюшка норка. Очень она была не прочь полакомиться свежим мясом или колбаской.

Приготовили мы, стало быть, плов. Наполнили большую миску и понесли, я и Вера, на кордон – угощать лесников. Так было принято. Если они затевали плов, они приглашали нас. К слову сказать, ни Алик, ни Хасан никогда не брали с нас денег за постой. Подарки мы им привозили: Хасану Терентьевичу крючки и пару пачек хорошего чая; Алику, я вынуждена это признать, водку. А еще мы платили копеечный взнос за пребывание в приграничной с Чаткальским заповедником зоне. Но это официально. Приезжали инспекторы, брали плату, выдавали квитанции.

Зашли во двор. Алик разжигает огонь в очаге. Ломает хворост, что покрупней, рубит. За ним ходит Антоша и канючит:

– Дядя Алик, ну скажите по правде, я же серьезно спрашиваю.

– Что тебе сказать?

– Как называются эти горы?

– Я тебе сто раз говорил, это – Чаткальский хребет.

Алик оторвался от рубки дров, тукнул уголком топора по плахе, чтобы воткнулся в дерево, а не валялся где попало. Вскоре в очаге загорелось. Столб белого дыма, наклонившись, пошел прямо на Антошу. Антоша стал отмахиваться, плевать и тереть глаза. Стоило ему убежать в сторону, дым прекратился, красные языки пламени выбросились сквозь неплотно прикрытую конфорку.

Алик поставил чайник, подошел к столу, уселся. Антоша с покрасневшими глазами пристроился возле него.

– Так как, дядя Алик?

Алик развернулся к нему с усталым видом.

– Что ты ко мне пристал! Ты что, в школе не учился? Тянь-Шань называются эти горы, понимаешь ты, Тянь-Шань!

Считалось, что Антоша, наконец, отстанет, тем более, плов остывал, надо было идти звать Хасана. Но нет. Антоша обиженно вытянул губы, откинулся на скамейке.

– Ну-у, шутите...

Алик растерялся:

– Я не шучу...

– Не может быть, чтобы Тянь-Шань.

– Да тебе русским языком... Смотри, вон даже на горе написано, на скале – «Тянь-Шань»! – рассердился Алик.

Антоша немедленно обратил взор на скалу, стал искать глазами надпись. Мы переглянулись. Алик оставался невозмутимым.

– Ты не туда смотришь, бери левее.

Наконец до бедняжки дошло, что его разыгрывают. Обиделся, надулся. Мы послали его звать Хасана, похихикали с Аликом и отправились в лагерь.

Антоша догнал нас на лугу. Подбежал, перевел дыхание и взмолился:

– Вера Алексеевна, скажите правду. Это действительно Тянь-Шань?

Вера даже руками всплеснула:

– Антон, дорогой, в вашем возрасте уже пора бы знать географию. Конечно это Тянь-Шань.

– Да-да, наверно, – растерянно сказал он. – Наверно, вы правы. Но это так странно.

Подумать только, я – на Тянь-Шане...

Растроганный, размякший, он обвел глазами заголубевшие в сумерках тянь-шаньские горные хребты и глубоко вдохнул прохладный, настоящий на шалфее и мяте, ядреный тянь-шаньский воздух.

Прошло несколько лет, семидесятые и восьмидесятые годы остались в истории. Дети выросли, а мы с Кириллом Владимировичем стали бабушкой и дедушкой.

И вот на большом семейном совете было решено поехать с внуком в горы. Дети выросли на Акбулаке, пусть теперь растет внук. Так и сделали, покатали вдаль по старой, до боли знакомой дороге. Ехали вчетвером: я, Кирилл, дочь Наташа и полуторагодовалый, новенький с иголки человек Сережа.

Доехали без приключений до кордона и сразу попали в медвежьи объятия Алика. Удивительно, здесь все было без изменений. Алик и Хасан Терентьевич несколько не постарели. Только деревья во дворе выросли и совершенно затенили его, только слегка облупился «Белый дом» да обветшал никому теперь не нужный и бесхозный флигель геологов. Не висели на окнах занавески, настужь была распахнута дверь, обрушились ступеньки крыльца. Алик предложил нам разместиться в одной из пустых комнат.

– Куда вы с таким маленьким ребенком полезете в палатку?! Нет, вы ее поставьте, Кирилл пусть в ней и ночует, а вы здесь. Правильно я говорю, спиногрыз?

Наташа казалась расстроенной.

– А как же Большая поляна?

– А на Большой поляне теперь никого нет.

Мы приняли предложение Алика. Обустроили маленькую комнату во флигеле, собрали за ним собственноручно созданный Кириллом сборный душ на самом прогреваемом солнцем месте. Затем позвали Алика принимать объект. Алик не спеша обошел душ кругом, посмотрел, покачал на прочность. Хоть бы оно шелохнулось!

– Молодцы! Ничего не скажешь. Как это ты, Кирилл, умудрился придумать такую штуку! Все по уму. Собрал – разобрал, связал трубы шпагатом, закинул на багажник, оно и места почти не занимает. Меня пустите купаться?

– Какой разговор! – вскричали мы, и Алик потопал восвояси.

Едва дождавшись, чтобы нагрелась на солнце вода, Наташка побежала делать пробу. Место было безлюдное, но мы совершенно выпустили из виду одну маленькую деталь – проходившую неподалеку дорогу. Нет, в случае, если по дороге ехала легковая машина, то сидящие в ней пассажиры ничего бы не увидели. Но на беду, именно в тот момент, когда Наташа только успела намылиться, мимо кордона пошел грузовик с битком набитым лесхозовскими рабочими кузовом. А пленка оказалась почти прозрачная...

Нет, все, конечно, знали, что она прозрачная, но как-то об этом не подумали. Головы сидящих в кузове так и остались повернутыми в сторону злополучного душа даже тогда, когда машина проехала далеко вперед. А Наташка так и осталась стоять с мочалкой в руке, замершая, как мраморная Галатhea.

Ошибку исправили, поверх пленки повесили старенькое покрывало и на другой день отправились ставить палатку. Хорошее место можно было найти под откосом с восточной стороны кордона. Мы обосновались под обрывом, на более или менее свободном от камней месте. Правда, чуть дальше и полянка была просторней, и тени больше, но Алик предупредил, что на этом месте постоянно располагается лагерь Володя-рыбак, и его занимать не стоит.

Территорию под будущий лагерь следовало расчистить от ежевики, лишних камней, бурелома и прелых листьев. Каждый год потом, на протяжении четырех лет, мы расчищали и совершенствовали ее, и уже не порывались на Большую поляну. В свободную минуту сходили туда с Наташей, навестили старое место. Это было грустное

путешествие в давно прошедшие времена.

Мы стали жить на два дома. Ночевали и укладывали спать Сергея на дневной сон во флигеле, а остальное время проводили внизу, в лагере, на кордоне иногда бывало излишне многолюдно.

Обычный летний день. Солнце стоит в зените. Легкое марево осыпает золотом горы. В ущелье прекратился утренний сквозняк. Кажется, будто даже река присмирела, не так сильно гремит на перекатах.

С Наташей и Сережкой поднимаемся по проложенной на откосе бетонной, в два пролета, лестнице на кордон. Проходим мимо выстроенных в ряд молоденьких сосен и тополей. Листья на тополях, по-детски крупные, чисто вымытые, висят неподвижно на длинных черенках. Один какой-нибудь вдруг внезапно запылится и снова повиснет, смутившись за нарушенный дневной покой.

Во дворе толкуются незнакомые люди, видно, туристы. Делятся впечатлениями. Лениво развалившись у стола, уставший после обхода своих владений, Алик снисходительно слушает мужчину лет сорока. Мужчина заходится от восторга, у Алика смеются глаза, он опускает веки.

– Первый раз в жизни такое видел! – кричит мужчина. – Случайно глянул вверх, а там – козел! Здоровенный, рога вот такие! Книзу загнуты. Я на него смотрю, а он стоит...

– Где это? – небрежно спрашивает Алик.

– Там, над Терекли. На скале. На самой вершине.

– Так это не козел, – роняет Алик.

– А кто? – теряется мужчина, – у него же рога...

– Это статуя, – Алик тянется к чайнику, наливает в пиалу остывший чай, – скульптура такая. Над Чарваком тоже стоит. Видели, когда проезжали?

– Ну видели. Обдупленный, без одного рога.

– И этот такой же, только с рогами, – отпивает глоток чая Алик.

Мужчина некоторое время молчит и недоуменно смотрит на него.

– Так он же шевелился! – внезапно нарушает он тишину. Но как-то неуверенно. Алик, не торопясь, снова отпивает глоток чая.

– А там специальный мужик сидит, он его время от времени поворачивает.

Повисла пауза. Алику скучно, он почти засыпает сидя, только веки пламенеют. Наконец туристы начинают соображать что к чему и раздражаются хохотом. Алик, довольный, хмыкает и зовет Сергея.

– Иди ко мне, спиногрыз.

Сережа подходит, прижимается к его колену.

– Как дела? – спрашивает Алик и кладет неуклюжую загорелую пятерню на белокурую кудрявую головку. – Спать пришел? Бай-бай делать?

– Га-га, – соглашается наш умный мальчик.

На его языке это означает, что он сейчас ляжет спать. Правда, спать ему совершенно не хочется, но, что поделаешь. Алик смеется, да и всем на кордоне страшно нравятся первые неловкие попытки Сережи заговорить по-русски.

Мы уносим ребенка в дом, в прохладу. Туристы как-то незаметно исчезают. Алик уходит к себе, во дворе пусто. Зной томит землю, иссушает ее до звона, выжигает траву. Даже здесь, на высоте в тысячу семьсот метров над уровнем моря, жарко. А что внизу, в долине?

ЗА ЛУКОВКОЙ

Из всей акбулакской инженерной братии Григорий Николаевич Астахов был единственным кандидатом технических наук. Он был умен; некрасив, но обаятелен. И еще голос. У него был изумительного тембра глубокий грудной бас.

Я прониклась к нему теплым чувством после истории с «живыми камнями». Он

единственный, кто поверил в рассказанное мной, не забывая о неисчерпаемых возможностях природы, относился к ней с великим почтением. Скептик Вадим Скворцов утверждал, будто Григорий Николаевич тщательно скрывает свои поэтические наклонности и именно поэтому относится с сочувствием ко всякого рода лирике, свойственной также присутствующим здесь литераторам. При этом он с ехидной улыбкой скашивал на меня глаз.

У Гриши не было дачи. Он в ней не нуждался. От родителей ему достался в наследство дом и сад при доме. В саду росло все, что можно вырастить в нашем благодатном климате, даже березка в конце двора и елочка у входа на веранду, а еще Григорий Николаевич построил теплицу и выращивал лимоны. Он очень гордился своими достижениями.

Но неизменной его любовью оставались тюльпаны. За хорошую луковицу Гриша готов был отдать полжизни. И вот запала ему в голову навязчивая идея – развести у себя в саду горные тюльпаны. Он даже знал их научные названия – тюльпан Кауфмана с ярко-желтыми концами красных в середине лепестков, тюльпан Грейга – яркий с заостренными и слегка свернутыми лепестками.

Помнятся далекие семидесятые. Раннее утро. Нас четверо – Гриша, Кирилл, я и наша маленькая тогда дочка Наташа. Она увязалась с нами в поход за луковицами тюльпанов в березовую рощу. Обнимала меня за шею, поднимала голос до писка, говоря, что ей ничего не стоит протопать девять километров.

– Вы же сами говорили, что дорога хорошая.

Дорога хороша, ничего не скажешь, ходить по ней пешком куда приятней, чем ехать в машине, и она не заканчивается возле Большой поляны, тянется дальше до кордона Саидберды за Березовой рощей и только там пропадает, превращается в горную тропу.

Мы ушли из шумного лагеря, мы свободны и счастливы. Дышится легко, утреннее солнце не томит жаром, в ушенье тенисто и немного сыро.

Обзора нет, идем в замкнутом, сумрачном мире, со всех сторон нас окружают деревья и неприступные скалы. Они уходят ввысь, и кто знает, что делается за пределами их вершин. Справа шумит река, но Акбулак здесь не такой буйный, он еще не вобрал в себя Тереклисай.

Приходим к роднику и останавливаемся напиться. Родничок невелик, но глубок и прозрачен, ясно видно его мозаичное дно, устланное мелкой галькой. Над гладью воды висит в только что сплетенной свежей паутине маленький паучок. Мы стараемся не нарушить его покоя, но он все равно удирает и терпеливо ждет на краю сетки, чтобы мы утолили жажду и убрались из его мирка.

А мирок, и правда, хорош! Все камни возле родника, большие и малые, поросли свежим и мягким мхом.

Мочажина от родника до скалы, куда изливается вода, сплошь поросла густым нежного светло-зеленого цвета ковром. Это хвош. Жесткая, насыщенная солями первозданная трава. Если провести по коврику рукой, раздастся странный, ни на что не похожий шорох. Выбравшись из-под хвоша, вода выбегает ручьем на дорогу и стекает потом в Акбулак.

Воздав должное роднику, идем дальше. Мимо Бухты святой Алисы к странному заповедному месту. Между двумя скалами, когда-то давно упавшими с высоты в реку, образовалась ловушка – тихая гавань, причал для плывущих по воде обточенных обломков дерева. Они накапливаются здесь и плавают на поверхности плотным слоем, постукивая один об другой. Мы часто приходим сюда запасаться топливом да искать всякие фигурки, чудно изогнутые корешки или просто материал для резьбы по мягкой арчовой коре. У нас этим некоторые увлекаются.

Но сегодня никто даже не заглядывает вниз, в затон, мы идем дальше. Дорога

вьется вдоль берега, мимо ежевичных зарослей, мимо старых орешин и тополей. Вот еще одна большая купальня, глубокая яма под темной скалой. Здесь можно плавать, но вода в этом месте особенно холодна, не до плавания. Войдешь по пояс, заставишь себя окунуться, и с визгом вылетаешь на берег, на теплый крупный песок.

Наша маленькая девочка утомилась, не щебечет, не бежит впереди всех вприпрыжку. Находим в тени уютное место и садимся отдыхать.

Отдохнув, идем дальше. Теперь дочка едет на плечах у папы. С высоты ей больше видно, и она вертит головой во все стороны.

Но вот и роша. Здесь простор, ушелье осталось далеко позади. Куда хватает взгляда – березы, березы, белые стволы, за ними округлые и однообразные вершины не очень высоких гор. Но это лишь кажется, что они невысоки, на самом деле там уже начинаются альпийские луга.

Папа опускает дочь на землю, и она бежит по сочной зеленой траве к цветам, начинает рвать пижму, чудное растение с золотыми монетками соцветий.

А мы идем смотреть местную достопримечательность.

Когда-то давным-давно сильный обвал уронил на молодую березку тяжелый, с острыми краями, обломок скалы. Трудно пришлось бедному дереву. Но оно не погибло. Годами выползло из-под камня, выкручивалось, раздваивало ствол. Наконец, глыба оказалась в развилке. Береза поднатужилась и оторвала ее от земли. На это усилие у нее ушла масса времени, но она росла все выше, выше и поднимала невероятную тяжесть. Так он и остался, обломок, вросшим в ствол на высоте человеческого роста. А береза... ей хоть бы что, распушила над ним крону и шелестит листвою.

Потом Гриша сказал:

– Вы тут пока погуляйте, а я поднимусь на склон, поищу луковицы.

Пока у него ничего не получалось: тюльпаны по весне отцвели, их листья высохли и либо рассыпались прахом, либо стали неприметными среди всевозможной поросли.

Мы погуляли под березами, потом улеглись на траве в тени и стали ждать Гришу. Вскоре он спустился с горки, сел возле нас. Мы тихо разговаривали и смотрели, как маленькая девочка в белом коротком платьице рвет цветы на солнечной стороне поляны. Наконец, она удовлетворилась и прибежала к нам.

– Вот, – протянула букет, – цветочки. Я нарвала.

– А как они называются, знаешь? – спросил Гриша.

– Конечно знаю, – смело ответила Наташа.

– Это мы сейчас проверим, давай сюда свой букет.

Он разложил на траве цветы и стал спрашивать:

– Этот?

– Душица.

– А этот?

– Пижма.

– Нет, Наташенька, это не пижма. Пижма у тебя – вот, видишь, соцветие, как отдельные монетки, а это просто кашка. А вот этот цветок ты точно не знаешь – это козлородник.

– Козлородник! – рассыпала звонкий смех наша девочка. – Разве у него козлиная борода, он же сиреневый и похож на ромашку, только лепестки длинные!

– Ничего не поделаешь, он так называется. А это что?

– Желтый мак.

– Какой же это мак! С колючками! Это хультемия. Только ты зря ее сорвала, она скоро завянет, до дому не донесешь. И вот эти красные ягодки не надо было трогать. Они хоть и красиво облепили стебель, но ядовитые. Не вздумай их кушать.

– А как они называются?

– Аронник.

Я поднялась на локте.

– Слушай, Гриша, откуда ты все это знаешь?

– Вот спроси – не скажу. Где-то когда-то вычитал.

Мы ушли из березовой роши, когда солнце ушло за горы. До вечера было далеко, просто в горах солнце уходит рано. И тогда в мире наступает удивительная тишина. Даже не наступает – воцаряется. Нет, река продолжает шуметь, звенит в травах всякая насекомая мелочь, слышится хруст камешков под нашими ногами, а то с шумом выпорхнет из расщелины и полетит по своим делам каменный дрозд. Но все эти звуки есть не что иное, как составляющая величественной тишины. Она нисходит на наши души, и мы перестаем болтать, бормотать стихи, делиться впечатлениями.

Солнца нет, но день будет длиться еще долго. И, благодарные за этот день, за сияющие белизной стволы берез на фоне шелковой изумрудной травы, за кремнистую дорогу, ведущую теперь под горку, вниз, за ледяную воду из тихого родника, за горсть сизой, еще не вполне вызревшей ежевики, сорванной на ходу, за долго кружившего на уровне самой высокой горы орла, мы придем домой, в наш полотняный городок. Лишь поздно вечером, когда небо озарится несметным количеством всегда неожиданно ярких звезд, мы, полюбовавшись ими, наконец уgomонимся и ляжем спать в надежде на следующий день, такой же прекрасный и неповторимый.

Такой день вскоре настал. Неугомонный Григорий Николаевич повел нас, правда, без Наташи, на Тереклисай все за теми же луковицами тюльпанов.

Терекли тоже не тихая заводь, вброд просто так и его не перейти, а на берег его мы попадали по перекинутому через Акбулак, несколько шагов не доходя до слияния, мостику.

В те далекие времена вплоть до заброшенной шахты вела прямая дорога. Позже, во время наводнения, от Большого шлема откололась скала, но не упала, а осела вдоль материка и перекрыла путь. Чтобы уйти в ущелье, теперь приходилось огибать скалу по воде, по специально наваленным камням. Неухоженная дорога стала разрушаться, превратилась в тропу, потом и тропа заросла непроходимым камышом и мятой. Я никогда прежде не видела, чтобы стебли мяты выгоняли в рост человека. Но до этого времени было еще далеко. А пока мы шли себе и шли вдоль горы, спокойно оглядывая противоположный склон. На всякий случай. Вдруг нам повезет, и мы увидим стадо козлов. Горы...

Стоп! Я все время повторяю одни и те же слова: «Скала, гора, река, тополь, арча, откос, вершина, склон». Потом начинаю вдаваться в подробности: «На склоне трепешет под ветром душица, тихо произрастает чабрец и прочая пахучая травка, а кое-где мелькают головки желтого бессмертника (если собирать, заваривать кипятком и пить настоем – оздоравливает печень)». И так далее, и тому подобное... Я никак не могу остановиться.

А может, и не надо останавливаться? Может, я для того и погрузилась в воспоминания, чтобы увидеть заново все былое, навсегда ушедшие светлые дни. Эх, была не была, продолжим.

Конечно, все перечисленные выше приметы имеются и на Терекли в полном наборе, только горы (опять!) повыше. Даже намного выше, чем в ущелье Акбулака, они здесь «круче и уходят под самые тучи», хотя в тот день никаких туч не было. Величественно сияло солнце, на небе не замечалось ни облачка, оно было близко – синее, просторное, его хрустальной тверди можно было бы коснуться рукой, если взобраться на самую высокую гору. И тогда от этого прикосновения раздался бы тихий, очень ясный и долгий аккорд небесной музыки. Он прокатился бы по горам, и горы отозвались бы эхом.

А? Не так? Не бывает? Да и самая высокая гора здесь совершенно неприступна – отвесная, монолитная, похожая на бетон стена с острыми зубцами на продолговатой вершине.

Дорога кончилась, превратилась в узкую тропу. Мы обернулись в последний раз на заброшенную штольню: полуразрушенный остов домика, неизвестно для какой надобности построенного здесь; заржавленные и совершенно неуместные в горах останки неведомых механизмов. Тропа провела нас мимо непроходимых зарослей неправдоподобно высокого камыша и вывела к водопаду «Слезки». О, он был великолепен! По широкой скале, щедро поросшей первозданным, чистейшим ярко-зеленым мхом, куда ни глянь, струилась, бежала, стекала сияющая на солнце капель. Казалось, воздух дрожит от веселой, слаженной музыки. Я коснулась рукой замшелой поверхности, пушистый мох оказался пропитанным водой, как губка. Но мне не дали времени на восторги, повели дальше и привели к переправе. Мы прошли по стволу упавшего дерева и благополучно ступили на другой берег Тереклисыя.

Теперь тропа шла в гору, вела выше, выше, сквозь редкий арчовник, на встречу с глиняной осыпью. Веселенькое было место! Перед нами лежала на вогнутом склоне излучина узкой дорожки, шириной буквально в полноги, да еще с легким наклоном к реке. Глянешь вверх – там стена высохшего до звона, безжизненного грунта, глянешь вниз – та же картина. Далеко на дне обрыва гремит на порогах Тереклисай, а по откосу так и летят, так и осыпаются мелкие, как горох, камешки.

Мы благополучно миновали чертову ловушку и отправились дальше, перебрались на открытое место по ступенькам скал, отвесно спадавшим к реке и, наконец, Григорий Николаевич привел нас на небольшое плато, поросшее шалфеем и пижмой. Мы стояли высоко над ущельем. Хребты раздвинулись, открылась даль. Перед нами лежала зачарованная горная лесная страна, молчаливая и безлюдная. Впрочем, присутствие человека вскоре обнаружилось в виде небольшой таблички, прибитой к невысокому столбу: «Чаткальский горно-лесной государственный заповедник. На территории заповедника посторонним находиться запрещено».

Но мы нарушили запрет и стали спускаться к реке. Мне было неловко. Как же так, посторонним находиться запрещено, а мы идем себе и идем, как будто не нам сказано. Я не боялась, что вот сейчас явится, откуда ни возьмись, какой-нибудь инспектор, начнется выяснение отношений, поднимется скандал, нет, здесь, кроме нас не было ни единой живой души на многие километры, но именно поэтому странное неудобство поселилось в сознании, и я никак не могла избавиться от неприятного чувства. Меня успокоили. Сказали, что мы далеко не пойдем, лишь спустимся к реке, снова переправимся на другой берег и там устроим пикник.

– Вы пока ищите брод, он здесь где-то должен быть, а я похожу немного, пошарю, – сказал Гриша и ловко поднялся к какому-то многообещающему месту.

Мы с Кириллом спустились к воде и стали искать брод. Прошли вверх по течению, вернулись и прошли немного вниз – никаких признаков брода не нашли и решили переправляться через порог, показавшийся нам наиболее безопасным. Вода кипела и клокотала среди камней, но нас подкупила их величина. В случае чего, за торчавшие поверх бурунов глыбы можно было хвататься.

Разделись, сунули вещи в рюкзаки, что были у нас, и вошли в воду, в первую яму между двумя камнями, где со дна поднимались многочисленные пузырьки воздуха, делая его невидимым.

– Ты стой на месте, – приказал Кирилл, а я перейду за этот камень.

По коленям била сердитая струя, грозя свалить и утащить неведомо куда. Меня мотало из стороны в сторону, но я держалась и, не переставая, осторожно ошупывала ногой дно. Другая нога, я это чувствовала, застряла меж двух камней. Хорошо, мы догадались и не сняли обувь.

– Давай руку! – крикнул муж.

Из-за шума воды приходилось кричать. За протянутую руку я ухватилась, но с места не сдвинулась.

– Подожди, не тяни! – завопила я. – Я, кажется, застряла!

Хотела нагнуться и сдвинуть с места не пускавший меня камень. Слава богу, этого делать не пришлось, нога неожиданно высвободилась сама. Крепко держась за протянутую руку, я перебралась к Кириллу и оказалась в воде по пояс. Низ рюкзака намок, я сразу почувствовала его тяжесть и стала немедленно соображать, где находятся наши припасы – у него или у меня. Если у меня, то накрылся тогда наш обед.

– Кирилл, – закричала я, – у кого еда, у тебя или у меня?!

Но он не услышал и шагнул вперед. Хорошо ему, длинному, он-то рюкзак не замочил. Но местонахождение сухого пайка продолжало беспокоить. А вода тем временем хлестала в бок с какой-то необъяснимой яростью, ведь я ничего плохого ей не сделала, а другой берег был еще далеко, до него еще надо было добраться.

Но мы добрались, хоть это и стоило нам невероятных усилий. Вышли на сушу, скинули рюкзаки (еда все-таки была у него), огляделись по сторонам, и я гордо сказала:

– Мы с тобой герои!

– Не герои, полные идиоты. Смотри!

Я глянула в указанном направлении и увидела за невысокой скалой широко разлившийся «по камешкам, по желтому песочку» Тереклисай и бредущего по шиколотку в тихой, пронизанной солнцем, ласковой, как котенок, воде Григория Николаевича.

Но даже это не испортило настроения. Солнце стояло в зените, на соседней арче важно шевелились мохнатые лапы, проглядывали сквозь их зелень голубые шишечки, на высохший тополь снова и снова прилетал дятел, часто-часто стучал клювом, выбивал долгую дробь. Мы наелись, Кирилл и Гриша разлеглись на теплом песке.

Я сидела, опершись спиной о теплый камень, и просто смотрела на высокий противоположный берег. Смотрела, смотрела... Внезапно меня не стало.

Нет, я должна попытаться рассказать, что же со мной произошло, хотя понимаю, как это будет трудно. Меня не было. Не было мысли, ощущения собственного тела, понимания, кто я и откуда сюда пришла; не было ни прошлого, ни настоящего, ни будущего, будто я никогда не рождалась на свет. Казалось, то, что было когда-то мной, растеклось, расплескалось во вселенной, но продолжает «видеть», не отдавая себе отчета, как именно оно видит колдовскую вершину далекой горы, монолитной и неприступной, с рваными скалами на вершине. Это не было сном, и это было прекрасно! Может быть, что-то подобное произойдет с нами после смерти? О, если бы так!

Не могу сказать, как долго длилось это состояние. Миг, несколько секунд, минуточку...

– Да вот же они! – прозвучал Гришин голос.

Я очнулась. Он уже не лежал на песке, а стоял поодаль и разглядывал какие-то высокие, сухие стебли.

– Какой же я болван, я искал на земле, а цветонос вымахал вон куда. И вот вам, пожалуйста, семена тюльпанов.

Докопаться до луковиц не было никакой возможности, земля затвердела в камень. Все кончилось сломанным ножом. Тогда мы поднялись и стали собирать семена, маленькие черные зернышки. А про случившееся со мной я никому ничего не сказала.

Года через два, весной, Гриша пригласил нас в гости. Мы сидели за столом во дворе под орешинной, угощались чем бог послал в тот день симпатичному семейству Астаховых, а после обеда нас повели смотреть тюльпаны.

Они стояли алой стенкой, плотно прижимаясь изящными бокалами один к другому, лепестки их были заострены и чуть завернуты внутрь.

– Гриша, – ахнула я, – неужели?

– Те самые, с Терекли, – гордо ответил он. – В первый раз цветут, – и, довольный, смотрел на нас и радовался, как ребенок, своему успеху.

ПОКОРИТЕЛИ ГОРНОЙ ВЕРШИНЫ

Подняться на высокую-высокую гору и все-все увидеть сверху мы мечтали с первого приезда. Но никаких восхождений не получалось. Мужчины попытались было взобраться на противоположный от лагеря склон, но, как и следовало ожидать, вскоре уткнулись в неприступные скалы и вернулись ни с чем. Главное, лесники были против наших попыток штурмовать вершины. Мы часто приставали к Алику и Хасану Терентьевичу, чтобы они показали тропу наверх, но они либо отмалчивались, либо дурили нам головы, говоря, что никаких таких доступных троп в окрестностях Акбулака нет.

– Чего вам нейдет? – сердился Алик, – приехали отдыхать – отдыхайте себе. Вот дорога, по ней и ходите, и не лезьте, куда не следует. Вы альпинисты? Нет. Вы даже не туристы...

– А кто мы? – спрашивала я.

– Да кто ж вас знает. Спиногрызы, вот вы кто.

– Э, нет, спиногрызами ты называешь детей.

– Так в горах вы и есть дети. И в одиночку, смотрите, никогда не ходите. У меня эти одиночки вот где сидят, – и хлопал себя по загривку. Стоило ему узнать, что по дороге прошел одинокий турист, сразу начинался допрос: «Вы с ним говорили? Кто такой? Куда пошел?» «Спрашивал, сколько дней идти до Янгиабада» «Дал бы я ему Янгиабад! Ни черта не знают, а лезут!».

Путь на Абдак все же со временем обнаружился.

Первым поднялся на вершину Вадим Борода, на следующий год по их следам полезли Кирилл, Никита и я.

Со слов Алика мы знали высоту облюбованной «доступной» горы – две тысячи восемьсот метров над уровнем моря. Если считать от Большой поляны, предстояло подняться всего на один километр. О чем говорить! Вперед!

С вечера собравшиеся на небе легкие тучки обещали пасмурную погоду. То, что надо. Лезть на гору под палящим солнцем – такой поход никого не обрадует. Проснулись на рассвете, первое – сразу же глянули вверх и увидели сплошь затянутое облаками небо. Возликовали, плотно позавтракали, оставили Наташу досыпать в палатке и тронулись в путь налегке, собрав в небольшой рюкзачок литровую банку, фляжку с водой и несколько бутербродов.

Узкий, заросший ежевикой и неприметный с дороги, похожий на желоб проход на гору находился всего в полусотне метров от слияния. Мы быстро его нашли по особой примете – вытянутой, как указательный палец, высохшей ветке орешины, свернули с дороги и сделали первые шаги вверх вдоль скального гребешка.

И тут увидели свисающие с камней грозди спелой, необыкновенно крупной ежевики. Каждая ягодка была покрыта сизым налетом, висела неподвижно на стебельке, отяжеленная кисло-сладким соком. Никита с мамой набросились на ежевику, а папа стал ворчать и говорить, что он зря с нами связался, что так мы никогда не доберемся до вершины и что собрать хоть всю ежевику на Акбулаке нам ничто не помешает на обратном пути. С трудом оторвались от пиршества и полезли дальше. Подъем был непрерывный, крутой, но несложный, карабкайся себе и карабкайся, опираясь на камни в самых трудных местах.

Миновали желоб, вышли из теснины, подошли к краю неширокой осыпи, огляделись и чуть не застонали от разочарования: небо совершенно очистилось от вожделенных облаков, из глубины бездонной синевы лился на нас ликующий солнечный свет. Я тут же захотела пить. Но мне не дали и глоточка, велели собраться с духом и идти дальше. Что оставалось делать! Пришлось подчиниться мужчинам и ступить на край осыпи.

Подниматься по осыпи в какой-то степени даже удобно, идешь, как по лестнице, стараясь выбирать самые крупные, прочно закрепившиеся среди щебенки камни. Я

прокляла все на свете на этой осыпи; время от времени в надежде поднимала голову, но не видела ей конца. А солнце, как назло, поднялось высоко, засияло в полную силу, и негде было укрыться от его всевидящего огненного ока.

Не все камни стояли прочно, некоторые выворачивались из-под ног и катились вниз, грозя увлечь меня вместе с собой. А сын, вместо того, чтобы помочь старой несчастной матери, время от времени оборачивался и покрикивал:

– Мама, что ты там копаешься, давай скорей!

– А вы не летите как угорелые! – задыхаясь, кричала я. – И вообще, остановитесь, я хочу пить.

– Кончится осыпь, получишь, – безжалостно отвечал муж.

– Да она никогда не кончится! Связалась я с вами.

– Сама хотела.

Так, переругиваясь, мы одолели проклятую осыпь. Дальше пошла трава, да не просто трава, а настоящий горный луг, где дремучая растительность вымахала человеку по пояс. Одно радовало – это была уже середина горы. Мы сели, достали банку с водой и, не думая долго, выпили ее на троих до доньшка. А когда выпили, спохватились, стали рыться в рюкзаке в поисках фляжки, но фляжки не оказалось. Кто ее забыл, почему забыл, не стоило выяснять. Мы остались без капли воды под палящим солнцем. Впереди маячила арча, а под ней благодатная тень, но до нее еще надо было добратся.

Посовещались, повздыхали о позабытой фляжке и вошли в шелестящие под ветром заросли. Идти стало легче, несмотря на крутизну здесь было за что зацепиться, захватив руками пучки травы. Было душно, пот лил градом, сердце колотилось как сумасшедшее, где-то возле горла; пить хотелось до помрачения, подъем, казалось, никогда не кончится, а еще за шиворот стали набиваться ости колосков, колоть и шекотать спину.

Всему на свете бывает конец. Через час, а может быть, через вечность, обессиленные, мы свалились на землю в тени высокой и пышной арчи. Стало прохладней. Какая-то птичка, серая с прозеленью на спинке, села на самую низкую ветку, стала внимательно разглядывать людей. Вертелась на месте, тихо и как-то вопросительно попискивала, смотрела то одним, то другим глазком, наклонив головку, и несколько не боялась, хотя при желании ее можно было схватить рукой. Потом все же улетела, ныряя в чистом, еще не прогретом на высоте воздухе.

Теперь мы могли оглядеться, хоть не достигли вершины. До нее, до лысого глинистого бугра, оставалось каких-то десять метров, но силы мои иссякли. Я сказала, что не сойду с места, что останусь здесь навсегда, и пусть меня похоронят, засыпав розами и ветвями дуба.

Мужчины засмеялись, сказали, что в связи с отсутствием дуба и роз похороны отменяются, позволили отдохнуть, а сами полезли дальше.

Я стала смотреть в пустоту между мной и противоположной грядой неожиданно выросших, словно явившихся из небытия вершин, вставших вровень с нашей горой. Воздух был слегка разряжен. Соседние высоты находились так близко, что, казалось, если хорошо разбежаться, то пропасть при желании можно и перепрыгнуть. Желания не возникло, да и места для разбега не было.

В какой-то момент закружилась голова, все поехало в одну сторону, но вскоре это прошло, и на душе воцарилась спокойная радость. Мир кругом был цветной и разнообразный. Зелень лесов на горах, синева, именно синева, а не голубизна, по-прежнему недотягаемого неба (хоть мы и взобрались высоко, так высоко, как это только было возможно) сочеталась с охрой скал, чернотой языков осыпей, выбегающих из глубоких расселин, и белизной мальв, насквозь просвеченных мирным и ласковым солнцем. Их длинные стебли с прилепленными к ним крупными чашечками цветов виднелись вблизи и вдали, стояли смиренно, как свечи, в полном безветрии и тишине.

Меня окликнули сверху:

– Мама, иди к нам!

– Не могу! – взмолилась я. – Оставьте меня в покое, мне и здесь хорошо.

Но они продолжали настаивать: я должна, я просто обязана подняться, иначе буду потом жалеть всю жизнь. Кирилл поставил точку в споре:

– Ради этого мы сюда шли. Вставай!

Пришлось подняться и попытаться влезть на бугор. Как только я оказалась в пределах досягаемости, сверху протянулись руки, и меня втащили, втянули, взгромоздили на узкую площадку вершины, где места только всего и было для нас троих, и Никита сказал:

– Теперь смотри!

Из разговоров с Вадимом мы знали, что с вершины горы Абдак видно три реки. Я глянула и увидела внизу тонкие белые от пены ниточки Акбулака, Тереклисы и Саргардона. Из дальних далей, местами пропадая среди кудрявых лесов, с недоступных снежных хребтов, с трех разных сторон – с востока, с юга и севера – они стремились сойтись в одной точке, чтобы бежать дальше к Чаткалу, смешав свои воды воедино.

Мы стояли на макушке высокой горы, одинокие и счастливые, и мир лежал у наших ног, и вся жизнь была еще впереди, с радостями и печалью, и этой переживаемой сейчас минутой, когда ты вправе считать себя покорителем горной вершины. Мы даже забыли о маленьком горьком разочаровании сына. Он выскочил наверх и уже хотел объявить себя первооткрывателем, но увидел под ногами заржавленную консервную банку, прикусил язык и с жалобным видом, молча, показал на нее поднышающему следом отцу. Потом в сердцах пнул ее, и банка долго катилась вниз по северному голому склону, звеня и подпрыгивая, пока не скрылась из виду.

Насмотревшись, насытив глаза красотой, мы вернулись в тень под арчу. Съели подсохшие бутерброды, отчего еще сильнее захотелось пить, и отправились домой. Вершина покорена, больше на ней делать нечего.

А спускаться-то тяжелей, чем подниматься! Никита, чертенок, тот спускался бегом. Вот он достиг осыпи, стал прыгать по камням, как горный козел, а у меня сердце обрывалось при каждом его прыжке. Так он и слетел с горы, и пропал с глаз.

– Хоть бы нам банку оставил, – рассердилась я, – мы бы внизу набрали воды.

Брошенные сыном, умирающие от жажды, мы спускались, поддерживая друг друга, потом вошли в узкий желобок между скалами, где утром останавливались и рвали спелую ежевику.

Теперь никто на нее даже не глянул. Бог с ней, с ежевикой, когда-нибудь, в другой раз придем сюда и наедемся вдоволь. Хотелось одного – очутиться скорей на дороге и упиться холодной, прозрачной, сладкой, (господи, какая она еще бывает!), чудесной водой из реки. Да вот беда, Никита уташил рюкзак, а вместе с ним банку. А берег здесь обрывистый, к реке не спуститься. Придется брести в лагерь и только там утолять жажду, отмачивать спекшиеся губы.

Наконец, спуск завершился, мы вышли на дорогу. Внезапно ноги задрожали, колени подогнулись, я чуть не упала на ровном месте. Муж подхватил меня и сказал:

– Смотри!

В колее, в тщательно расчищенном от щебня углублении, стояла наша банка, наполненная озаренной последним лучом заходящего солнца чудесной акбулакской водой.

До сих пор стыдно, что мы тогда так плохо подумали о своем сыне.

Наступил вечер. Сразу после ужина решили пораньше лечь спать. Едва я успела расстелить постель, Никита завалился в угол палатки и уснул как убитый. Папа стал рассказывать Наташе продолжение сказки про таракана Стасика и его друга таракана Васика, в чем там было дело, я уже не помню, но сказка была очень смешная, звонкий Наташкин смех разносился по всему лагерю. Потом и она уснула. А мне с устатку не спалось, да и Кирилл ворочался рядом, искал удобное место на тошем, со

сбившейся ватой матрасе.

Вдруг полог палатки откинулся, внутрь просунулась чья-то голова, меня потянули за ногу.

– Вставайте, – прозвучал шепот Вадима, – нас ждут на плов.

– Кто ждет? Какой плов? – заныла я. – Мы устали, спать хотим, ночь на дворе.

– Какая ночь? Половина десятого. Вставайте, соседи ждут.

Пришлось подниматься, искать в темноте шмотки, одеваться на ошупь. А когда выяснилось, что в довершение всех благ предстоит переправляться по мостику и идти к Большому шлему в чужой лагерь, я и вовсе упала духом. Но оказалось, что ноги, как ни странно, уже почти не болят, и переправа, освещенная сильным фонарем, закончилась благополучно. Целой гурьбой мы перебрались на другой берег и направились на отблески небольшого костра.

Нашими соседями оказались толстые добродушные дядьки. Их было четверо. Лет всем было явно за пятьдесят, все как на подбор бывшие альпинисты, а на Тереклисай пришли отдыхать, не ходить ни в какие походы и, тем более, не лазать по горам, а сидеть на месте и резаться в преферанс.

Они излагали свою жизненную установку, успевая накладывать прекрасно приготовленный плов, наливать в стаканы, пиалы и кружки (у кого что нашлось) водку, раскладывать на расстеленном покрывале хлеб, словом, делать все, что положено в таких случаях. Дядьки оказались веселые и разговорчивые. В какой-то момент вечера одному из них я доверительно шепнула:

– А мы сегодня поднялись на Абдак!

Он внимательно посмотрел на меня, поправил, ткнув пальцем, дужку очков на переносице и крадчиво спросил:

– А зачем?

Я даже растерялась. Ждала одобрения, вопросов, холодной элементарной вежливости, а тут на тебе!

– Вы же альпинисты, – возмутилась я, – а задаете такой вопрос. Вы когда-нибудь поднимались на вершины?

– Поднимались. Во дни далекой юности, и не на Абдак, смею вас уверить. Для нормального альпиниста он не представляет никакого интереса. Но вы-то не альпинисты, вот я и спрашиваю: зачем? Чтобы свернуть себе шею, переломать на осыпи ноги? Вы этого добивались?

Мне стало скучно. Думала, выдвинет какую-нибудь философию, а у него на уме элементарная техника безопасности. Не стала спорить, включилась в общий разговор, но на душе осталась небольшая царапина. Так бывает, если нечаянным движением стряхнуть с руки ползушего по ней пойманного светлячка, он упадет в траву, затеряется среди палой листвы и погаснет.

Впрочем, это чувство потом прошло. Остался в памяти день «великого» восхождения, увиденные дали и гордость покорителя. А спрашивать себя: зачем?.. Да зачем. Мы там были и точка.

Продолжение следует...

философия искусства

КОГДА БЕЗМОЛВСТВУЮТ ПРОРОКИ...

Эссе

Этюд первый

ИСПОВЕДЬ МЕДАТА КАГАРОВА

*В спорах нет ни высших, ни низших,
ни званий, ни имен: важна одна лишь
Истина, перед которой равны все.*

Ромэн РОЛЛАН

Художник Медат Кагаров, как создатель новой, уже истинно национальной живописи, пожалуй, одна из самых ярких фигур на художественном Олимпе Узбекистана. Он, как когда-то Пророки, творит своё понимание Истины. Но, кто и когда сразу понимал Пророков?

...Мы, жители современных городов-мегаполисов, мало знаем матушку-природу, которая нас родила и бережно выпестовала, наперекор алчному человеческому стремлению уничтожить всё вокруг, включая самих людей. Большинство наших детей не видело неба – звёздного Неба! Прожить жизнь и не увидеть Неба, заполненного бесконечными мирами и, несомненно, с такими же прекрасными и чарующими планетами, как наша Земля. Слава Богу, что сквозь нескончаемые сполохи рекламной феерии и удушливого смога, мы изредка можем разглядеть хотя бы Луну!

Так что же ищет человек в этом подлунном мире? Ради чего он проживает свои, наполненные изнурительным и не всегда благодарным трудом, дни?

Будущий художник по имени Медат родился в семье хлебопёка из уйгуров-таранчей¹, живших в Алма-Ате. Мир в это время безостановочно летел в пропасть Второй мировой войны.

Люди чувствовали, что «передовая боевых действий» проходила не только под Ленинградом, Москвой или Курском, но и по маленьким домишкам Алма-Аты и Ташкента.

Позднее, воспоминания и эмоции этого времени Медат Кагаров воплотил в серии графических работ «1941 год», «За Советскую Родину», где в силуэтной манере в фигурах-

**Владимир
КАРАСЕВ**

Родился в 1949 г. в Ташкенте. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета, исторический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Искусствовед, историк, автор многочисленных статей о современной живописи.

¹ К началу двадцатого столетия на территории Российской империи проживало свыше 2,5 миллионов уйгур. Они разделялись на таранчей и кашгарцев по профессиональному и территориальному признакам. Таранчи – маньчжурское слово, означающее «землепашец». Кашгарец – житель Кашгарии.

символах попытался выхватить из памяти отголоски сурового детства. Потом уже этот период истории стал заполняться аллегориями осмысленных образов, и родились темы «Песни военных лет», «Военные песни В. Высоцкого», «Боевые спутники мои», «Армейская баллада». Нет и намёка на морализацию, поучительство. Зритель сам знает, что боль и драматизм жизни всё равно окрасится красками радости и мудро-го спокойствия. Всё, что должно свершиться, будет исполнено. Но это случится потом.

А пока только мальчишеское сознание, свободное от условностей, могло подтолкнуть его к поездке в Ленинград. После Алма-Аты невская столица была поистине Иерусалимом вдохновения и искусств. Однако в Академии его не ждали, на приём безнадежно опоздал, и притом не было у него разрешения-квоты на гениальность от республиканских аксакалов. Путь домой лежал через Москву, и просто первым на пути домой оказалось Высшее художественно-промышленное училище (бывшее Строгановское). Но именно там Медата Кагарова, как оказалось, ждали.

Спустя более полувека, художник с трогательной теплотой вспоминал своих учителей – педагога по композиции Н. В. Мельникову и художника графика М. М. Верхаланцева, которые и определили будущность Кагарова. Неординарный подход к графическим композициям, где проявлялись художественные школы Китая, Японии, Индии и, конечно, средневековой Европы. Русское художественное наследие стало естественной базой творчества Медата. Однако открытие самого себя состоится значительно позже, а пока «...Восток пленит усладой томной, влечёт дорогами любви...»

Медат Кагаров после обучения в Москве оказывается в Ташкенте, где вначале с жаром передаёт студентам и учащимся своё открытие и понимание графического театра жизни. Сам с упоением ищет на пространствах листа новое видение композиции, неординарные идеи и способы их воплощения. Но через десяток лет он приходит к пониманию того, что романтическое восприятие современной жизни – это только вершина айсберга в художественном бытописании. Высокое техническое совершенство – это только инструменты к воплощению событий, в которых происходит трансформация героя, окружающего его пространства, интуитивная оценка происходящего.

Неприемлемость навязываемых новых эстетических представлений и художественных ценностей требуют от него поиска иных решений в передаче образов. Мир вокруг подсказывает художнику, что главными и решающими являются вечные морально-философские проблемы, а художнику дается возможность активно формировать духовный мир человека, подсказывать пути решения этих проблем.

Медат Кагаров много творческого времени посвятил работе над экслибрисами. Это одна из самых сложных разновидностей графического искусства. Используя ювелирные технические приёмы средневековой европейской гравюры, Кагаров создает, несомненно, виртуозный, зримый композиционный строй. Все его экслибрисы воспринимаются как полноценные, глубоко философские концепции, раскрывающие мир интересов и интеллектуальные горизонты обладателей именных знаков. Попробуйте проникнуть во внутренний мир любого человека (естественно, не Элочки Шукиной!), и вы окупаетесь в особую вселенную, а потом попробуйте изобразить ее на пространстве чуть более почтовой марки.

Художник Кагаров в своих исканиях графической выразительности использовал язык аллегорий и скрытых символов. Графический лист становится у него поэтическим текстом. Внутренняя поэтика изображений основывается на совмещении предметного и символического мира. Естественно, что такое поэтизированное искусство прекрасно иллюстрирует стихи и художественные тексты.

Поэзия казахского мыслителя Олжаса Сулейменова вдохновила Медата на создание целого цикла графических листов. Подспудная идея воплотить в символе глубокую философию поэта стала отправной точкой к работам художника. Затем

были иллюстрации к произведениям Чингиза Айтматова, Алишера Навои («Семь планет»). Особую серию составили иллюстрации к сборнику «Уйгурские песни» и «Из уйгурской поэзии (Билал Назым)». Однако никогда Кагаров не стремился к простой иллюстрации текста – отработке произнесённого, сказанного. В своих работах он раскрывал внутренний, подсознательный мир авторов, вводя читателя-зрителя в необыкновенный образный мир. Графические листы к произведениям Сабита Муканова – жесткие, чёткие, предельно лаконичные. Этот лаконизм отражает своеобразную лиричность, наполненную гармоничной и явно звучащей музыкой. По справедливому замечанию Бориса Пастернака, музыкальность слова заключена не в его звучности, а в соотношении между его звучанием и значением. Как и выразительность рисунков художника рождается из сочетания декоративной виртуозности и образной насыщенности линий. Утончённое виденье главного и эпическое обобщение – вот две эмоциональные грани Медата Кагарова, при этом обязательное следование содержанию выразительного слова или текста.

Своеобразным мистицизмом наполнены листы к книге «Мосты доверия» Народного поэта Узбекистана Абдуллы Арипова. И думается мне, что поэзия при этом только обогатилась визуальным миром, рожденным строками. Иллюстрации к произведениям Арипова стали блестящей метафорой души самого художника, равных им в иллюстративной практике Узбекистана ещё не создавалось.

Только осознавая себя частью подлунного, человек пишет автобиографию, определяя своё место в этом, Богом данном, мире. Попыткой такого осознания и стали серии литографий художника, именуемые «Автобиография». Художником уже «озвучены» три крупные серии этой темы.

У Медата Кагарова пространственное построение сюжета: на одной плоскости листа совмещены разновременные события, ассоциативные образы, символы, и это роднит его с авангардизмом. Бесконечность во времени и пространстве Вселенной неотрывна от сиюмоментного бытия человека. Так было и будет всегда. Только пока человек существует и осознаёт это бытие, будет существовать и бесконечность мира. А иначе для чего создала Природа эту неопишуемую красоту вокруг, и для чего, в конце концов, дала возможность человеку это осознавать?

Медат хорошо осознал, что можно воспитать в ученике тягу к постижению знаний, к технике воспроизведения знаний. Но не более. Ученик сам открывает для себя этот мир и сам же постигает смысл собственного Бытия. Этому нельзя никого научить.

В поисках своего учителя постигающие Разум могут в своих странствиях провести десятилетия, но, однажды встретив наставника, они уже интуитивно понимают – это и есть их Учитель. На Востоке знают, что мастер (устоз) умеет ждать, и от этого он не стареет, его мастерство только совершенствуется. Ведь и самого Кагарова когда-то Провидение привело к Учителю, где он нашёл истоки своего пути познания мастерства.

Когда я слышу, что у кого-то очень много учеников, меня начинают одолевать сомнения в искренности этих слов. Учеников никогда не может быть много! Много может быть только подражателей или тех, кто хочет «присоседиться» к лучезарному сиянию славы Учителя. Увы!

Сублиматизм, футуризм, конструктивизм и прочие «измы» породили такое количество «ультрамодернистских учеников», что ни в одном кошмарном сне Михаила Ларионова, Александра Родченко, Казимира Малевича, Владимира Кандинского и привидеться не могло, хотя они и мечтали о достойных последователях.

Необыкновенно красиво смотрятся работы Медата Кагарова, выполненные в технике цветной литографии и цветного офорта. Конечно, в них нет буйства красок, но всё в этих полотнах гармонично и утончённо слаженно. Например, в серии «Четыре времени года» Кагаров вводит разные типы людей, которые слиты воедино своей образностью с природой. В пожилой узбечке он увидел усталость, жизненный опыт, её тихую мудрость

и успокоение. Снежное покрывало Зимы не навеивает холодную суровость или безразличие. Нет, наоборот – знание жизни и всепрощение видится в этом убелённом сединами облике женщины. Потемневшие от забот, тревог и непосильного труда лицо и руки, словно уставшая земля, в молчании ожидающая несбывшееся. Правда, бесчинствуют черные птицы, но и к ним пожилая узбечка относится с философским спокойствием, как к обязательной в жизни каждого человека необходимой беде.

В этой же серии, но в образе Весны – девочка-игрунья, с разметавшимися от порывов шаловливого ветра волосами-лепестками, шуточно прячет своё лицо за прозрачным зеркалом. Традиции как будто бы соблюдены, но зритель видит всю чарующую красоту будущей невесты. Узор платья, словно веточки – тонкие, нежные, с набухающими почками. И видится за этой работой радость расцветающей жизни, слышится смех, подобный журчанию весеннего ручья, грохотание весеннего грома. Это правда жизни.

Как-то подспудно, но реально ощутимо Медат Кагаров объединил в своих работах два огромных графических мира: один состоит из мощных, порой грубых, отрывистых линий В. А. Фаворского, а второй – это изящество бесконечной выходящей затейливо тушевой линии Обри Бердслея, и уж потом на всё это наложена восточная пластика, полная задумчивой иносказательности, глубокой тайны знаковых символов. Так же, как знаками сопричастности ко всему пространству Вселенной и одновременно единением с ней, служат купольные насыпи погребальных курганов древних кочевников.

Правда, это происходит только тогда, когда наши души переходят в иные, неподвластные разуму измерения, но Кагаров в своих мегаметафоричных работах уже сейчас показывает неопишимость красоты и неотвратимую суровость этой другой реальности, достигая при этом моцартовской высоты звучания. Например, его графические темы «Одна в городе», «Клетка», «Порыв», «Хранительница очага», «Худжум» («Раскрепощение»), «Долгий зимний вечер», «Вдохновляющиеся», объединенные в серию «Посвящение женщине Востока». Эти работы стали лирическими символами женской красоты, где гибкие руки превращаются в крылья бабочки, глаза и птицы становятся символами вдохновения. Аллегии настолько полновесны, что просто начинаешь слышать мелодию звучащей песни, «такой же задумчивой, тягучей, как долгая азиатская дорога», мелодии тоскующей и томной. Картины «Женщины Фарижа», «Знак воды», «Женщина-птица», «Золотая рыбка», «Листопад», «Миф» стали своеобразными окнами в иной мир – нежный, искренний, добрый. Это мир и непознаваемой непознанной души женщины. И продолжением этой темы стали полотна «Поцелуй», «Поэт Тарази», «Трапеза», «Мольба»...

Мне думалось, что искренне признаться в любви женщине можно только один раз. У Медата Кагарова на десятках полотен, где одухотворённые женские образы вешают миру Судьбу, передана одна-единственная исповедь – признание в любви к жизни, которая предстаёт перед нами в облике то легкомысленной девочки, то мечтательной девушки, то умудрённой женщины или усталой старухи. Эти картины и есть признание в любви к женщине...

Иногда ловишь себя на мысли, что происходит нечто ужасное: кругом словоблудие, суэта, потребительство и, конечно, алкоголизм, сдобренный парами наркотиков, как знак сопричастности к «свободному и цивилизованному миру», умственный и образовательный мрак, духовная темнота. Люди будто перестали понимать, что они живут в неповторимом и многообразном хрупком мире и не помнят, как вслед за Заратустрой повторяли таранчинцы: *«Кто взрашивает хлеб, тот возделывает Праведность!»*

Медат Кагаров своими полотнами утверждает, что Художник, да и не только, а и любой человек, ценящий прекрасное, никогда не должен забиваться в угол или раболепствовать. Он открывает нам самые потаенные уголки нашего же сознания, сокровенный смысл Бытия, у каждого художника он свой. Всякий из нас ищет этот

ответ, и вдруг мы находим в полотнах мастера путь к нему.

Со светлой грустью сотканный из парадоксов искатель смысла Бытия Кагаров наперекор обстоятельствам создаёт свой мир. Не спеша, настойчиво преодолевает Вселенский Хаос. Но художник не беспристрастен, его мир окружает и нас, но разглядеть его нам пока никак не удаётся. Не умеем, или не хотим?!

...Это было какое-то непревзойдённое счастье! Я смотрел в бесконечное звёздное небо, а рядом со мной, как купола, повторяющие тот же самый небосвод, таинственно тонули в темноте оплывшие пирамиды погребальных курганов древних уйгуров, кочевников, которые были в полном и гармоничном единении с этим вселенским миром. Мириады звёзд и ничтожный прах....

Этюд второй

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ДУШИ

Когда мы говорим об уровне интеллектуального развития человека в исторической проекции, то всегда обращаем внимание на его отношение к искусству как одному из самых важных факторов прогресса. Однако сам процесс происхождения искусства пока ещё остаётся неразгаданным.

Мы можем только прикоснуться или увидеть в археологических результатах его первые шаги и по этим открытиям строить свои умозаключения, которые, откровенно говоря, будут являться не больше чем нашими домыслами. Убедительность аргументов будет пропорциональна нашему кругозору и умению образно комментировать факты. И дело здесь не только в том, что использование термина «искусство» применительно к культурным феноменам праистории носит момент известной условности, но и в том, что само понятие, стоящее за этим термином, тоже довольно неопределённо. Поэтому споры о том, что считать искусством, а что нет, длятся бесконечно и будут продолжаться.

Обычно археологи не ставят себе задачи определения понятия «искусство», не задаются вопросом, что идентифицировать в археологических материалах как произведение искусства. Каждый исследователь оставляет право классификации артефакта (находки) как «произведения искусства» или изделия прикладного, технического, функционального назначения, не объясняя причин.

Кагаров тоже не теоретизирует, не задумывается над определениями, он просто творит. Творит как дышит! Но и его терзают мысли о предопределении, и тогда появляются работы, эмоционально воздействующие на подсознание зрителя, вызывающие особые ощущения.

Многие сюжеты своих картин художник берет из древних мифов Азии, но они органично вплетаются в сиюминутную потребность нашей жизни. Так сплести воедино и в то же время раскрыть суть древнейших (а оттого и извечных) постулатов может только мастерство Кагарова.

По преданию, шесть художников-монахов вышли из Турфана и отправились во все стороны света творить и обучать своему искусству других людей. Это благодаря им появились чарующие фрески на стенах самаркандского Афрасиаба. Это один из них со своими учениками украсил стены в храмах и богатых домах жителей Пенджикента. Только гениальный живописец мог воссоздать на стенах летней резиденции бухарских правителей в Варахше захватывающие сцены из древних преданий о царствующих особах. Несомненно, что в росписях на стенах приёмного зала в древнем городище Балалыктепе, что на юге Узбекистана, сказывается манера Турфанской школы живописи.

Спустя полтора тысячелетия другой художник, в крови которого кипят вулканы былых верований, где исповедь – это песня о жизни, где жертвоприношение – это

сама жизнь, отправляется в окрестности Турфана к храмовым пещерам «Мин ой» – «Тысяча мыслей-лун» (некоторые историки на тюркский манер называют «Минг уй» – «Тысяча домов»). Вдохновение от пещерных росписей V–VI веков заставляет Медата Кагарова заново переосмыслить предназначённое. Открывается не новая страница творчества мастера, а пишется совершенно иная целая Книга Откровения. Генетическая Родина художника дала столько вдохновляющих тем, что дух захватывает от красоты и прелести линий, красок и звучащей в полотнах музыки.

Огромная серия работ «Турфанский стиль» обнаружила внутреннюю гармонию большого мастера. Задушевный, парящий над обыденностью рассказ, запечатлённый в полотнах «Сон», «Вечерний туалет», «Книга перемен (I, II, III, IV)», «Молитва в полдень», «Пять заповедей Будды», «Встреча у колодца», «Дама с зонтиком», позволяет раскрыться и собеседнику, который уверовал в слова Кагарова. В этой серии, как ни в одном полотне современных восточных художников, звучит музыка! Проникновенная, искренняя. Всмотритесь в картины «Мелодия Турфана (I–VI)», «Забывтая мелодия», «Вечерняя мелодия», «Музыка для тебя», «Рождение мелодии», «Турфанский дуэт», и вы услышите не только музыку самого сердца Евразии, но и мелодии своей души...

Именно в живописи Медата я воочию видел искру Пророка Мани! Вместе с тем мне было трудно поверить, что через полтора тысячелетия до нас могут долетать не только гимны мантрана, но и его божественная и в то же время трепетная игра красок. Нет такого великого поэта на Востоке, который бы не воспевал «магические кисти Мани». Но так реально, достоверно представить эту искру... Маэстро, несомненно, осеён гением основателя манихейства!

...По разным причинам приходят зрители на художественные выставки. Одних влечёт экзарсис, других – элементарное любопытство, когда певцы мусорных свалок вершат об «актуальном» для нас искусстве. И невдомёк им, этим, с позволения сказать, художникам, что современное искусство в силу сложившихся интеллектуальных обстоятельств требует от «творца» такой глобальной внутренней духовной философии, которая была не под силу никакому нищезанству или фрейдизму. Ибо Время невозможно обмануть, как это пытаются иногда сделать на выставках «современного искусства», заявляя: «Ну, это же так прикольно, однако!» На этих выставках «актуальные» художники «актуальным» языком говорят с «актуальной» частью населения страны...

Есть и другая крайность: так называемая «махаллинская живопись», модернизированный кич или попытка кич низшего пошиба обрядить в «национальные» одежды.

Наша жизнь полна тысячами вопросов, которые томят, терзают, ждут своего ответа, которые тревожат и истязают душу, требуют незамедлительных ответов. Вот за этими-то ответами, в поисках их, ценитель-зритель часто и приходит на выставки. Где, как не в мире высокого искусства находить эти ответы?

Ответы может знать только мудрец. Но мудрец не будет нравоучительно растолковывать все смыслы, он, как художник Медат Кагаров, осторожно возьмёт вас за руку и введёт в свой мир, пригласит на неторопливую беседу к своим живописным полотнам. И уже там, где высочайшая поэтическая философия невидимой аурой охватит ваше сознание, вы сами увидите, почувствуете и поймёте эти ответы.

Думаю, что особо следует обратить внимание на поиски Кагаровым многомерной образности современной картины. Есть основания полагать, что тема, содержащая начало и конец, ясный посыл и ещё более ясный «вывод», выступает в оппозиции к природе современного интеллектуализма. Упрощением было бы сводить его к сухому рационалистическому мышлению. Интеллектуализация творческого процесса, с которой мы не можем не считаться как с явлением объективного порядка, напротив, открывает простор интуиции.

В интуитивном стремлении Медата Кагарова к углублению психологических возможностей жанра – одна из характерных особенностей искусства нашего времени.

Любая его работа последних лет – это познающий жанр. Именно в таком качестве работам М. Кагарова открываются такие грани реальности, которые трудно охватить на уровне темы.

В последнее время художник, как никогда прежде, сталкивался с очень сложной дифференциацией человеческих проблем, с разветвлённой личностной позицией. Разумеется, пути реализации этих сложностей в искусстве непросты, но выбранный однажды опыт лирического символизма показал очень высокие возможности проникновения в суть современных событий, в терзания интеллектуала в мире всепоглощающего потребительства, возможность увидеть горизонты жизнестойкости Разума, ибо всё творчество Медата Кагарова – это наглядный пример отрицания социального мешанства и стяжательства.

Новая форма самовыражения появляется у настоящего художника только тогда, когда им уже исчерпаны все знакомые, опознанные им реалии, высказанные языком классики, и уже не удовлетворяющие внутренний кипящий огонь творчества, пожирающий сознание *maestro* изнутри, когда появляется страх остаться немым, безгласным, не высказанным и не услышанным окружающими. Художник Медат Айтахунович не мог работать «в стол». Его работы нуждаются в сиюминутном прочтении, ибо завтра у этих произведений будет уже иной смысл, иное иносказание!

Его прекрасное живописное искусство, является само по себе новым направлением в национальной живописи, которая, естественно, основывается на самых лучших образцах общечеловеческого высокого ранга, которые складывались столетиями и совсем не собираются исчезать во тьме времён. Его работы исконно традиционно национальные, но обогащены величием русской и европейской классической живописи. Они являют миру иные, выкристаллизованные Евразийские представления. Стилистические тенденции авангарда стали базисной основой мировидения художника.

Великолепные картины «Миграция», «Поцелуй», «Возвращение с рынка», «Новое похищение», «Слушая Доминго», «К храму», «Маскарад», «Пастушок урочища Тамгалы», «Два гонца», «Затмение луны», «Солнцеглавые божества в час затмения», «Человек и птица», «Среди горных озёр», «Вниз по лестнице, ведущей вверх» и другие, наполненные «восточной ветвью» европейского «классического» авангарда, стали самыми яркими образцами, собственно, «нового национального искусства». В каждой работе, построенной на авангардных принципах, обильно сдобренных восточной созерцательностью, художник ведёт спокойный, вдумчивый разговор о жизни. Трудом и искренней верой в нравственные идеалы можно сокрушить смердящий Хаос.

Полотна последних лет Медата Кагарова становятся в своей манерности иконописными. Несомненно, Турфанская идея, рождённая в Великих среднеазиатских степях и подхваченная Византийским гением, воплотилась в квинтэссенцию знаково-символической живописи – икону!

«Сувениры старого города», «Караван», «Метаморфозы 3», «Осень 97», «Вечное», «Вместе с птицами», «Встреча подруг», «Выбор», «Год красного быка», «Год белого дракона», «Гранатовый сок», «Давние встречи» – эти картины мастера дополнительно вобрали в себя всю иконописную идею, которая базируется не на воспроизведении идола, а на показе знака, наполненного смыслом самой жизни. Верующему в это не надо узаконенных пастырями канонов.

Испокон веков икона служила символом, к которому обращены устремления ищущего утешения. Восточный менталитет пошёл намного дальше – любовь к божественному здесь может воплощаться в образе птицы, цветка, дуновения ветерка или благих помыслов.

Любая религиозная идея – это уже мистицизм! Однако мистицизм, облачённый в чарующие одеяния глубокой философии, – это уже суфизм. Суфизм, разумеется, многолик, но в том-то и притягателен, что появившийся, казалось, на почве ислам-

ского верования, он своими корнями уходит в более древний азиатский гуманизм.

Стоило только художнику Кагарову окунуться в эти всеохватывающие потоки древних суфийских традиций, как его захватил новый и необъятный мир. Картины «Божественный шанырак», «Поэт», «Знакомые цветы незнакомого города», «Встреча за городом», «Беседы в беседках», «В гостях у Нури», «Истоки», «У святого источника», «Посещение святых мест (2)» и многие другие стали настоящими гимнами этих философских традиций. Диптих «Красавица и дервиш», работы «Джан», «Суфистское кружение», «Посвящение поэту Бо Ли» и «Черные дни (посвящение поэту Б.Н.)» стали истинным откровением Медата.

Наполненные глубокой, можно сказать, божественной философией, такие произведения цикла «Суфи Арт», как «Истоки традиций», «Мелодия одинокого путника», «Гадание по Книге Перемен», «Восточный гороскоп», удивительно красивы, исполнены той, напитанной экспрессией идеей, которая воплощена в раннем суфизме.

...Всматриваясь в картины Маэстро, чувствуешь, что в каждой из них заключена молитва, своеобразное жертвоприношение божеству. Конечно, обращение к Богу – это исключительно интимное действо. Не обязательно для этого нужен храм, потому что истинный Храм – в душе верующего.

Чем отличается истинный Художник от посредственности, пусть даже и трудообильной? Вероятно, тем, что обнажённая боль, которая проявляется подспудно, откуда-то из глубин души, физически зримо, болезненно воплощается в необратимость мига восторженного блаженства творческого прозрения, вырвавшегося из глубин мертвящей слепоты, когда вдруг ты ярко осознаёшь, что это событие уже было с тобой, и именно с тобой, в этом месте, с теми же предметами, которые живут, созданные человеческими руками и разумом, сами по себе, без твоего участия, создавая порядок, независимый от того, что ты сам называешь порядком, и тогда творения уже сами управляют твоей сущностью, воплощённой в твою физическую жизнь, которая неповторима и, что удивительнее всего, оригинальна. Хотя в мгновения творческого взлёта твоего гения ты уверен, что всё вокруг тебя и в тебе уже повторялось, повторится, и так будет всегда, даже тогда, когда наступит миг, и ты уже не будешь знать, что вообще жил в этом мире, творил, терпел боль и торжествовал божественным озарением, поглощая каждой своей клеточкой неописуемый восторг сотворения, созидания, соучастия в этой жизни. Кто не испытывал в этой жизни состояния «дежавю»... Но вот только Художник умеет визуально представить это состояние для каждого из нас. В работах Медата Кагарова это проявляется особенно зримо.

Медат Кагаров, как художник от Бога, знает, что история, как драгоценная чаша, вбирает в себя каплю за каплей события, столетия, эпохи и жизни каждого человека, прошедшего через этот бранный мир.

Короли и императоры готовы были жертвовать всеми сокровищами и жизнями своих поданных, чтобы найти эликсир вечной жизни, не догадываясь, что этот напиток хранится в чаше Истории. Только она дарует всем и каждому вечную жизнь.

Испить этот напиток Памяти может каждый, кто заботливо и бережно хранит собранное за многие тысячелетия. И надо обязательно помнить, что нельзя расплескать из драгоценной чаши даже капли, ведь эти сокровища принадлежат будущему.

Художник Кагаров не только сохраняет своим творчеством этот напиток бессмертия, но и приумножает его для нас...

Эпюд третий

ПРОИЗВЕСТИЕ МЕДАТА СЫНА АЙТАХУНА

Стало какой-то непререкаемой аксиомой, что современное народно-прикладное искусство есть не что иное, как истинно национальное, глубоко традиционное искусство.

Нет ничего более неверного. Прикладное искусство, пусть даже самого высокого и виртуозного исполнения, есть всё же – ремесло, склонное к тиражированию, канонизации и в то же время требованиям сиюминутной моды, легко восприимчивое к иноэлементам. При этом оно может совершенно не отражать национальной модели мира. Кстати, это случается намного чаще, чем примеры, которые можно было бы отнести в какой-то степени к национальным проявлениям. Естественно, что национальное своеобразие искусств необозримо шире его специфичности, благодаря этому его освидетельствование не может сдвигаться к поиску уникальных и неповторимых черт.

Национальное искусство – это особая модель мира. Такое своеобразное явление, которое, например, своим творчеством создаёт Медат Кагаров.

Мир, окружающий художника Медата сына Айтахуна, – это пространство этнического переустройства, интенсивного формирования нации. Вот именно подобная духовная преобразовательная деятельность, которая, по сути, и есть настоящее, сегодняшнее и воспроизводится в его работах, раскрывающих его взгляд на природу вещей.

Медат Кагаров давно перешагнул условную грань, за которой художник (читай – любой человек), возвышается над национальным. Естественно, он представляет новое, созданное им национальное искусство современного Узбекистана, но при этом его кисть интернациональна. Она читаема на любом языке мира, как музыка, как духовная песня.

Национальные особенности – это только некоторые акценты, а не качества, отсутствующие у других. Они сближают людей, интересуют людей других национальностей, а не изымают людей из национального окружения других народов, не замыкают народы в себе.

Это происходит потому, что истинный Художник понимает: народы – это не огражденные стенами сообщества, а гармонично скоординированные между собой ассоциации. Национальные черты народа существуют не в себе и для себя, а в соотношении с другими, и выясняются только при взгляде со стороны и в сравнении, поэтому они должны быть понятны для иных народов, т. к. в какой-то иной аранжировке обязательно существуют и у других этносов.

Следует отметить удивительную особенность творчества Медата Кагарова. Некоторые его произведения, особенно последних лет, выполнены в такой технике, что кажется, будто они наполнены каким-то необъяснимым романтическим мистицизмом. Наиболее ярко эта чудодейственная техника проявилась в работах его серии «Турфанский стиль». Картины, выполненные в приглушённых (можно даже сказать затенённых) тонах, как будто безмолвствуют до поры до времени. Но стоит только лучику солнца или всполоху света коснуться полотна, как оно мгновенно начинает сверкать, переливаться, жить. Сразу проявляются образы в глубокой задумчивости, в медитативном трансе или знаковой позе, которые как бы начинают беседовать со зрителем. Картина преображается. Яркие всполохи ювелирных украшений, цветов, орнаментальных узоров на тканях начинают жить в сюжетном пространстве, созданном художником.

Как пишет в своей автобиографии Медат Айтахунович: *«...В 1991 году был на прародине уйгуров – Синьцзяне, где увидел знаменитые росписи пещер «Мин Ой» и, по приезде в Ташкент, стал делать цветную графику и живопись, т. к. без цвета уже обходиться не мог...»* Вероятно, именно после этой поездки в станковых работах Кагарова появился такой животрепещущий цвет. Было ли это озарением или само Провидение подвинуло его на это – от графической однотонной линии обратиться к многоцветью, буквально трёхмерной, объёмной живописи?

Понять этот феномен мне позволила экспедиционная поездка по историческим местам Восточного Туркестана, состоявшаяся через десять лет после посещения Кагаровым Синьцзяна. В окрестностях Турфана расположены Байзиликские пещерные храмы и монастыри «Мин Ой», представляющие собой памятники культуры, синтезировавшие архитектуру, скульптуру и живопись, типичные для индийского и среднеазиатского буддийского искусства периода расцвета этого вероучения в Восточном

Туркестане (I–VII вв.). Большинство пещер выдолблено в скале, и ансамбль выглядит необыкновенно авантажно. Пока известно о 83 пещерах, в 40 из которых сохранилась фресковая живопись общей площадью свыше 1200 квадратных метров. Именно там на стенах в полутьме пещерных храмов сохранились росписи, изображающие буддийский пантеон с мерцающими и возрождающимися из тьмы фигурами святых и Будды.

Вероятно, именно фресковая живопись с обликами святых учителей открыла перед Кагаровым, как я уже говорил, иконописный почерк, а познание секретов древних мастеров позволило художнику создавать на плоскости холста объёмные изображения. Остановитесь возле его произведений «К вечеру», «В гроте», «Грустная мелодия», «Музыка для тебя», «Дама с зонтиком» и других картин этой серии, и вас поглотит этот таинственный, объёмный, всеохватывающий мир.

Хотелось спросить у Маэстро, как он добивается этого визуального феномена, но, подумав, решил, что пусть это останется непостижимой для меня тайной. Не правда ли, что с тайной интереснее жить?!

Иногда вдруг весь фон сюжета или его отдельные части превращаются в трепещущую дымку, придавая вневременной характер событию, отражая непостоянство и зыбкость времени.

Работы мастера свидетельствуют, что Медат Кагаров, несомненно, является одним из создателей современной живописной национальной школы Узбекистана, я подчёркиваю – следует различать национальный идеал и национальный характер. Идеал не всегда совпадает с действительностью, точнее – даже всегда не совпадает. Но национальный идеал тем не менее очень важен. Народ, создающий высокий национальный идеал, создаёт и гениев, приближающихся к этому идеалу. А вымерять культуру, её высоту мы обязаны по её высочайшим достижениям, ибо только вершины гор вздымаются над веками, формируют горные хребты культуры.

Если приглядеться к его картинам «Родной край», «Когда цветёт миндаль», «Букет для Айгуль», «Джизакские встречи. Вечер», «Накануне рождества», «Мелодии старого города», то, несомненно, мы увидим в глубоко национальных мотивах и интернациональные интерпретации.

Кагаров творит в какой-то очень высокой точке своего развития, в точке, которая достигается тогда, когда материя непостижимых для нас пространств, внутри которых человечество живёт, сознательно способствует этому созидательному процессу. Иначе нельзя объяснить вдохновение, когда уже не художник творит кистью на холсте, а некая сила, мыслящий дух, и это происходит в данный, конкретный миг.

Мыслящий дух при этом жертвует самим собой: в этом процессе он сам не может сохраниться. Но его самопожертвование совершается во имя долга перед Природой. Человек через мыслящий дух возвращает Природе старый долг. Когда-то, во времена своей молодости, Природа породила в человеке этот мыслящий дух, теперь он ценой собственного существования возвращает Природе новую юность, состояние, в котором она способна снова начать грандиозные циклы своего развития...

Кагаров переживает неустроенность мира как личную трагедию. Но вот какими красками, какими движениями кисти воплотить эти страдания человеческих душ? Пространство холста наполняется болью и вопросами. «Возвращение с пастбищ», «Скорбь», «Птица с белыми отметинами», «Последний снег», «В родной кишлак», «Хранители очага» – в этих картинах виден внутренний поэтический диалог художника с суровой прозой жизни...

Полотна «Черный гонец, красный гонец», «К храму», «Накануне встречи», «Затмение луны», «Голубые всадники», «Рябина красная» или целый цикл работ «Чёрно-белые сны» провозглашают обязательный для каждого живущего на земле поиск тропинки к душе ближнего, к пониманию и всепрощению, но передают ещё и всеобъемлющую печаль, ведь, к сожалению, только тогда, когда изгажены родники и источники, люди вынуждены пить из придорожных луж.

Уверен я, что глубочайшее интуитивное понимание жизни как целостности, видение Истины и огромная непрекращающаяся духовная энергия, питающаяся из источников

знания, позволяет достигнуть *Просветления*. Этому, несомненно, содействуют трудности, заблуждения и искания, муки продвижения по пути самоусовершенствования, которым подвергает свою жизнь Медат сын Айтахуна. Это непреложная философия Истины...

Двадцать первое столетие внесло в палитру творческого поиска художника Медата Кагарова иное понимание не только идеи жизни, но и идеи предназначения художника, которому вероятно Всевышним ниспослан был этот дар, что, конечно, ярко отразилось в его полотнах. Смысл существования человека в громадном вселенском пространстве становится понятным по его работам последних лет.

Умение художника рассказать, показать и провозгласить вечные, не исчезающие рациональные ценности – вот что такое национальная школа живописи, да и вообще искусства. И, пожалуй, трудно назвать художника, который так же, как Медат Кагаров, мог бы с такой искренностью, душевной теплотой и профессионализмом говорить о разноликотной действительной жизни, при этом оставаясь сугубо национальным!

Этюд четвертый

УРАВНОВЕШИВАЯ ВРЕМЯ

Человек в искусстве Кагарова живёт скорее не как конкретный образ, а как эмоциональный мир, как настроение, как музыка ритмов и узоров в знаковом пространстве.

Любовь не только к музыке ритмов, но и к самому музыкальному искусству дает художнику Медату Кагарову темы его произведений. Это прежде всего центрально-азиатская музыка, в которой живёт «...величайшая страстность, нередко переходящая в стихийную чувственность, стремление к выразительной передаче всех изгибов эмоционального строя любящей, тоскующей, страдающей, восторженной личности. Это – глубокая заинтересованность во внутреннем мире переживаний. Это – погоня за прямым, изысканным чувственным наслаждением...»¹

Музыкальный принцип, как творческое начало, даёт возможность художнику Кагарову осмыслить сознание, культуру как целостное образование, конкретно раскрываемое с помощью ритмико-стилистических связей. Когда-то Андрей Белый писал: «Музыка возбуждает состояние сознания, подчинённое одному лишь модусу времени: на почве идеи чистого времени нечего делать понятию о должном»².

Настоящая космическая концепция человека, созданная романтическим символом живописи Медатом Кагаровым, позволяет, я думаю, сформулировать новое понимание перспектив развития человека, пути дальнейшего формирования центрально-азиатского искусства.

Великолепная литография «Разлука» из серии «Соприкосновение времён» (1989 г.) обогащена древним петроглифом наездника на двойке запряжённых лошадей. Как скачки в ритме жизни всё равно будут иметь проигравших (отставших), так и в разрушении единого союза любви не может быть победителей.

Эта работа наглядно показала, что Художнику свойственно и удивительное чувство поэтического, чувство изящного, которые характерны для эстетического мышления народов Центральной Азии. Образ в искусстве Кагарова всегда был полисемантический, предельно обобщён и жил на грани с абстракцией, существуя более как знак, нежели как достоверный, конкретно-чувственный изоморфный феномен.

Посмотрите на его литографии «Волчатник» или «Пастух, глядящий на звёзды» из серии «Поэзия Олжаса Сулейменова» (1988 г.), где началось это наложение взгляда мастера на язык знака, символа, тамги, которое затем стало трансформироваться в эпиграфические изыски в живописных работах. Эти тенденции станут проявляться потом в таких работах, как монопринт «Восточные мотивы IV» (2004 г.).

¹ Грубер Р.И. История музыкальной культуры. М. – Л. 1941. Т. 1, ч. 1. С. 471.

² Белый А. Искусство прошлого и искусство будущего. //«Перевал». 1906. № 2. С. 51.

Кагаров, осознавая непрерывность вечного круговращения бытия, которое теряется в мириадах тысячелетий, в своих картинах творит ушедшее Время так, что оно видоизменяется в сознании тех, кто будет видеть воплощение этого Времени красками художника в будущем.

Творческий язык художника весьма метафоричен. Метафора Медата Айтахуновича – это скрытая Истина, которая всё равно проступает через все покрывала и открывается через эзотерическое русло живописного потока.

Понимая смысл авангардного творчества, Кагаров находит воплощение соединения религиозной ауры и творческой свободы в учениях суфизма. Это был выход в его исканиях на новые возможности. Он пришёл к принципу «разнопространственности», «вставленности» одного пространства в другое. Одним из первых художников в мире начал изображать многослойный, полипространственный мир человеческого сознания наподобие музыкального полифонизма Павел Филонов. Многоголосие пространственных форм – следующий шаг вслед за ренессансной однородностью и одномерностью пространства, и сделали его художники XX века.

В работах Кагарова последних лет становится очевидным, что этический суфизм искал реализацию гуманистических принципов на пути нравственного совершенства человечества, эстетический – на пути раскрытия потенциальных творческих возможностей мира как духовной целостности.

Следуя принципам духовной достоверности (иными словами – принципам религиозной толерантности), Кагаров смело вводит в живопись элементы каллиграфических изысков. Несмотря на существование каких-то эфемерных канонов, он чувствует себя освобождённым от прокламативных догматов, он раскрепощён истовым духом творческого совершенства.

Его картины «Восточные мотивы. 5», «Стоянка души. 4» и «Стоянка души. 5» – это восторженное и выпрощенное чувство перед высокой поэтикой Корана, которая обнимает весь чувственный мир человека.

Важнейшим принципом функционирования искусства слова в исламе стала арабская каллиграфия, скрепившая в некую художественно-религиозную целостность все элементы мусульманской культуры. Ислам связал «...каллиграфию скорее с интеллектуальными потребностями, чем с эстетическими и художественно-эмоциональными категориями, – пишет Ф. Роузентал. – Однако не может быть никакого сомнения в том, что каллиграфия служила также удовлетворению художественных потребностей человека»¹. Каллиграфия Корана и священных книг, письма на стенах мечетей, арабская вязь в поэтических произведениях и в миниатюрах – всё это имело глубокий духовный и религиозно-художественный смысл.

Более того, само каллиграфическое письмо приобрело важное эстетическое и эмоциональное значение, выражающее «...эстетическое восприятие письма в глубоко прочувствованных эмоциональных терминах... Письмо сравнивается с объектами красоты и эмоциональной привлекательности, такими как драгоценности, цветы, сады и ткани.

Сфера более интимных переживаний затрагивается, когда красивый почерк описывают как приносящий радость сердцу и удовольствие глазу или когда сравнение основано на чувстве обоняния, столь утончённом на Востоке. Например, чернила уподобляются духам, и поэт может сказать:

*Шафран – это духи дев,
А чернила – духи мужчин»².*

Каллиграфическая символика проникает даже в сферу самых интимных человеческих отношений. «...Каллиграфия сознательно связывается с чувственными эмоциями. ...Особенно в любовной лирике сравнение телесных черт с буквами превратилось в

¹ Роузентал Ф. Функциональное значение арабской графики – В кн.: Арабская средневековая культура и литература. М. 1978. С. 154.

² Там же. С. 154–155.

стандартный компонент поэтической образности.

... Форма букв может служить символом даже любовного союза, например, лигатура букв "лам" и "алиф", когда они написаны переплетёнными друг с другом:

Я грезил, что обнимаешь меня,

Как "лам" на письме обнимает "алиф".¹

Конечно, верна мысль Ф. Роузентала о том, что «...слияние религии и искусства в мусульманской каллиграфии стало реальностью»², более того, и каллиграфия, и искусство слова в целом вышли за рамки строгой догматики ислама в мир человеческих чувств и человеческой жизни. Это почувствовал и открыл для себя Кагаров. Он стал вводить знаковое слово в живописное полотно, дополняя смыслами идеи суфийского абсолютизма.

Подлинный шедевр Медата Кагарова – «Дервиш и красавица» (2004 г.), где Слово, продиктованное архангелом, открывает мысль утончённой души. Точнее, через эмоции высшего порядка Слово стало стержнем смысла жизни двух влюблённых, разведённых в противоположные миры. Этому всепоглощающему духу Любви вторит и полотно Маэстро «Восточные мотивы V» (2004 г.).

Большую роль в эстетическом идеале мусульманства играла религиозная символика, согласно которой красота понималась как воплощение божественного совершенства, а обладание красотой – как образ Бога в человеческой душе. Стремление к прекрасному подчас находит самые различные красноречивые формы выражения. И в этом смысле интересна та широкая палитра многообразных надписей, которыми украшались произведения прикладного искусства, в первую очередь религиозные изречения, афоризмы и благопожелания владельцу. В последнем случае слово как бы закрепляло в металле, керамике, вышивке власть человека над прекрасным изделием.

Со всей определённой становится понятным, что Кагаров обращается к слову в живописном пространстве, несомненно, в поисках так называемого «праязыка» как изобразительного символа международного общения. Праязык – это некая форма семиотики, поскольку суперфункция слова – *знак*, которым мы обозначаем не только окружающий нас предметный материальный мир, но и нечто подчас невыразимое, что существует в нашем сознании.

Медат Кагаров создаёт целую живописную серию «Стоянка души», где, отталкиваясь от знака-символа, попытался воплотить на пространстве холста новую эстетику языка. Арабская графика как нельзя лучше приспособлена для этого. Вместе с витиеватой графикой слова на этих полотнах выведены и эмоциональные цветовые ассоциации. Эта же тема была продолжена художником и в серии монопринтных работ.

Арабское письмо, его графика оказали влияние на формирование художественной формы в творческих откровениях Медата Кагарова, создав графический стиль художественного восприятия, активно используемый в работах художника. При этом эстетика формы предопределила эмоциональное восприятие содержания, так, надписи без диакритических знаков, усечённые слова, равно как и псевдоэпиграфика, предполагают полное или ассоциативное прочтение. Часто усечённое слово или слово без огласовок можно прочесть как в светском, так и в религиозном или мистическом значении в зависимости от соответствующего уровня культуры адресата.

По мусульманским канонам, сфера этического охватывала три взаимосвязанные области художественной и духовной деятельности человека: окружающее его бытие (*вуджуд*), правильно устроенное мироздание (*'алам*) и его нравственную, этическую позицию (*ихсон*). Исламская концепция понимания прекрасного изложена в трудах Руми, Насафи, Фирдоуси, Санай, Аттори, Шабристаны, Хафиза Саади, Джами и других. Но только две формы художественного выражения – мечеть и каллиграфия – в полной мере отражали сакральные основы этой культуры.

¹ Роузентал Ф. Функциональное значение арабской графики – В кн.: Арабская средневековая культура и литература. М. 1978. С. 165.

² Там же. С. 157.

Художественное творчество народов мусульманского мира с его изотерикой, проникнутым религиозным символизмом планом, обладало ярко выраженными и только ему присущими особенностями. Обострённое чувство красоты для человека Востока во многом необъяснимо, способно преображать самые заурядные вещи в произведения искусства.

Представление о прекрасном, как я уже отмечал, связывается с совершенством формы, с трепетом живых ярких красок, но более всего со светом. Не случайна отсюда тяга к вещам сверкающим, прозрачным, блестящим, переливающимся, преломляющим и отражающим свет. Восхищённость взора усилена, как это происходит в работах Медата Кагарова, выразительностью всемогущего слова.

Беда гениальности Кагарова в том, что он, воспарив вместе с мистическим учением суфизма, достигнув необыкновенных высот понимания красоты, впустил в себя это учение, считая, что это промысел Божий. Но сущность гения – видеть, понимать, воспринимать, переживать, оставаясь вне досягаемости любой философии как духовной установки. Он (Кагаров) начинает объединять философию дзенбуддизма, учение Заратуштры, поэтику Корана, отстраненную кичливость иудаизма. В принципе, это достойное дело для гения. Это работа по его мастерству и уровню интеллекта. Но для кого это все делается? Кто этот «потребитель» объединенной философии? Когда он увидит проросшее зерно, высаженное им, в своих творениях?

Кагарову понятен «новый мир», в который шагнули художники вместе со странами, где проживают и творят. В исторической спирали мы вновь и вновь возвращаемся к былому. Нас с теми, кто был уже, разделяет только временная грань, а не идеи, смыслы, мифологемы.

Письмо и раньше применялось не только при переписывании текстов. Отдельные цитаты искусные каллиграфы-художники компоновали в разнообразные розетки и медальоны, а также создавали из них читаемые фигуры цветов, плодов, животных, птиц, человеческие фигуры. Так искусство письма превращалось в другой вид искусства – искусство орнамента.

Романтический символизм Кагарова отмечен жизненной реальностью. В то время как издохший пафос европейского футуризма, появившегося ровно сто лет назад, был нежизненным потому, что не испил из живительных родников восточной философии, поэтому его менторское «завтра» оказалось уже забытым нами «вчера». Европа ничего не смогла рассказать нам о будущем, ибо не владела живописной каллиграфией исламской философии. Весь подлунный мир со дня своего создания был разнопространственным. Только пространство Природы объединяет человечество. Люди, ушедшие в цивилизацию, забыли, что любая жизнь строится по законам Природы, находится в объятиях Природы. Провозгласив человека «царём природы» мы стали убивать саму Природу!

Кагаров давно уже понял эту не совсем простую мысль, и в его полотнах разнопространственные события своим многоголосьем нравственных идеалов стали немислимым образом объединяться в единую духовную концепцию. В 2007 году появляется работа «Женщина с клеткой», где абстрагировано, языком чистых красок, показаны чистые помыслы, высокие идеалы. И кажется мне, что над ней, ставшей началом большой серии, витает дух позднего Малевича. После серии «Метаморфоз» эти картины были созданы другим языком, иной манерой, в которой чувствовалась именно чистота и высь помыслов.

...Духовные истоки живут в памяти народов как напиток бессмертия. И если ваша жизнь, как творчество Медата Кагарова, на протяжении многих лет выглядит неоднозначно – в этом её (жизни) прелесть! Она не сера и занудна, а бурлящий водоворот познания, открытия, прозрения! В отличие от художников с заранее заданными на всю, казалось бы, оставшуюся жизнь параметрами творчества, искусство Кагарова менялось в сторону некоторого упрощения изобразительности, но колоссального

усложнения интеллектуального содержания.

Он – божественный график – мог бы стать недостижимым титаном «чёрно-белого языка». И уже достиг вершин, стал недостижимым для других талантливых графиков.

Теперь сущностью его творческого кредо стал символизм, символизм романтического разлива. Естественно, что обращение Кагарова к цветовой гамме окружающего мира, лаконизм языка графики сохранился, но значительно дополнился (обогатился) цветовыми решениями для достижения ещё большей выразительности.

Искусство разных эпох существует в непрекращающемся диалоге с собой – поверх времен и культур. Иногда, внимательно вглядываясь в работы Медата Кагарова, думаешь, что смысл этого диалога нам принципиально доступен для адекватного прочтения и исчерпывающего понимания. Это проблемы вечные, шекспировские вопросы бытия – жизнь и смерть, добро и отчаяние, милосердие и любовь.

Медат Кагаров считает, что духовная культура, мудрость, существуют как мысленно реализованная полнота творческих возможностей человечества, но реализовать эту полноту можно лишь в опыте мысли, художественном творчестве, религиозном опыте. Именно этим опытом можно духовно измерить человеческую историю, раскрывая «вечное в старом». Именно в этом заключается новизна подхода символистов к вечным истинам, лишь искусство, по мнению символистов, даёт образы прорыва к вечности, «под преходящими образами искусства чаще видим мы непреходящий их смысл»¹.

Романтический символизм стал тем самым языком, который понятен любой незапятнанной душе обывателя. А ведь весь мир человеческий состоит из этих обывателей, которые в мешанстве своём создают реальный жизнестойкий и опознаваемый лад цивилизации. Искусство для *избранных* – химера! Нет в мире «избранных»! Есть категория людей, которых мы не понимаем, а потому и называем их «избранными». Есть категория людей, которая сама не понимает мира вокруг и в этом страхе от непонимания, защищаясь от своих внутренних комплексов, провозглашает себя «избранными». Настоящее искусство понятно каждому вне зависимости от интеллектуальной базы человека. А человеку хочется всегда *лучшего*. Но представление о лучшем – это и есть романтизм.

Можно было бы, конечно, язык романтического символизма называть авангардным. Ведь именно эта художественная форма иносказания в искусстве ведёт нас вперёд, однако...

Авангард вовсе не столь агрессивен, как это часто полагают: он восстаёт против традиции не потому, что на месте устойчивых форм он хочет создать нечто технически новое, как это из рук вон плохо стараются воплотить некоторые андеграундные художники, а потому, что формы традиции уже обнаружили себя на деле как неустойчивые и необоснованные, и на их месте авангард хочет создать нечто даже не просто устойчивое, а вечное, т. е. исключаящее историю и прогресс. Авангард в какой-то мере реакционен. Тексты эпохи авангарда полны филиппик против современной ему цивилизации и особенно против прогресса, и даже там, где прогресс всё же встречает сочувствие, например, у итальянских футуристов, речь всегда идёт об эстетике войны и разрушения, т. е. опять-таки предметом эстетизации оказывается в первую очередь обращение технической цивилизации против самой себя.

Кагаров создавал как будто нескончаемый цикл «Суфи Арт», воплощая понимание, свойственное только его логике, о красоте исламского мирозерцания и авангардного проявления в развитии искусства.

Нет ни одной его картины, где бы присутствовало насилие. Медат Айтахунович прекрасно знает, какими неисчислимыми трагедиями оборачивается неуёмное тщеславие и безбрежная жажда власти. Практически два тысячелетия уйгурский народ был ввергнут в нескончаемую череду кровавых войн. Художник понимает, что *завоеватель* не может быть идеалом для разумного человека.

¹ Белый А. Символизм. М. 1910. С. 4.

Согрешу против Истины, если скажу, что в работах Кагарова не присутствует образ Смерти. Наоборот – в наиболее глубоких по философии картинах Смерть как обязательное явление Жизни занимает своё, положенное ей, место. Вглядитесь, и вы увидите души ушедших в небытие людей, выполнивших на земле своё предназначение. Их осеняют крылами ангелы Памяти. «Гадание на воде», «Затмение луны», «У святого источника», «По мотивам восточных миниатюр», «Год красного быка», да и на многих других полотнах эти два противоположных явления представляют смысл всего сущего. *«...В полотнах Медата Кагарова образы сотворения и разрушения (именно жизни – В. К.), сжившиеся воедино непримиримые противоположности, разместились в его идее воплощения как два противостоящих потока сознания. Внутренняя гармония и внешний хаос, внутренний хаос и внешняя гармония взаимно проникли и слились в точке концентрации его самосознания, в этой точке момента творчества, где соединились прошлое и будущее, в точке, к которой устремлён взор провидца. Это та точка, которая удерживает равновесие, красоту и её возможную гибель, точка, которая повелевает молчать, точка, которая заставляет задуматься о своём молчании»* (Г. Громько).

У Кагарова присутствует тема охоты, но не в таком контексте, где мы – историки – ищем символику победной войны. В войне невозможно никому победить! Только наш «бомонд» в дело и в не дело оперирует милитаристическими терминами. Им надо, чтобы «идеи сражались», чтобы живописные направления «выигрывали битвы», чтобы авангард наконец-то «дал бой» приторному соцреализму, чтобы «окончательно разгромить» общественные устои и т. д.

Думаю, что этот, направленный против движения исторического прогресса реактивный жест авангарда отнюдь не случаен. Он продиктован прежде всего страхом художника оказаться просто поставщиком красивых вещей, угождающих вкусам рынка, страхом быть втянутым в механизм индустриального прогресса в качестве его простого винтика, что неизбежно грозит ему в условиях, когда искусство как таковое утратило всякую претензию на истину, – вследствие, как я уже отметил, утраты того референта, в отношении которого можно было говорить об истине искусства, т. е. Природы. Поэтому считаю, что художник авангарда обращён отнюдь не в историческое будущее – от будущего как продолжения господствующей тенденции художник не ждёт для себя ничего хорошего, – а в будущее эсхатологическое, совпадающее для него с абсолютным прошлым, предшествующим скомпрометировавшей себя культурной традиции.

Речь идёт о прошлом до начала всякого исторического прогресса, до начала художественного мимезиса или, иначе говоря, об архаике, относительно которой можно сказать, что она так же находится в начале времён, как и в глубине человеческой психики в качестве её бессознательного начала, предшествующего всякой сознательной интеллектуальной или эмоциональной активности. В этой перспективе авангард с неизбежностью понимает творчество как разрушение, как редукцию, как аннигиляцию традиции. Но это понимание является не результатом его нигилизма, простой любви к разрушению или веры в историческое будущее, предполагающей как раз продолжение традиции, а, наоборот, выражением уверенности в том, что путём окончательной ликвидации традиции – к тому же изнутри уже разрушенной – окажется возможным вернуться на новом этапе к изначальным формам жизненной и художественной практики и таким образом остановить прогресс и вернуть миру его единство и смысл.

Вот тут-то и проявляется во всей своей глубине значение цикла живописных полотен, озаглавленных Кагаровым «Суфи Арт». Это он – романтический символист – в своих полотнах постоянно говорит о смысле Бытия, единстве не только пространства, но и духовных ценностей для человека.

Медат Кагаров считал, что учение о происхождении человека совершенно особенное: соединение души с телом и изгнание их в здешний мир было предрешено Богом по причинам, лишь Ему известным. Тело является для души, существовавшей раньше

его, лишь темницей, из которой она постоянно стремится вырваться, и смерть тела есть возвращение души к блаженному состоянию, соединение с Божеством. Поэтому так часты на полотнах Кагарова клетки с птицами, как с душами людей.

Из полотна в полотно кочует у Кагарова тема торговцев птицами. Они разные, эти торговцы, но суть одна – божественное предопределение. Купи и ты клетку с птицей, а потом освободи птицу, пусти её на волю так, как ты сам бы хотел, чтобы душа твоя освободилась и в полёте незримо соединилась с ангелами Чистоты и Покоя.

Итак, надо стремиться освободить душу из темницы и не жалеть ни о чём земном, что является лишь слабым отзвуком вечного, небесного. В одном из стихотворений из Дивана Шамс-и-Табриза эта мысль сформулирована так:

*Всё, что видишь ты, имеет
Прототип свой в мире том:
Пусть постигло форму тленья,
Он живёт нетленный в нём.*

Искусство живописи, основанное на постулатах разумности, – это всегда творение нового смысла. Сегодняшняя гармония живописного языка состоит, на мой взгляд, в том, что ей подвластны как внешние обстоятельства человеческого существования, так и психология, мотивы поведения поступков человека.

Всматриваясь в полотна Медата Айтахуновича Кагарова, приходишь к выводу, что именно таким образом автор пытается охарактеризовать своё восприятие и своё понимание всеобъемлющего понятия преемственности искусства. Основной задачей, которую Кагаров ставил перед собой, было осмысление поступательного движения целого – национальной художественной культуры – от одного уровня к другому, более высокому, современному, на котором, собственно, это целое только и может обрести себя как подлинная историческая реальность. Разумеется, что решение этой задачи под силу зрелому теоретическому знанию, вооружённому прогрессивной концепцией общественного развития. Подобно тому как искусство, участвующее в создании новой жизненной реальности, находит самую надёжную опору в традициях и принципах реализма, познание, теория развивающейся культуры не могут базироваться на философии с её разработанной системой диалектических методов. Вызванная к жизни конкретными условиями современного культурного процесса, а именно – необходимостью уяснить в познании (и способствовать решению на практике) проблем ускоренного развития культуры – узбекистанская эстетика призвана стать деятельным, активно-созидательным знанием. Способность видеть в духовной жизни народа процесс, движение должна сочетаться с умением выявлять актуальные проблемы развития, самостоятельно их осмысливать. Она не может быть не открытой, чутко реагирующей системой по отношению к исканиям новых выражений художественной культуры, достижениям конкретных гуманитарно-научных дисциплин, различных форм общественного сознания. Преодоление локальной замкнутости, выход к темам и проблемам, имеющим общечеловеческое значение, навыки мышления в масштабах крупнейших историко-культурных категорий должны сочетаться в ней с умением критически анализировать существующие представления и в необходимых случаях вести полемику.

Медат Кагаров, пожалуй, не задумывался и не подозревал, что подобная подача художественной идеи, которую он применяет в «суфийском цикле», выведет его на новые, ещё не познанные им уровни эстетики. Именно эстетика, считаю я, как компонент национального самосознания остро нуждается в определении таких параметров художественной культуры, как начало, основные периоды её развития, связи и взаимодействия с прочими культурами и, в конце концов, её связь с современностью.

Практика художественной культуры благодаря эстетике обретает форму рефлексий о себе, способность вносить коррективы в ход собственных процессов. И это,

я думаю, единственный канал, по которому возможно воздействовать на художественную деятельность, иначе говоря, достичь целей управления культурой, в том числе – ускоренного развития.

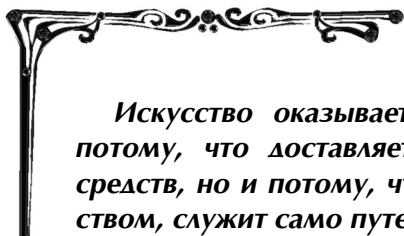
Память, историко-культурная преемственность, национальное своеобразие искусства являются предметом и инструментом эстетики. Поэтому эстетика не просто стремится к изучению, познанию, но и проявляет заинтересованность в полнокровном существовании. Самоопределение той или иной, даже абсолютно новой концепции как фактора конкретного культурного процесса, начинается с решения вопроса о так называемых «вживаемости» или «внезаходимости» исследователя-художника по отношению к своему материалу.

Творчество Медата Кагарова – пример истинно узбекского национального искусства, которое базируется на живописи Афрасиаба, Варахши, Пенджикента, Топрак-калы, Халчияне, Кургантепе, Дильберджине, Балалык-тепе, Минг-ой, Бамиане, Уструшаны и ряде других древних археологических объектов.

Изумительные по содержанию полотна Кагарова «Приезд красавицы», «Инна со Швондером», «Человек – ящик», «Прикосновение», «Рождение новой луны» или «Мелодия одинокого путника», «Восточная сказка», «Отдых», «Выбор», да и десятки других чарующих вещей художника, могут сказать об Узбекистане такое, что и десяток заумных академий не сможет выразить.

...Он истинный философ красок, холстов, и живописных кисточек, в которых и заключен смысл его Бытия. В его мастерской, среди запаха масла, растворителей и отменного кофе, витала амброзия истинной Красоты.

Всматриваешься в них, и душа наполняется таким высоким просветлением, что слёзы невольно наворачиваются...

Искусство оказывает нравственное действие не только потому, что доставляет наслаждение путем нравственных средств, но и потому, что наслаждение, доставляемое искусством, служит само путем к нравственности.

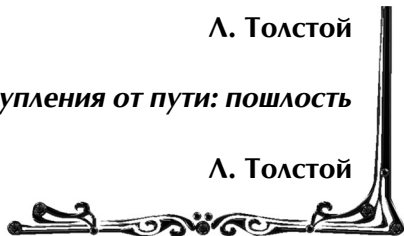
Ф. Шиллер

Оценка достоинства искусства зависит от понимания людьми смысла жизни, от того, в чем они видят благо и в чем зло жизни.

Л. Толстой

У всякого искусства есть два отступления от пути: пошлость и искусственность.

Л. Толстой

проза

ПОСЛЕДНИЙ ХРАНИТЕЛЬ КИПУ

Рассказ

* * *

Солдат фортуны Гонсало де Варгас присел и заботливо стряхнул пыль с рыжеватых сапог.

Сапоги у него появились недавно – их прежний хозяин остался у горного перевала рассматривать лёгкие облачка неподвижными глазами. Бедняге повезло – он почти не мучился. А Гонсало повезло ещё больше: сапоги пришлись ему как раз по ноге, и солдат легко зашагал по ржаво-красной земле этой варварской страны. «Вот бы ещё коня», – думал он, и конь услужливо появлялся в скупом воображении де Варгаса: не терпеливо грыз уздечку, помахивал хвостом. Его конь.

Совсем рядом, в красной долине, солдата ждал сказочный город. Индейцы называли его «Куско». Про этот город плели такие рассказы, что у де Варгаса начинало стучать в висках и жечь внутри, как от сильной жажды. Говорили, Куско – это центр мира, а золота там столько, что даже мощные стены покрыты им. «Моё сердце поражено страшным недугом, и вылечить его может только золото», – с усмешкой подумал де Варгас. Он прислонился к тёплой скале и закрыл глаза. Золото – вот бог, творящий чудеса, превративший грязного свинопаса из Саламанки в бесстрашного солдата. И если повезёт, этот бог ещё увидит, как блистательный дон Гонсало будет пить вино из золотых кубков, спать на реннских простынях и лихо носить за поясом мягкие перчатки из Кордобы.

До других богов солдату не было дела. И богам до него, наверное, тоже. Куда, скажите, смотрел всевышний, когда пьяный капитан де Варгас по прозвищу «Длинный» соблазнил глупую, полнотелую Инес Каско, служанку монастыря Пуэрта-де-Кориа? Создатель, верно, повернулся спиной к тяжёлым стенам обители, а в это время Инес проворно лишилась девственности и столь же расторопно понесла. Она бродила по коридорам монастыря в душном облачке животного ужаса и страсти, едва понимая обращённые к ней слова, и достаточно скоро нехитрая её тайна была раскрыта. Инес оказалась за забором, де Варгаса-старшего простыл и след, а выгнанная кастелянша заковыляла по узкой тропе к дому матери, иногда останавливаясь от давящей на грудь тошноты, с надрывным кашлем наклоняясь над придорожной травой. Так началась бурная жизнь Гонсало де Варгаса, стремительно выхватившая мальчишку из тихой

Наталья КРОФТС

Родилась в Херсоне. Окончила МГУ и Оксфордский университет. Автор множества публикаций, в том числе в журналах «Нева», «Юность», «Новый журнал», «Звезда Востока», «Работница», в «Литературной газете» и многих других изданиях. Живет в Сиднее (Австралия).

испанской деревушки, чтобы забросить его в бойню под Миланом, а потом в Новый Свет, к войнам, болезням и варварам. Солдат фортуны был равнодушен к чудесам этих земель: невиданным городам, заснеженным вершинам и лиановым лесам. Он яростно гнался за величественным доном, давно представшим ему в мечтах, – за новым Гонсало де Варгасом: солдат уже видел, как растерянно хлопает глазами его постаревшая мать, как будут яростно шептаться соседи, не веря, что ослепительный господин – это и есть неграмотный байстрюк, долго сносивший их насмешки. И Гонсало настойчиво шагал вперёд – навстречу своему мерцающему богу, навстречу сиятельному дону де Варгасу, навстречу заветным перчаткам, прочно захватившим его воображение.

Ночи в этих горах были чертовски холодны. Даже видавший виды де Варгас долго не мог уснуть. Завтра – Куско, и фортуна решит, набивать ли ему карманы, сумки и сапоги золотом или неподвижно лежать на этой красной земле в луже крови, под ногами других везунчиков, сгребаящих добычу.

Но фортуна помогла своему солдату: войско инков, потрёпанное небольшой испанской конницей, этой ночью тихо ушло, и в городе остались только мирные жители, ошалело глазевшие на лошадей, на волосатые лица пришельцев, на их сверкающие шлемы... Де Варгас ненадолго опешил от непривычного величия, чистоты и порядка – прямые улицы, каменные дома, тихое журчание воды. С холма на пришельцев мрачно смотрела какая-то крепость – две огромные круглые башни, сложенные из гигантских валунов. Говорят, там-то и были самые богатые запасы – в бесконечных лабиринтах тёмных комнат.

Сжимая рукоять кинжала, Де Варгас быстро пошёл наудачу, почти принохиваясь: где, где варвары спрятали золото? Его встречали тёмно-красные стены, склады жалких дротиков и стрел, комнаты с мерцавшими тканями, запасы еды, пугливые фигуры, шарахавшиеся от него, как летучие мыши от огня. ...Болезнь сердца, излечимая только золотом, жгла нутро, рука всё злее сжимала сталь. Ещё одна комната. Безбородый старик выскочил в дверной проём, торопливо заговорил, пытаясь схватить де Варгаса за рукав потрёпанной куртки. Ага, вот где ты прячешь сокровища!

Солдат быстро сунул кинжал под ребро дикарю, отпихнул его согнувшееся вдвое тело и шагнул в темноту. Мотки разноцветной пакли, разукрашенные деревяшки. Маленькое лицо, испуганно глянувшее из угла на де Варгаса. Золота не было и здесь.

– Варвары, – в бешенстве прошипел Гонсало, резко бросил в комнату горящий факел и долго смотрел, как весело потрескивала под красными огоньками разноцветная пакля.

* * *

Самым прекрасным было созвездие Чёрной Ламы. Она выходила на Млечный Путь, чуть пугливо, недоверчиво озираясь на Лиса, принохивалась к прозрачному колкому воздуху ночных гор. Потом за матерью робко появлялся мохнатый детёныш, и восьмилетний Теуотихи каждый раз невольно сжимался: ему казалось, что глаза Лиса наливаются красным, и пушистый зверь начинает тихо подкрадываться к малышу, аккуратно ступая по острым песчинкам звёзд. Тогда весь мир замирал и ждал...

По ночам Теуотихи часто смотрел на небо – он безумно хотел увидеть, как Чёрная Лама спустится на землю, чтобы напиться воды из моря. Она пойдёт по Млечному Пути мимо толстой жабы и могучего змея, а потом вдруг прыгнет вниз, словно с горного уступа, и мягко опустится на красную землю Детей Солнца. Теуотихи знал, что пить Лама должна непременно, иначе воды на земле будет слишком много и начнётся потоп – так сказал ему дядя Киспе-Сонко.

Дядя был самым мудрым из всех, кого знал маленький Теуотихи. Он хранил бесчисленные мотки чудесных историй – таких, от которых становилось тепло и грустно, а глаза начинали слезиться, как от едкого дыма. И название у этих мотков было мягкое, ласковое, словно пух – «кипу». Разматывая длинные цветные нити, дядя умел вызывать слова о творце Виракочу, населившем мир, и Теуотихи видел, как первые люди выходят из вод огромного озера, раздвигая упругий жёлтый камыш у самого

берега. А если Киспе-Сонко разворачивал знакомый моток, украшенный ракушками с далёкого побережья, то начинала мерно струиться грустная история о достославном пастухе и дочери Солнца. Сказаний было множество, и вослед за неспешным старческим речитативом Теуотихи бесконечно повторял их про себя, даже когда не совсем понимал, о чём говорят эти волшебные нити.

Но больше всего мальчик любил маленькие пёстрые мотки, полные весёлых историй. Он радостно хихикал каждый раз, когда лукавая морская свинка уговаривала глупого крестьянина: «Не ешь меня, я вовсе не свинка, а просто работник: маленький-маленький, но очень ловкий и способный». Так ярко видел Теуотихи умные круглые глазки, так ясно слышал плутоватый голосок. Но прекраснее всего была сказка о лисе, одолжившем у птицы клюв: как же радовался рыжий музыкант прекрасным звукам, как весело пускались в пляс на полянке два полосатых скунса!

Только с недавнего времени дядя Киспе-Сонко стал рассказывать новые истории – страшные и нелепые. Будто движутся по красной земле зловещие чужаки: их шерстяные лица похожи на морды лам, они едут верхом на невиданных зверях и знают, как извергать смертельный огонь из палок. Но при столь огромной силе они безумны: носят на головах поваренные котлы, которыми никогда не пользуются. Они не чтут ни прародительницу Пачамаму, ни духов гор Апу, ни самого Инти, бога Солнца. Варвары, без короля и законов.

Киспе-Сонко стал печален, подолгу задумывался, глядя на пёстрые мотки, беззвучно и озабоченно шептал себе что-то. Он всё чаще сплетал длинные нити в чудесные узелки, и Теуотихи понимал, что дядя создаёт новые кипу, пытаясь сохранить рассказ об этих тревожных временах. Всё настойчивей Киспе-Сонко велел мальчику повторять заученные истории, ласково поправляя ошибки, тихо подсказывал. Иногда старик обходил тёмные коридоры хранилища, прислушивался к звукам.

...Ночь выдалась холодной, и малыш, сжимаясь в комочек под тяжёлыми одеялами, видел, что дядю лихорадит. Проснулся Теуотихи от шума: за стенами слышались крики, звучала странная речь. Он вскочил и забился в тёмный угол, чтобы не мешать Киспе-Сонко, озабоченно шагающему по хранилищу от одной полки кипу к другой. Вдруг крики раздались уже здесь, совсем близко. Кто-то тяжёлый и страшный шёл по коридору, гулко звенел металл. Киспе-Сонко метнулся к двери – перед ним возник чудовишный незнакомец огромного роста: чёрная волосатая морда, мясистый нос, дикие глаза.

– Пожалуйста, господин! Мы накормим, мы дадим золота, – торопливо заговорил старый хранитель, пытаясь схватить ужасного незнакомца за рукав, увести от бесценных кипу, отвлечь.

Блеснул серебристый металл – дядя Киспе-Сонко тихо согнулся вдвое у самой двери. Мохнатое чудовище в блестящих одеждах шагнуло в комнату. По-звериному круглые глаза равнодушно пробежали по моткам древних кипу, по деревянным таблицам, по испуганному мальчику, вжавшемуся в угол. Вдруг чудовище издало страшный рык – непонятный, но, казалось, осмысленный, и от этого стало невыносимо жутко.

Метнулось пламя – огромная лапа резко швырнула факел в самую середину священных кипу, и они тут же загорелись, тихо и весело потрескивая. Красные язычки беспечно плясали по древним сказаниям о сотворении мира, по учётным спискам из разных углов империи, по рассказам о небесных светилах. Горели прекрасные мотки с ракушками, унося в небытие сказку о достославном пастухе и дочери Солнца. Проворный огонёк подкрался к пёстрым нитям, алчно пожирая весёлых скунсов, хитрую морскую свинку и пушистого лиса, самозабвенно распеваящего звонкие песни. Наконец чудовище закашлялось и вышло, задев рыжим сапогом недвижимое тело Киспе-Сонко.

Только тогда узкие глаза Теуотихи наполнились слезами. От жёсткого дыма. От того, что дядя Сонко неподвижно лежал у дверного проёма. И ещё потому, что мягкая Чёрная Лама уже никогда-никогда не захочет спуститься на эту землю.

– Варвары, – сдавленно прошептал последний маленький хранитель кипу. – Варвары.

проза

Нариман ИСКАНДАРОВ

Родился в 1945 г. в Ферганской области. В 1971 г. окончил историко-филологический факультет Калининского госпединститута (ныне Тверской Верхневолжский университет). Автор повестей и рассказов.

ОСТАВЬ ИХ СУДУ ВРЕМЕНИ...

Рассказ

*Лучшая месть – забвение,
оно похоронит врага в прахе
его ничтожества.*
Б. ГРАСИЛИ

I

В почтовом ящике лежала повестка из военкомата! Ах, как же так? Обещали же, что вызовут через полгода, осенью! Вот и прощай, Айгуль. А ведь только сегодня обсуждали с ней, какую свадьбу сыграем, как дом начнём строить. Э-э-х, буквально за секунду всё рухнуло!..

Совсем недавно хохотушка Айгуль, удивительная и нежная дочь соседей, живших этажом выше, доверчиво потянулась к Тимуру и смущенно призналась, что давно любит его. Это ж надо так скрывать! А он, без ума влюблённый в кареглазую красавицу, больше года круживший вокруг неё, даже не догадывался. Ну и глупышка же – столько времени потеряли!

Через две недели были проводы в армию. Только вот Тимура с Айгуль на них почти не было. В самом начале они сбежали из-за торжественного стола, чтобы хоть немного побыть вдвоём. Без них пили горькую собравшиеся родственники и друзья. Без них лила слёзы на кухне мама. Всю ночь влюблённые, держа друг друга за руки, просидели в городском парке на берегу озера.

– Служба пролетит быстро, – уговаривал он то ли себя, то ли доверчиво прижавшуюся к нему Айгуль. – Не бойся, я за себя всегда смогу постоять, а ты, не теряя времени, продолжи учёбу в колледже. Вернись, мы всё наверстаем, жизнь-то у нас впереди ещё долгая. Если помощь какая-то понадобится или зашита, не стесняйся, обращайся к моему другу Ринату.

– А его разве не заберут?

– У него же отец – «шишка». Справку ему о негодности сделали...

Со службой Тимуру повезло. Люди вокруг оказались

хорошие. Только вот дни тянулись ужасно медленно. Благо, хоть письма от мамы и Айгуль приходили часто, они писали, как будто соревнуясь друг с другом. Иногда их послания оказывались в одном конверте. «Вот сидели вместе, чаёвничали, – объясняли они ему на тетрадных листочках, – о тебе говорили...»

Тимур очень скучал по своей любимой. Стоило ему хоть на минутку освободиться от армейских дел, как тут же перед глазами вставал образ нежной Айгуль, до слуха доносился её ласковый звонкий голосок, и почему-то душу заполняла непонятная тревога...

2

Тимур как раз писал письмо Айгуль, глядя на её фотографию: «Зря ты волновалась. Самый трудный период службы уже почти позади...» – когда дежурный по роте сообщил, что его на КПП ждёт мать. Увидев её, сын понял: произошло что-то страшное. Такое лицо у неё было восемь лет назад – после известия о гибели его отца в автомобильной катастрофе.

– Айгуль... лежит в больнице. Тяжелые травмы, – сообщила мать, захлёбываясь слезами, и уточнила: – Её изнасиловали и избили.

После разговора с командиром его отпустили в отпуск. Прямо с междугороднего автобуса направились в больницу. Дверь в палату ему неожиданно преградила мать Айгуль:

– Прошу тебя, не входи... Она не хочет, чтобы ты её такой видел.

– Вам она нужна любая? И мне тоже! Поверьте!

Женщина прижала ладонь к задрожавшим губам, мелко закивала и посторонилась. Тимур, как ему казалось, подготовился к самому худшему. И всё же его глаза не хотели верить тому, что видели: лицо Айгуль представляло собой сплошной кровоподтёк, руки и ноги были изрезаны.

Через три дня Айгуль умерла.

3

Истерзанную до неузнаваемости, истекающую кровью, без сознания, Айгуль нашли недалеко от города, на краю тополиной роши. С кем она могла быть там в тот день, как она оказалась в том месте, ни мать, ни подруги ничего определённого сказать не смогли. Следствие топталось на месте.

А в день отъезда Тимура в часть к нему пришла однокурсница Айгуль – Тамара. Нервно проведя рукой по волосам, потом рубанув ею воздух, она сказала:

– Не могу больше молчать, ты имеешь право знать...

Оказывается, из-за отсутствия преподавателя последней пары лекций в колледже не было. Пораньше освободившись после занятий, Айгуль и Тамара решили прогуляться по центру города. Едва они отделились от группы сокурсниц, как к ним лихо подкатили на автомобиле трое парней и предложили вместе съездить на пикник. Айгуль знала только одного из них, Рината. «Это лучший друг Тимура», – шепнула она подруге. Та сразу загорелась: «Тогда почему бы не поехать? Развеемся немного. Не чужие же ребята».

Девушек с самого начала стала коробить фамильярность спутников, но опасности они не чувствовали. Но вот, перебрал лишнего, Ринат подсел

к Айгуль, обнял и навалился на неё: «Не хочешь сравнить с Тимуром, цыпёнка? Может, не хуже дружка ублажу».

Айгуль защищалась яростно. Схватив оказавшуюся неподалёку толстую суковатую палку, она не промахнулась, смогла ударить почти каждого из подонков. В отблесках ядовито-красного заката Тамаре на какое-то время показалось, что они попали в преисподнюю: пьяные ублюдки набросились на них как зверьё. Тамара не сопротивлялась и отделалась сравнительно легко. Весь ужас истязаний Айгуль приняла на себя.

Когда всё кончилось и мучители исчезли, Тамара, подтащив Айгуль поближе к дороге, оставила её у дорожного указателя, которым обозначают километры. Добравшись до ближайшей телефонной будки на окраине города, она позвонила в «скорую».

– Они убили Айгуль, а ты можешь молчать?

– Извини, и дальше буду молчать. Иначе и меня убьют, и всю мою семью, даже маленькую сестрёнку не пожалеют... Так и сказали: «Попробуйте открыть рот. У наших предков всё схвачено, нас всё равно вытащат, а вот вы тогда берегитесь...» Тимур, если пойдёшь в милицию, знай, я буду всё отрицать.

Тимур вернулся в часть. Остальное время службы для него было важно одно: он приговорил троих подонков к высшей мере наказания. И жил теперь лишь для того, чтобы исполнить этот приговор.

Служил Тимур в своей роте каптенармусом, поэтому незадолго до демобилизации он уже прятал в своих личных вещах пистолет ТТ с запасной обоймой патронов, добытых только ему известными путями.

4

И началась его охота на подонков. Вернувшись из армии, Тимур продолжал поддерживать с ними видимость дружеских отношений. Главным для него было – не сорваться. Он сам удивлялся тому, откуда у него берутся силы на радушные улыбки, «товаришеские» похлопывания по плечу и совместные выпивки. Настало время, когда окружающим стало казаться, что он пережил остроту горя, и теперь его жизненным девизом стали традиционные истины вроде: «молодость прекрасна», «жизнь продолжается».

Только мать сердцем чувствовала безмерное напряжение сына. Её пугала его сосредоточенная молчаливость и замкнутость. Как-то она сказала Тимуру:

– Сынок, тебе не кажется, что ты давно не был у бабушки. Может, пора уже проведать его? Заодно поделился бы с ним тем, что сердце гнетёт, глядишь, и легче станет...

Дедушка Салим пользовался у внука непререкаемым авторитетом. Институт он не оканчивал, но обладал редким природным умом и мудростью. Махаллинцы шли к нему как за житейскими, так и за судьбоносными советами. Для всех он находил время и доброе слово...

В один из дней «друзья» договорились вчетвером поехать на шашлыки. Проходя утром на встречу с ними мимо бабушкиного дома, Тимур вспомнил наставление матери, остановился у калитки, некоторое время подумал, потом решительно нажал на кнопку звонка...

Бабушка Замира, шумно радуясь приходу внука, моментально накрыла на просторной деревянной тахте под виноградником дастархан и подала чай с любимым внуком медовым чак-чаком.

Протягивая молчаливому Тимур пиялу с чаем, Салим-ата заметил на его лице грусть и сосредоточенность. Посмотрев сочувственно в глаза внука, он спросил:

– Если не ошибаюсь, у тебя появилась необходимость рассказать мне что-то и посоветоваться о чём-то? Правильно поступил, что пришёл и давай не мучайся, выкладывай: одна голова хорошо, а две лучше...

Тут Тимур прорвало: он заговорил торопливо, перебивая самого себя. В какой-то момент почувствовал: по лицу текут слёзы, но стыдно за них совсем не было. Может, оттого, что слушал его дедушка как-то особенно: словно принимая на себя часть его сердечной боли. Салим-ата ответил внуку не сразу, словно сам что-то преодолевал, потом сказал:

– Оставь их суду времени. Ну, предположим, сделаешь ты, как задумал. И что? Они примут быструю смерть, а тебе придётся мучиться всю жизнь. И мать загубишь. Подумай, сможет ли она выдержать те страдания, которые ты ей принесёшь? Послушай меня и поверь: каждый за своё ответит. Лучшее орудие мести – время. Ещё никто не смог избежать его суда...

5

Выйдя от деда, Тимур поспешил не на встречу с «друзьями», а в аэропорт и вылетел в Ташкент. В столице ему повезло: он легко поступил в строительный институт. После успешного окончания вуза его оставили работать на новостройках Ташкента. Работал как вол, по 16 часов в сутки. И всё-таки временами пронзала душу нестерпимая боль, сверлила мысль: а не предал ли он свою Айгуль, оставив её смерть неотмщённой?

Сейчас Тимур генеральный директор крупной строительной компании, и его имя уже произносят в столице в уважительном сочетании с отчеством Абдуллаевич. Вот только никто не смог заменить ему Айгуль. И он до сих пор холост.

Совсем недавно, по прошествии многих лет после того трагического происшествия, сделав над собой усилие, Тимур поехал в родной город. И что же его там ждало? Нашёл «троицу»... Один стал беспробудным алкоголиком, пропил всё, включая квартиру. Некогда самоуверенный наглый хлыш превратился в вонючего бомжа, копающегося в мусорных свалках. У второго беда ещё хуже: оба сына сидят на игле – героиновая зависимость. Ну а с «лучшим другом» встретиться ему так и не довелось, опоздал: четыре года назад Ринат сгорел в собственной квартире во время пожара, который возник от не затушенной им же по пьянке сигареты. И вспомнились тогда Тимур слова мудрого деда Салима: «Оставь их суду времени...»

караван истории

Рубен НАЗАРЬЯН

Кандидат филологических наук, доцент СамГУ, председатель правления Самаркандского общества преподавателей рус. яз. и лит.

Автор многочисленных научных статей, опубликованных в разных странах, нескольких книг и монографий.

Обладатель российской медали в ознаменование 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина.

«САМЫЙ ОБЫЧНЫЙ ГЕНИАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

(к 125-летию со дня рождения Е. Д. Поливанова)

Начало научному изучению узбекского языка было положено 140 лет тому назад, когда в Санкт-Петербурге небольшим тиражом была издана книга *«Грамматика турецкая, персидская, киргизская и узбекская» (1875 год)*. Автор ее, бывший туркестанский офицер Михаил Терентьев, в означенное время работавший в прокуратуре Петербургского военно-окружного суда, год спустя был удостоен за нее высокой награды – бриллиантового перстня из рук российского императора Александра II. В последовавшие затем десятилетия лингвистами России и Туркестанского края предпринимались отдельные – удачные и дилетантские – попытки внести свой вклад в названную отрасль языкознания. Однако же, вне всякого сомнения, наиболее значимые результаты в изучение различных аспектов узбекского языка внесли работы выдающегося лингвиста XX столетия Е. Д. Поливанова...

В августе 1921 года в столицу Туркестанской автономной республики – Ташкент – «для налаживания научных связей» с российскими вузами и научными центрами был командирован из Москвы профессор Е. Д. Поливанов. К своим тридцати годам он уже успел проявить себя не только в научной и преподавательской деятельности.

Евгений Поливанов родился в 1891 году в семье потомственного дворянина в Смоленске. Отец его, бывший офицер, выйдя в отставку, три десятилетия прослужил в железнодорожном ведомстве. Получив начальное домашнее образование, Женя поступил в рижскую гимназию, после окончания которой в 1908 году стал студентом Восточной академии в Петербурге. А затем еще один год Поливанов провел в стенах Петербургского университета, обучаясь сразу на двух факультетах – восточном и историко-филологическом. С 1912 по 1915 годы преподавал русский, французский и латинский языки в частной гимназии. В 1915 году он, сдав магистерский экзамен, стал приват-доцентом по японскому языку и сравнительному языкознанию, а пять лет спустя – профессором столичного университета. В эти годы он трижды побывал в Японии, а также в Китае и Корее. После большевистского переворота Поливанов, как признанный

специалист-востоковед, некоторое время служил заместителем Наркома иностранных дел Л. Д. Троцкого и одновременно заведовал Восточным отделом Коминтерна...

Кратковременная командировка в Ташкент затянулась на целое пятилетие: руководство республики уговорило центр оставить видного специалиста для подготовки местных научных и педагогических кадров. Поливанова трудоустраивают на профессорскую должность сразу в два высших учебных заведения – в Среднеазиатский государственный университет и Туркестанский Восточный институт, в которых он стал читать лекционные курсы по общему языкознанию и тюркским языкам. Помимо этого Евгений Дмитриевич исполнял по совместительству еще и обязанности заместителя председателя Государственного ученого совета (ГУС) при Наркомпросе Туркестана.

В это время многие ученые страны принимали активное участие в национально-культурном строительстве: они не только сотрудничали с научными центрами и комиссиями по разработке проблем национальной письменности и культуры, выступали на пленумах и печатались в ведущих журналах и сборниках Всесоюзного Центрального Комитета Нового Алфавита (ВЦК НА), но и вели острую полемику с представителями национальных интеллигенций. Споры эти касались различных сторон в области культурного строительства.

Одной из основных причин полемики был вопрос о модернизации языковой графики. Толчком к поиску путей усовершенствования некириллических письменностей народов, населявших страну Советов, послужила реформа орфографии русского языка 1917 года. Вопрос об упрощении существующих письменных культур на территории СССР, продиктованный жизненной необходимостью в сложившейся социально-политической конъюнктуре 20-х годов, был открыт перед многими народами, имевшими старую традиционную письменность.

На первых этапах культурно-языкового строительства это коснулось прежде всего многих тюркских письменных культур, в которых с принятием ислама закрепилась письменность на основе арабской вязи. Ввиду различного строя семитских и тюркских языков, последние вынуждены были по-разному приспособлять арабский алфавит под свои нужды, изобретая, например, дополнительные знаки для обозначения своих гласных звуков.

В эту полемику включился и профессор Поливанов: в 1922 году на II съезде работников просвещения в Ташкенте он сделал доклад о латинском алфавите для узбекского языка. А год спустя вышла в свет его брошюра, посвященная проблемам реформы графики некоторых тюркских языков. Это и стало началом работы Евгения Дмитриевича над изучением языков народов Средней Азии.

Следует отметить, что Поливанов до этого не только владел десятком европейских (французским, немецким, английским, латинским, греческим, испанским, сербским и польским) и восточных (ассирийским, японским, китайским, корейским и малайским) языков, но и написал о них большое количество научных статей.

Оказавшись в Ташкенте и самостоятельно освоив узбекский язык, он вскоре подготовил к печати учебник для русскоязычных жителей Туркестана («Введение в изучение узбекского языка»), а также (совместно с Л. И. Пальминым) русский «Букварь для нерусских детей Туркестана».

Поливанов показал себя здесь тюркологом самого высшего класса: он не только описал множество диалектов и говоров узбекского и других тюркских языков, но и активно включился в дискуссию о диалектной базе узбекского литературного языка. Трудно переоценить тот огромный вклад, который внес этот блестящий ученый в изучение узбекского языка и его диалектов. Евгений Дмитриевич участвовал в лингвистической переписи населения и в национальном размежевании Туркестана, создавал вместе с другими лингвистами и педагогами учебники, программы и другие методические материалы. Помимо чтения лекций в Восточном институте и

на историческом факультете САГУ, Поливанов уделял много времени научной работе – как в области тюркологии, так и в области общего языкознания. В эти годы он особенно интенсивно разрабатывал вопросы теории эволюции языка.

В 1923 году в Ташкенте разгорелась очередная дискуссия вокруг Туркестанского Восточного института. Отчетливо просматривались два подхода. Одни, во главе с востоковедом В. Н. Кучербаевым, утверждали, что студенты за период своего обучения должны выучить персидский, арабский и тюркский языки. Противоположной позиции придерживался Е. Д. Поливанов. Туркестанский Восточный институт, по его мнению, должен был стать институтом «крае- или родиноведения», высшей школой изучения Туркестана, так как в других российских вузах специалистов по региону практически не готовили. Восточный институт, полагал он, должен сочетать в своей работе лишь два основных направления:

1) быть высшей филологической школой для местных народов: узбеков, казахов и туркмен;

2) быть орудием использования европейцев для плодотворной их работы в соответствующих государственных учреждениях республики.

«Контингент учащихся на этом отделении Института будет, естественно, главным образом из коренных народностей, – считал Е. Д. Поливанов. – Но куда же в дальнейшем пойдут эти слушатели по окончании института? Теперь, во время чисто деловой школьной политики, мы не имеем права думать ни об одном отделении вуза без того, чтобы не знать, к каким практическим функциям оно готовит. И здесь ответ ясен. Эти слушатели будут наивысшей квалификации работниками просвещения специально для Туркестана. Отсюда вывод: такое отделение (краеведение с филологическим уклоном – отделение культуры и литературы местных наций и ближнего Востока вообще) следует по функциональному признаку назвать отделением Наркомпроса.

Я избегаю называть "Педагогическое отделение" потому, что объем функций его шире, чем педагогика. Конечно, главным образом, эти местные туркестановеды (из обширной категории человековедов, то есть гуманитаристов) будут преподавателями высшей и нужнейшей для края квалификации в разных учреждениях просвещения (где они более всего нужны) до школ первой ступени. Но возможна и иная просветительная деятельность, в том же Наркомпросе или около него (Госиздате), например, в Национальных научных комиссиях Туркестанского Государственного Ученого Совета, авторство учебной, научной и научно-популярной литературы на местных языках, просветительская общественная работа на широкой арене и т. д. и т. д.»

Учитывая нужды Туркестанской республики и весьма сжатые сроки подготовки специалистов, Е. Д. Поливанов выступил и против одновременного изучения студентами нескольких восточных языков. В своей докладной записке руководству Наркомпроса он отмечал, что традиция «арабско-турецко-персидского отделения» с равными правами каждого языка не выдерживает никакой критики. Обосновывая свое мнение, он писал: «Когда я познакомил с нашей многоязычной программой Московский Институт востоковедения, профессора и студенты ужаснулись: как у ваших студентов головы выдерживают? И научатся ли они? А сравним японский Токийский институт иностранных языков, где действительно хорошо обучают (европейскому или восточному, например, китайскому) языку, но только потому, что студенты фактически 60 часов в неделю посвящают одному своему языку.

Я слышал, правда, соображения, что турецкому языку нужно учиться после арабского и персидского, потому что в них много арабских и персидских элементов. Но это вздор: поскольку чужое входит в турецкий язык, это чужое можно преподавать на уроках турецкого же языка. Ведь не требуем же мы от обучающегося русскому или другому европейскому языку, чтобы он сначала научился по-гречески и по латыни, потому что в русском много латинских и греческих терминов (но познакомить с этимологиями иностранных слов на уроках русского языка полезно)...»

В 1926 году, вернувшись из Средней Азии, Евгений Дмитриевич стал профессором Московского института востоковедения. Этот период (1926–1929 гг.) для ученого был самым плодотворным временем в научном отношении. Именно в эти годы были осуществлены все его основные общелингвистические публикации: «Введение в языкознание для востоковедных вузов», статьи «О литературном (стандартном) языке современности», «Русский язык сегодняшнего дня» и др. В конце 20-х годов Поливанов составлял новые алфавиты для народов СССР, в частности, разработал тюркский алфавит на основе кириллицы. Авторитет ученого был признан ведущими лингвистами мира, и будущее рисовалось Евгению Дмитриевичу в розовых тонах.

Однако вскоре все изменилось: 4 февраля 1929 года Поливанов по собственной инициативе открыто выступил с уничтожающей, но конструктивной критикой яфетической теории Н. Я. Марра, господствовавшей тогда в отечественном языкознании. Именно после этого выступления началась яростная травля ученого. Его труды были объявлены «истощным воем эпигона субъективно-идеалистической школы», а он сам – «разоблаченным в свое время черносотенным лингвистом-идеалистом». На дискуссиях принимались резолюции, в которых клеймили позором «хулигански-наглое, циничное выступление профессора Поливанова». Его называли «кулацким волком в шкуре советского профессора». Ответ Поливанова оппонентам, по понятным причинам так и оставшийся ненапечатанным, был полон достоинства. Он писал: «В пересмотре, которому подлежит все наследуемое советской наукой, нет места ни авторитарному мышлению, ни кваканью профанов».

Снятый со всех должностей и обвиненный марристами в идеализме, «буржуазном индоевропеизме» и прочих смертных грехах, лишенный всякой поддержки и возможности работать в Москве или Ленинграде, Поливанов был вынужден уехать в Узбекистан. Там, как ему казалось, у него еще остались покровители в лице местного руководства, которое некогда высоко ценило его заслуги. И летом 1929 года Евгений Дмитриевич уехал в Самарканд, бывший в то время столицей молодой Узбекской республики, по приглашению тамошнего Наркомпроса в качестве участника научной экспедиции.

Завершив эту экспедицию и приняв предложение руководства республики о дальнейшей работе в Самарканде, он осенью возвращается в Москву лишь для ликвидации дел. А затем, в конце года, Поливанов становится сотрудником Узбекского государственного научно-исследовательского института (УзГНИИ), находившегося тогда в Самарканде. Он преподает различные предметы на курсах переподготовки учителей, создает и внедряет программы по русскому языку для начальной школы, пишет различные учебники и методические пособия.

В январе 1930 года по рекомендации известного московского поэта Георгия Шенгели, приглашенного в то время в Самарканд для чтения лекций, Е. Д. Поливанова принимают на работу по совместительству на должность профессора кафедры языка и литературы в Высший педагогический институт, открытый 22 января 1927 года, преобразованный в 1930-м в Узбекскую государственную педагогическую академию, а затем (в 1933 году) в Узбекский государственный университет (УзГУ). Здесь он читает курсы общего языкознания на узбекском языке и научной грамматики русского языка, руководит всеми научными работами сотрудников вуза по общему языкознанию, преподает узбекский язык русскоязычным студентам института.

В феврале 1931 года на кафедре обсуждалась написанная им программа по научной грамматике узбекского языка. Это учебное пособие, по настоянию Поливанова, непременно должно было быть издано на русском языке, так как автор предназначал его для изучения людям, жившим за пределами Узбекистана. Часть его была уже подготовлена к печати, а выход в свет намечен на 1933 год. Сама же программа и протокол ее обсуждения сохранились и находятся в фондах Самаркандского областного архива (Ф. 521, оп. 1, ед. хр. 42, лл. 4-7).

Но и здесь жить оказалось гораздо тяжелее, нежели раньше, ибо марризм проник уже и в Среднюю Азию. Преподавание в Узбекской государственной педагогической академии оказалось недолгим: летом 1931 года он был уволен. Профессор продолжал служить в Узбекском государственном научно-исследовательском институте, но и там постепенно складывалась тяжелая обстановка. Однако же, несмотря на все трудности, научная работа его все-таки продолжалась. Поливанов по-прежнему организовывал экспедиции для изучения различных узбекских диалектов. Новыми сферами его деятельности стало изучение каракалпакского языка (тюркская семья) и распространенного тогда в Узбекистане, а сейчас практически исчезнувшего языка бухарских евреев, относящегося к иранской семье языков. По обоим языкам им была напечатана лишь небольшая часть сделанного. Кстати, сохранилось свидетельство современника, что, находясь в Нукусе, Евгений Дмитриевич за один месяц не только выучил каракалпакский язык, но и прочел на нем лекцию для его носителей.

В быту знаменитый профессор был человеком скромным и непритязательным. Он жил в одной из худжр мечети мусульманского квартала Кулолон. В ее помещении, кроме книг и некоторых кухонных принадлежностей, ничего не было. Прекрасно владея арабским языком и хорошо зная Коран, Евгений Дмитриевич в мягкой форме делал замечания местным священнослужителям, нередко допуская ошибки при произношении молитв и в письме.

После переноса столицы республики в Ташкент Поливанов в начале 1931 года вместе с институтом переезжает туда. Теперь объектами его внимания становятся регионы Ташкентской и Ферганской областей. Евгений Дмитриевич в мае 1932 года в составе экспедиции Терминологического комитета совершает поездку в Чирчик, Ахангаран и районы Ферганской долины. В последующие же годы он побывал в Шовате, Кунграде, Шахрисабзе и других населенных пунктах республики с целью изучения узбекских народных говоров.

Между тем, инициированная центром травля ученого продолжалась и здесь. Вместе с женой Бригиттой Альфредовной Нирк он жил в старгородской части Ташкента в маленьком домике с земляным полом. Весьма ярко характеризуют Евгения Дмитриевича воспоминания его ташкентского знакомого тех лет П. А. Данилова: «Одет он был бедновато, в каком-то плохоньком стареньком костюмчике. На голове у него была такая же старенькая кепочка... Пожаловался, что ему приходится преподавать русский язык в начальной национальной школе; что ему не дают работать в научных учреждениях и вузах и не печатают его статей в научных журналах. И чтобы как-либо удержаться и продолжать научную работу, он вынужден посылать свои статьи в зарубежные научные журналы. Там его охотно печатают и по его просьбе гонорар высылают на Торгсин. Это и позволяет ему как-то сводить концы с концами». Именно так жил тогда всемирно известный ученый и бывший заместитель наркома иностранных дел Л. Д. Троцкого, определявший некогда отношения страны со многими государствами...

Несмотря на то что условия существования ученого в Ташкенте становились попросту невыносимыми, Евгений Дмитриевич целеустремленно продолжал научную деятельность: «...Я занят научной работой (включая чтение корректур) не менее десяти часов в сутки (регулярно с пяти-шести часов вечера до поздней ночи)», – признавался он своему коллеге. Но ведь до этого он еще читал лекции, трудился в библиотеке и издательстве, записывал местные говоры. Его титаническая работоспособность просто изумляла как соратников, так и недоброжелателей всех мастей.

Именно в этот период Поливановым были написаны многочисленные научные труды, среди которых следует выделить «Материалы по морфологии узбекского языка», «Научную грамматику узбекского языка», «Морфологические особенности опорных говоров узбекского языка», «Говор ферганских кипчаков», «Генезис иранизированных узбекских говоров», «Умлаутные говоры узбекского языка». В это же

время им были написаны несколько статей об особенностях говора бухарских евреев Самарканда и Ферганы, функционировании арабского языка в окрестностях Бухары и фонетических особенностях современного уйгурского языка. Конечно же, не все из созданного им было опубликовано. Более того, немалое число работ Евгения Дмитриевича бесследно исчезло после его ареста и гибели в застенках Лубянки...

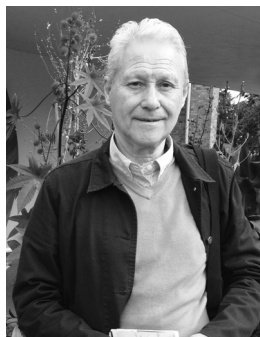
Не будучи в силах противостоять гонениям, профессор Поливанов осенью 1934 года переезжает в столицу Киргизии. Здесь он становится профессором и заведующим сектором дунганского языка в Институте культурного строительства. По совместительству преподает и в местном педагогическом институте. Находясь во Фрунзе (нынешний Бишкек), Евгений Дмитриевич продолжает изучать различные диалекты и говоры народов Средней Азии. И здесь им были созданы около трех десятков трудов по востоковедению, которые Поливанов готовил к публикации. Но планам этим не суждено было осуществиться: в годы массовых репрессий Евгений Дмитриевич Поливанов был зачислен в списки «врагов народа» и арестован.

Долгое время повод для его ареста оставался для всех загадкой. Но версий и слухов было предостаточно. По одной из них Поливанов был арестован как «троцкист», ибо некоторое время работал под началом Троцкого, даже писал стихи, посвященные Льву Давидовичу. По другой – причиной ареста стали знакомство и связь с Бухариным по линии Коминтерна. Третий «слух» проводил связь ареста Евгения Дмитриевича с делом известного партийного работника Узбекистана Акмаля Икрамова (хотя Икрамов был арестован позже, в сентябре 1937 года).

Е. Д. Поливанова перевезли из Фрунзе в Москву в конце 1937 года. А уже 25 января следующего года «чрезвычайная тройка» приговорила профессора к расстрелу, который и был приведен в исполнение на следующий день. Точное место его захоронения неизвестно, но, по имеющимся свидетельствам, Евгений Дмитриевич был упокоен на расстрельном полигоне в районе бывшего совхоза «Коммунарка» Московской области. Посмертная реабилитация состоялась по решению Пленума Верховного суда СССР 3 апреля 1963 года. Спустя годы после гибели Поливанова его близкий друг – писатель и литературовед Виктор Шкловский – написал о нём: «Поливанов был обычным гениальным человеком. Самым обычным гениальным человеком».

Имя Е. Д. Поливанова в Узбекистане не забыто. В 1964 году в Самаркандском университете состоялась научная конференция «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова», на которой был раскрыт и объективно оценен огромный вклад ученого в общее и частное, в том числе и узбекское, языкознание. А через четверть века самаркандский профессор В. Ларцев, собрав и обобщив имевшиеся в государственных и частных архивах документы о гениальном лингвисте, издал в Москве монографию «Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности». В 1990 году в Ташкенте была проведена еще одна научная конференция – «Язык и словесность», посвященная 100-летию со дня рождения великого ученого. Сбылись слова русского писателя Вениамина Каверина, сказанные им в 1984 году: «И сам Е. Д. Поливанов, и то, что он сделал, и его судьба – необыкновенны и должны войти в историю русской науки».

ПОЭЗИЯ

Раим ФАРХАДИ

Заслуженный деятель культуры Узбекистана, кавалер ордена «Дустлик». Родился в 1942 г. Популярный поэт, сказочник, переводчик, журналист. Член творческого объединения Академии художеств и член СП Узбекистана, главный редактор экологического журнала «Родничок» («Булоқча»).

Песни и посвящения**Крылья ангела**

Невыдуманная история, произошедшая на исходе 1960 года и описанная в рассказе Иосифа Бродского «Путешествие в Самарканд», рукопись этого произведения не сохранилась.

Он хотел бы стать Ангелом.
Но для этого юноше
Нужен был обязательно
Небольшой самолет,
На котором он мог легко
Улететь в страны южные,
Над границей крыльями
Растопить неба лед.

Он хотел бы стать Ангелом –
И с мечтой коммунальной
Аппарат свой летательный
Проискал целый год.
Друг его отговаривал:
«Ты пойми, мы не в Англии,
Этот номер опаснейший
У нас не пройдет.

Даже если сумеешь ты
Отыскать поле взлетное,
Где стоят «Кукурузники» –
Воплошенье мечты –
Подойдешь невидимкою
К ним спокойной походкою,
Там тебя заскорузные остановят посты».

Хмурой осенью позднею,
Дым пуская колечками
И любуясь из тамбура,
Как вороны галдят,
С другом ехал на поезде,
Выбрав точкой конечную
Воплощение вечности –
Город-сад Самарканд.

Самолеты дошатые
 До единого вычислил
 И уже представлял себе,
 Как на крыльях летит.
 Пиджачок свой единственный
 И ботиночки вычистил,
 И в тетрадку записывал
 Строки юный пиит.

Он хотел бы стать Ангелом.
 Но каким? Нет, не мшения,
 Херувимом-хранителем
 Неприкаянных тех,
 Кто на верную смерть в бою
 Шел в рядах ополчения,
 Присягая вождям-лжецам,
 Им простив смертный грех.

Вы, конечно, узнаете
 Его имя со временем.
 А пока что события
 Лишь качали вагон.
 Схож с Икаром по внешности,
 Хоть рожден был евреями.
 А в общении с музами –
 Пушкин и Апполон.

Рассказал проводник ему
 Байку про архитектора.
 Про того, что прославился
 В Ренессанса года.
 Только крылья спасли его,
 Ловеласа отпетого,
 С минарета высокого
 Улетел он тогда.

Проводник чай заваривал:
 «Ваши планы заманчивы.
 Даже не охраняется
 Местный аэродром.
 Летчик – брат мой двоюродный
 И зовут его Хачиком.
 Дашь ему ассигнацию,
 Отвечает добром».

Самарканд, Самарканд ночной
 Второпях не заметили:
 Купола в стылой хмурости
 И – сквозь дождь проливной –

Что бубнили сапожники,
 Смуглолицые медники,
 Продавцы острых пряностей
 И торговцы халвой.

Планы, в общем-то, глупые,
 По-мальчишески наглые
 Пресекали там в зародыше
 И не слишком трубя.
 Друг его, носом хлюпя,
 Чтобы выручить Ангела,
 Порадев, как положено,
 Взял вину на себя.

Дали срок ему первому,
 Отпустили брательника,
 Проследить – куда ниточка
 Под конец приведет.
 Запечатали скоренько
 Песнопевца-бездельника,
 Если б знали, какой они
 Разрешили полет!

Он вернулся один домой,
 Повзрослевший, растерянный,
 И не помнил рассказ он свой,
 Что в дороге писал.
 Оказалась тетрадочка
 Где-то в сейфе, наверное.
 Жуткий сейф бронированный –
 Той эпохи оскал.

И почувствовал юноша,
 Окруженный метелями,
 В дальнем северном городе
 Ночью под Рождество!
 Есть пути беспредельные...
 Что не снегом налеплены –
 И растут крылья белые
 За спиной у него!

Вот такая история,
 Совершенно реальная.
 С той поры мир не раз еще
 Посыпался золой.
 Вновь твердите, упорствуя:
 Вы не видели Ангела.
 Поднимите же головы –
 Он летит над Землей...

Цветение миндаля**Романс**

Казалось в юности:

О, как прекрасно
Быть миндалем
И первым расцвести.
Идти на риск,
Не ждать весны приказа,
Когда еще заснежены пути.

Хмарь февраля,
С прогнозами неясно,
И может ночь прибавить седины,
И в след уже звучит:
О, как опасно
Ему цвести,
Быть вестником весны.

Смешаются снежинки с лепестками,
Как в поцелуе, губы опалая...
А утром чудо:
С первыми лучами
Продолжится цветенье миндаля!

Дары

Земные сроки намечает,
И среди множества даров –
Нас всех всевышний разлучает
Для встречи в лучшем из миров.

Подобно Данте Алигьери
То право каждому дано.
И я живу, в свиданье веря,
С тобой, ушедшей так давно.

Кем были – остаются теми:
Мать и отец, сестра, жена.
Не просто призрачные тени –
Звучат родные имена.

И я пройду кругами ада,
Чтобы у края бытия
Душой понять, что в кушах сада
Ты ждешь меня, любовь моя.

Июльская жара

*На гастролях в Бухаре произошла
остановка сердца.*

Из дневника

Сегодня нам за сорок
И двадцать пять вчера.
Такая же в просторах
Евразии жара.
Охватит боль и ярость
Когда в душе твоей
Звучит: «...порвали парус...
Порвали парус...»
И нет вокруг друзей.
Не водка с красным перцем,
Не песня у костра,
Остановила сердце
Июльская жара.
Ты помнишь, Бухара!..
Сколько взрастил великих
И сколько горемык?
Народ наш на ошибках
Учиться не привык.
А надо бы учиться
До колотья в груди.
И слышать знак: «Все чисто», –
Идуших впереди.
Чтоб стал здоров, кто болен
Горячкою времен.
Чтоб стал пшеничным полем
Секретный полигон.
Охватит боль и ярость,
Когда в душе твоей
Звучит: «...порвали парус...
Порвали парус...»
И нет вокруг друзей.
Не водка с красным перцем,
Не песня у костра,
Остановила сердце
Июльская жара.
Ты помнишь, Бухара!..
И если солнца градус
Взлетит за пятьдесят,
Всего-то нам осталось
Пройти и этот ад.
Жив будет слог высокий,
Продолжится полет.
По телефону-сотке
Высоцкий нам поет.

Глаза васильковые

У вас удивительно синие,
Откуда глаза васильковые?
Хоть дуют здесь ветры пустынные,
Спалить все живое готовые.

Шагал «Васильки» свои выдумал
Под небом парижской окраины.
Он синь всю из тюбика выдавил
И чудо представил заранее.

Картина висит над альковами,
Цветов изумляя безгрешностью.
Глаза, что зовут васильковыми,
Считают великою редкостью.

А мне ровно через столетие
В просторах отзывчивой Азии
Искать городов многоцветие
Путями Буре и Каразина¹.

Смотрю: синева изразцовая
От жгучего солнца не вышвела.
Глаз ваших краса васильковая
Меня к ним по улице вывела.

¹ Художники, творившие в Туркестане на рубеже XIX–XX веков.

Счастливый принц Песня-мечта

В неведомой столице
Большой дворец и сад.
За тридцать было принцу,
Точней, за шестьдесят.

И ехали принцессы:
Смотрины плюс обед –
По всем законам пьесы –
Сюда все сорок лет.

Принц что-то долго тянет
И ходит бобылем...
Но он тогда не станет
Великим королем.

На радость королевству,
А может, на беду,
Принц отыскал невесту,
Гуляя раз в саду.

Премилая служанка
Пошла с ним под венец.
Ей принца стало жалко.
И сказочке конец.

Король бредет в покои,
И рядом с ним – жена.
Случается такое
И в наши времена.

Стихи Р. Фархади – сплав современности и истории. И то, и другое выражено, а не названо. В его сюжетном и бессюжетном творчестве много бодрой и точной фантазии, выдумки. Но ради них он не изменяет действительности, не скользит по поверхности фактов. Р. Фархади избегает случайных подробностей. Подробности нужны ему для достижения верности целого. Он ведет свой стих без художочных и вялых рассуждений, и даже от самых бытовых картин исходит веяние свежести.

В лучших своих стихотворениях Р. Фархади – мыслитель, но не рассуждающий, а предлагающий свою судьбу современникам как мысль о времени. Проникнутый духом честности, он не испытывает страха перед прозой, но его строки вовремя уклоняются от нее. Припадая к родной земле, поэт верит, что родники Вселенной неиссякаемы. Р. Фархади стремится писать так, чтобы трудно было отличить, где кончается природа и начинается культура.

Александр МЕЖИРОВ.
(Из предисловия к сборнику «Древо радости и печали»)

литературоведение. литературная критика

**Мухаммаджон
ХОЛБЕКОВ**

Доктор филологических наук, профессор, переводчик, автор многочисленных статей и монографий: «Узбекская классическая литература во французской культуре XVII–XX вв.»; «Переводоведение и переводческая критика»; «Структурное литературоведение»; «Панорама модернистской литературы XX века» и др.

АЛИШЕР НАВОИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ОРИЕНТАЛИСТИКЕ

Творческое наследие великого узбекского поэта и мыслителя Алишера Навои так же бесценно и вечно, как и наследие замечательных представителей мировой литературы Гомера и Данте, Фирдоуси и Ганжеви, Шекспира и Гёте, Пушкина и Толстого. Принадлежавшие перу Навои литературные произведения известны не только на Востоке, но и остаются в центре внимания научной общественности Европы.

Своим бесценным творчеством Алишер Навои внёс огромный вклад в развитие культуры тюркоязычных народов, достиг небывалой славы в прозе и поэзии, сделал все возможное для возвышения тюркского языка. Об этом он с гордостью пишет в своей поэме «Фархад и Ширин»:

*Страстей духовных и высоких мук,
Всем собственным невзгодам вопреки,
Я изложил на языке тюрки...*

(пер. Л. Пеньковского)

Истинной оценке творческого наследия Навои и определения его места в истории мировой цивилизации, безусловно, будет способствовать изучение истории перевода на мировые языки и дальнейшее распространение созданных им произведений. Еще в прошлом веке в исследованиях известных литературоведов В. В. Бартольда, Е. Э. Бертельса, В. М. Жирмунского, А. К. Боровкова, В. Захидова, Х. Сулейманова, Г. Каримова, Н. Маллаева были приведены отдельные сведения о мировой известности и об истории изучения в западном востоковедении творческого наследия Навои, но так и не появилось работы, широко и всесторонне освещавшей переводы, трактовки и интерпретации произведений писателя.

Известно, что в течение XIV–XVIII веков в крупных западных университетах – Сорбонне, Болонье, Кембридже, Оксфорде, Лейдене и других было собрано значительное количество восточных рукописей, что позволило создать первые систематизированные труды, непосредственно опирающиеся на источники. Именно там стали широко изучать как основополагающие учебные материалы произведения великих учёных Востока и древней Греции.

Под влиянием древнегреческой, римской и исламской

цивилизаций с начала XIV века в Италии, а затем в XV–XVIII веках в Испании, Франции, Англии, Германии стали развиваться, процветать и совершенствоваться наука и культура Ренессанса (бессмертные произведения «Божественная комедия» Данте, «Декамерон» Боккаччо, «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле, «Дон Кихот» Сервантеса). В «Великом Темуре» Марло получили отражение и признание восточная философия и восточные сюжеты. В этот же период возникают первые университетские кафедры восточных языков: в XVI веке – в Сорбонне, в XVII веке – в Оксфорде.

Во Франции была создана первоначально названная Королевской, а затем Национальной библиотека, в середине XVII века была создана востоковедческая школа. Премьер-министром Кольбером первые выпускники этой школы Бартоломе д'Ербело де Моленвиль (1625–1695) и Франсуа де Бернье (1620–1681) были направлены в загадочные восточные страны. В результате впечатлений, полученных от этих путешествий и собранных материалов, Бартоломе д'Ербело написал книгу «Восточная библиотека» – свод энциклопедических сведений, извлечённых из рукописей исторических сочинений мусульманских авторов. Франсуа де Бернье написал «Историю последнего государственного переворота Великих Моголов».

Энциклопедическая книга Бартоломе д'Ербело «Восточная библиотека», широко освещавшая жизнь, историю и культуру восточных народов, очень скоро получила признание и популярность не только во Франции, но и во всей Европе, она в течение XVII–XVIII вв. три раза переиздавалась. Создавая свой труд, д'Ербело использовал более двухсот рукописных книг восточных авторов. В библиографии указаны названия трудов ал-Беруни, Авиценны, Давлетшаха Самарканди, Казизаде Руми, Фирдоуси, Рудаки, Мирхонда, Хондемира, Низами, Замахшари и др. Размещённые в алфавитном порядке энциклопедические статьи содержат сведения об Амуре Темуре и созданной им империи, о государстве Захириддина Мухаммада Бабура, о государственной и научной деятельности Мирзо Удугбека, о городах Средней Азии (Самарканде, Бухаре), об учёных и мыслителях Востока. Также, впервые в европейском востоковедении в книге д'Ербело приведены сведения о жизни, деятельности и творчестве великого узбекского поэта и мыслителя Алишера Навои.

К примеру, на странице 99 данной энциклопедии в статье под названием «Алишер» («Alisher») приводится следующее описание: «Его называют Алишер, либо Мир Алишер Навои. Это имя составлено из слов «Али» и «Шер»... Алишер в качестве «везира» достиг большого уважения и влияния в Хорасане. Он был крупным учёным и приятным (красноречивым) в общении человеком. В городе Герате он создал собственную богатую библиотеку и лицом, возглавившим эту библиотеку, назначил своего ученика и последователя Хондемира».

На странице 661 энциклопедии в статье под названием «Навои» («Nevai») читаем следующие строки: «Навои – это псевдоним Низамиддина Мир Алишера, он являлся «везиром» принца Мирзо Султана Хусейна из династии Амира Темура. Навои писал прекрасные стихи и на тюркском, и на персидском языках. Ему принадлежат поэмы «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Сабъаи сайёр» («О семи скитальцах») и «Садди Искандари» («Стена Искандера»). Он написал несколько диванов (сборники стихотворений): «Гараибус-сигар» («Чудеса детства»), «Наводируш-шабоб» («Редкости юности»), «Бадаиул-васат» («Диковины среднего возраста») и «Фавоидул-кибар» («Последние советы старости»). Навои скончался в 609 или 912 году хиджры».

В этой статье французский читатель впервые знакомится с названием поэм, входящих в «Хамсу» («Пятерицу») Навои, а также с названиями четырёх диванов. В статье Бартоломе д'Ербело пропущены названия первой из поэм, входящих в «Хамсу», – «Хайрат-ул аброр» («Смятение праведных») и дивана «Хазоин-ул маоний» («Сокровищница мысли»), а также вторая дата, указывающая на дату смерти поэта, указана неверно. Если не принимать во внимание эти изъяны, то вышеуказанные статьи и очерки в энциклопедии д'Ербело – бесценные источники, впервые ознакомившие

в XVII веке французскую общественность с творчеством Навои.

О творчестве Алишера Навои писал и один из основателей «Школы живых восточных языков» Сильвестр де Саси (1758–1838). Как свидетельствует русский ориенталист М. Никитский, де Саси, используя книги историков Давлетшаха Самарканди и Сом-Мирзы, написал большой труд о жизни и деятельности классиков тюркоязычной литературы. В своей книге он показал многогранность творчества Навои, высоко оценил его заслуги в развитии узбекской литературы, подробно описал жизнь и творческую деятельность поэта и мыслителя, хотя и не всегда был точен в оценке отдельных творений.

Особенно возрос интерес к творчеству Алишера Навои во второй половине XIX века, когда Франсуа-Альфонс Белен (1817–1877), Анри-Павле де Куртейль (1821–1899), Люсьен Бува (1872–1942) и другие учёные начали активно изучать его жизнь и творчество, составлять к его текстам толковые словари, переводить его произведения на французский язык.

Первое и самое значительное оригинальное исследование об Алишере Навои в русской ориенталистике – магистерская диссертация М. Никитского на факультете восточных языков в Санкт-Петербургском университете под названием «Эмир Низамуддин Алишер в государственном и литературном его значении».

Диссертация М. Никитского, тема которой была подсказана интересом к творческому наследию Алишера Навои среди русских востоковедов того времени, достаточно подробно освещает основные биографические факты, почерпнутые из доступных тогда первоисточников, преимущественно из сочинений Сом-Мирзы Давлетшаха и Хондемира, и положительно характеризует творчество Навои.

Пять лет спустя с самостоятельными заметками о жизни и литературной деятельности Алишера Навои выступил французский ориенталист, секретарь-переводчик французского посольства в Стамбуле М. Белен.

Однако ни М. Никитский, ни М. Белен не попытались установить, существовало ли идейное единство в практической деятельности и творчестве поэта, не задавались вопросами о содержании произведений Навои, о характере зависимости его от персидской литературы.

В XX веке изучение творческого наследия Алишера Навои оказалось в центре внимания европейских востоковедов. В 1900 г. французский ориенталист и библиограф Эдгар Блоше опубликовал «Каталог коллекций восточных рукописей на арабском, персидском и тюркском языках», систематизированный библиографом Шарлем Шефером. В нем приводится 16 рукописей А. Навои, хранящихся в Национальной библиотеке Парижа. В 1926 г. Э. Блоше опубликовал свой каталог «Картины на восточных рукописях, хранящихся в Национальной библиотеке». В 1932–1933 гг. был опубликован в двух томах «Каталог восточных рукописей в Национальной библиотеке Парижа». В этом каталоге охарактеризованы уже 35 рукописей Алишера Навои, но высказано достаточно сомнительное суждение о творчестве Навои: «Поэмы Навои не блещут воображением, не светят священным огнем вдохновения божественного искусства, но всегда ограничиваются пассивным подражанием великим поэтам, имена коих были прославлены в анналах персидской литературы». Можно предполагать, что под трескучей риторикой здесь скрыт тот простой факт, что Блоше вообще никогда не читал Навои и довольствовался изучением одних названий его произведений¹.

В 1902 г. на заседании «Азиатского общества» в Париже Люсьен Бува (1872–1942) сделал доклад о новонайденной рукописи Навои «Суждение о двух языках». Текст его доклада был опубликован в «Азиатском журнале» (Париж, 1902, Том 19). В 1926 г. там же публикуется его труд «Эссе о цивилизации тимуридов». В этой статье Бува подробно характеризует социальную, культурную и литературную

¹ Бертельс Е. Э. Навои. Опыт Творческой биографии. – М. –Л., Изд. АН СССР, 1948. С. 82.

жизнь в эпоху Темуридов. Автор подчеркивает, что при написании этого труда он использовал произведения Мирхонда, Хондамира, Давлатшаха Самарканди, Навои, Бабура, также Клавихо, Белена, Вамбери, Броуна и Блоше. Работа Л. Бува состоит из нескольких частей: «Учреждение и социальная жизнь»; «Интеллектуальная жизнь»; «Религиозная жизнь»; «Домашняя жизнь»; «Армия Тимура и его наследников». Наиболее подробно описана «Интеллектуальная жизнь эпохи тимуридов»: научная, культурная и литературная, в частности, творчество персоязычных и тюркоязычных поэтов. Особенно творчество Джами и Навои. В основном Л. Бува опирается на труды своих предшественников – Белена, Броуна и Блоше, поэтому там нет ничего нового. Что касается вопроса об оригинальности произведений Навои, то он допускает еще более грубые ошибки, чем Белен и Блоше. Л. Бува откровенно пишет, что «Махбуб ул-кулуб» («Возлюбленная сердец») – имитация «Саадатнаме» («Книга счастья») Носира Хосрова, «Лисан ут-тайр» («Язык птиц») – перевод «Мантик ут-тайр» («Беседа птиц») Фаридаддина Атгара, а «Хайрат ул-аброр» («Смятение праведных») заимствован из разных источников персоязычных авторов. Свое суждение о творчестве А. Навои Бува не изменил в своей книге «История империи монголов», включающей статью «Эссе о цивилизации тимуридов».

Разумеется, эти суждения – свидетельство того, что эти ученые не отдавали отчета в том, что нельзя ограничиваться ссылками на общность литературных сюжетов и зависимость одних произведений от других без тщательного изучения форм зависимости и условий развития литературных сюжетов. Весьма поверхностно, только на основании внешнего сопоставления, делались решающие выводы. Взяв за образец произведения Низами, Дехлеви и Джами, Навои, во-первых, «усилил в своих произведениях реалистические мотивы, глубже обосновал психологические поступки героев, во-вторых, заострил гуманистическую направленность сюжетов, резче, нежели у предшественников, выразив протест против тех предрассудков и образа мышления, которые сеют зло и вражду между людьми, ограничивают право человека и, прежде всего, женщины на свободный выбор в любви. Последнее на мусульманском Востоке явилось предвосхищением прогрессивных общественных воззрений на много веков вперед»¹.

Замечания Блоше и Бува о творчестве Навои оспаривались известными русскими тюркологами Е. Э. Бертельсом и А. К. Боровковым. А. К. Боровков пишет, что «буржуазная наука ограничивала понятие мировой литературы кругом европейских литератур. Изучение крупнейших восточных литератур вообще протекало случайно и несистематически. Усиление имперских влияний в буржуазном востоковедении еще более ограничивало круг исследований»².

В 20-е и 30-е годы в трудах А. Фитрата, Е. Э. Бертельса, А. К. Боровкова, О. Шафиддинова, Айбека, М. Шейхзаде и др. определился облик настоящего Алишера Навои – поэта, просветителя и гуманиста.

В западноевропейской литературе Л. Арагон, А. Курелла и др. дали высокие оценки творчеству Навои, считая его великим поэтом, просветителем и гуманистом. Они переводили его поэзию, писали о нем исследования, давая правдивую оценку творчеству Навои.

В конце 1955 г. Луи Арагон выпускает книгу «Litterature sovietique», в которой большое внимание уделено национальным литературам народов бывшего Союза, даны краткие биографические и исторические очерки, посвященные жизни этих республик. На страницах, посвященных творчеству Алишера Навои, было написано: «Было бы странно, говоря об Узбекистане, сказать только об эпосах узбеков и каракалпаков. Я много раз говорил, что это страна Алишера Навои. Сегодня это

¹ Яшен К. Великий мастер поэзии // Навои. Стихотворения и поэмы. – Л.: Советский писатель, 1983. – С. 26.

² Боровков А. К. Изучение жизни и творчества Алишера Навои // Родоначальник узбекской литературы. – Ташкент: «Тошкент», 1940. – С. 22.

республика хлопка-сырца Средней Азии со столицей Ташкентом – городом садов».

Л. Арагон дает отпор несостоятельным высказываниям Белена, Блоше и Бува: «в своих главных поэмах Навои следовал путем «Пятерицы» Низами, но ...язык Навои современен в сравнении с его предшественниками, это тюркский язык, на котором говорили от Китая до Босфора». Далее, чтобы подтвердить скромность поэта, чуткость к творчеству друзей и современников, а также оригинальность его произведений, Арагон дает французский перевод строк из поэмы «Фархад и Ширин»:

*Я не Хосров, не мудрый Низами,
Не вождь поэтов нынешних Джами...*

Далее Арагон пишет, что «Навои не только сыграл важную роль в развитии узбекского языка и литературы, но оказал влияние на развитие литератур многих народов Востока. Он – первый поэт узбекского народа, завоевавший мировую известность, ставший братом Пушкина и Шевченко, Низами и Руставели, сидит за одним столом с певцами «Калевала» и «Слова о полку Игореве», за столом народов, где звонко поет свои «Песни воспеваний», и где ему странным образом отвечают далекие голоса Неруды из Чили, Незвала из Праги, кубинца Гильена, испанца Альберти...»¹.

Луи Арагон высоко оценил государственную и политическую деятельность Навои: Навои «как визир, несмотря на свой вельможный титул, был защитником справедливости, внимателен к идеям и жалобам своего народа, он не был демократом, но был прогрессивным человеком, он наслаждался красотой, наукой, архитектурой и поэзией, в этом он ближе стоял к представителям Ренессанса, которых мы сегодня называем людьми прогресса и гуманизма».

Представители Ренессанса (Данте, Петрарка, Ф. Рабле, Шекспир, Сервантес и др.), синтезировавшие интерес к античности с обращением к народной культуре, пафос комического с трагизмом бытия, были действительно близки к демократии и прогрессу. Идеология Навои как поэта, родственного Ренессансу по основным устремлениям своего творчества, раскрывается наиболее полно в его поэме «Фархад и Ширин». Она значительно отличается от предшествующих обработок того же сюжета, послуживших поэтическими источниками для Навои («Хосров и Ширин» Низами). Навои превратил эпизодическую фигуру каменотеса-строителя, соперника шаха Хосрова в любви к армянской царевне Ширин, в центральный и наиболее значительный образ своей поэмы, воплотив в нем гуманистический идеал человека эпохи Ренессанса².

Личность Алишера Навои и его творчество сегодня хорошо известны в европейских читательских и ученых кругах. Ему посвящаются научные статьи и монографии, о нем пишут в авторитетных энциклопедиях, литературных справочниках на французском, немецком, английском языках, публикуются новые переводы произведений великого поэта.

¹ Aragon L. Litteratures sovietiques, 1955, p. 97.

² Жирмунский В. М. Избранные труды. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. – Л.: Наука, 1979. – С. 179.

переводы

МОЯ НЕДЕТСКАЯ ДУША

Повесть

Посвящается дорогому моему отцу Ахмаду, сыну Абдумурода, которого мне не довелось увидеть ни разу, и светлой памяти моей доброй мамы Зайнаб, дочери Сафара.

СМЯТЕНИЕ ЧУВСТВ

У меня есть одно качество – я очень любопытный. Люблю лежа смотреть на голубое небо, думать, почему днем не видно ни одной звезды, откуда берутся облака, почему поспевшие фрукты сами по себе падают. Иногда слышу: «Месяц родился». Интересно, а кто же мама у месяца? Брошенный в небо камень сразу же падает, но почему же солнце, луна и звезды не падают? Все это мне хочется знать. Но никто не отвечает на мои вопросы.

Мои сверстники об этом даже и не задумываются. Они помогают старшим в поле. Выполняют работу по дому. Иногда тряпичным мячом играют в футбол на улице.

И сегодня все пинают мяч.

Осторожно подошел к ним.

– Эй, мечтатель, будешь с нами играть? – крикнул кто-то.

Но я, прислонившись к стене сарая, слежу за игрой. Только игра разгорелась, как кто-то из играющих глянул в сторону заката:

– Урра! Папа идет! – и бросился бежать навстречу отцу.

На какое-то время игра приостановилась. Чуть погодя кучка ребят бросилась к трем-четырем мужчинам, едущим на ишаках, остальные побежали в противоположную сторону.

Все это меня сильно взволновало. Бегущие навстречу отцу Сафарбой, Абдулла и Урингул радостно кричали: «Папа! Папочка!!!»

Сердце наполнилось непонятым чувством. И я... побежал вместе с ними, тоже крича: «Папа! Папочка!»

По дороге успел упасть. Все лицо в пыли и грязи, но, встав, я побежал дальше. Ласково и удобно усадив своих детей перед собой, родители, беседуя друг с другом, продолжали свой путь на ишаках, не обращая на меня никакого внимания.

А я посреди пыльной дороги остался смотреть им вслед. Сердце наполняли боль и разочарование. Никто из них не обратил на меня внимания, даже не посмотрел в мою сторону. Ком застрял в горле, от обиды на глаза навернулись слезы. Я тысячу раз сожалел, что, как собачонка, помчался за детьми.

Какой я глупец, ведь знаю же, что мой отец на войне. Почему я побежал за детьми, неужели я так соскучился по отцу,

**Менглибой
МУРАДОВ**

Поэт, писатель. Родился в 1942 г. в Навоийской области. Окончил Бухарский педагогический институт.

Автор 20 поэтических сборников («Мехр», «Хосиятли кун», «Дийдор»), романов «Гунох», «Савоб» и др., победитель конкурса «Энг улуғ, энг азиз».

что представилось, будто он рядом. Насмешки ребят, удобно устроившихся на ишаках перед своими отцами, глубоко ранили душу. Словно тысячи иголок одновременно вонзились в мое сердце.

Впервые в жизни я почувствовал себя таким униженным.

Я разочарованно смотрел вслед бредущим ишакам, и мне показалось, что все мои мечты-надежды превращаются в пыль, выюшуются следом за ними.

Упав на колени на пыльной дороге, я зарыдал: «Папа, где вы? Папа, я так соскучился по вам!»

Мои односельчане, конечно, не слышали моих стенаний, спокойно продолжая свой путь.

НАДЕЖДА

Мое сердце трепетало, слезы, как кровь, затемняли глаза, я никак не мог успокоиться. Прошло некоторое время. Вдруг послышался мамин голос: «Не мой ли сын сидит тут в пыли?» Подняв голову, я увидел в группе женщин с хворостом на плечах маму и Хадича-опу. Легко было понять, как они огорчены моим состоянием. Только этого мне не хватало.

Мама и Хадича-опа, бросив вязанки дров, бросились ко мне.

– Что с тобой случилось, сыночек? – спросила мама, рукавом вытирая мне слезы и прижимая к себе. – Что случилось?

– У тебя где-то болит? – наперебой спрашивали окружившие меня женщины.

А я... я еле сдерживал себя, чтоб не выложить чужим женщинам, маме и Хадича-опе то, что так терзало меня. Чем больше они жалели меня, тем больше мне хотелось рыдать.

Поняв, что, только исчезнув отсюда, я избавлюсь от вопросов и их внимания, я вскочил и, несмотря на то, что мои латанные-перелатанные дырявые галоши черпали песок, я опрометью помчался в сторону дома, поднимая за собой столб пыли, слыша недоуменные восклицания женщин: «Зайнаб-опа, что же случилось с вашим мальчиком?!»

Прибежав домой, я бросился на край сандала. От рыданий болела голова и опухли веки. В скором времени пришли домой мама и Хадича-опа.

– Сыночек, в чем дело, что же все-таки случилось? – подойдя ко мне и слегка прикоснувшись к плечу, спросила мама.

Я лежал неподвижно. Ни с кем не хотелось говорить, никак не мог совладать с горькой обидой. Перед глазами стояли радостные и счастливые лица детей, прижимающихся к отцам.

– Не томи же ты нас! Скажи, что случилось? – просила Хадича-опа.

– Чем так жить, лучше мне умереть!.. – сказал я, ударив головой о сандал.

– Почему ты так говоришь, сынок? Не говори о смерти без причины! Расскажи, что у тебя за камень на сердце?!

– ...

– Кто тебя так обидел, братик? – спросила Хадича-опа, сама чуть не плача. – Если не нам, то кому ты расскажешь о своей боли?!

– Папа!.. – сказал я и снова зарыдал. Мама растерялась.

– Что? Что случилось с отцом? Пришло «черное письмо»? – спросила она, оглядывая комнату.

– Мама! Где мой папа? – вопрошал я, не отрывая головы от сандала, хоть и знал, что папа еще не вернулся с войны, будто из-за моих переживаний мама может что-то изменить.

– Сынок, ты же знаешь, наш папа на войне. Почему ты меня опять мучаешь? – часто-часто вытирая рукавом платья мокрые глаза, сказала мама.

– Вы постоянно так говорите! Вот уже два-три года прошло, как война закончилась. Почему же нет вестей от папы?

Мама печально притихла. Разговор продолжила Хадича-опа:

– Ты прав. Три года как закончилась война. Может, наш папа сильно ранен и где-то лечится или восстанавливает разрушенные войной города. Я не знаю.

– Если не знаете – не говорите! – не сумев сдержаться, выпалил я. – Мне ваши отговорки не нужны. Мне папа нужен, понятно, папа!

– Не рви мое сердце, сынок. Когда-нибудь и твой папа вернется, – ласково произнесла мама. А потом, серьезно посмотрев на меня, спросила: – Столько времени не спрашивал, а теперь вдруг запричитал о папе?!

Мама была права. Если бы не сегодняшний случай, я, пожалуй, так бы не горячился. Уже покрытая легким слоем ржи память была растревожена насмешками детей и безразличием взрослых. Подумав об этом, я снова начал всхлипывать и плакать:

У мамы, пристально глядевшей на меня, тоже потекли слезы:

– Кто-то тебя унизил, сынок? – спросила она дрожащим голосом.

– Кто, кто... да эти...

Потом, всхлиывая, я подробно рассказал обо всем случившемся. Пальцы непроизвольно сжались в кулак, и я изо всей силы начал бить кулаком по сандалу.

– Ребята смеялись надо мной, дразнили. Я был унижен, растоптан! Лучше умереть, чем пережить это, мама.

Мама, с мокрыми глазами слушая меня, вздохнула и, обняв, прижала к груди. Через некоторое время моя шея стала мокрой от её слез.

В маминых объятиях я немного успокоился. Утихла боль, терзающая изнутри. Плечи перестали вздрагивать, и мама, мягко освободив меня из объятий, начала гладить по голове. Потом они с Хадича-опой как-то странно-странно переглянулись.

– Вот оно что, – глубоко вздохнув, произнесла мама, – теперь я поняла, в чем дело, теперь я поняла. И из-за этого ты, сынок, расстроился? Сидишь, желаешь себе смерти... Вот увидишь, сыночек, бог даст, когда вернется отец, не то что на ишака, а на самого красивого и резвого скакуна тебя посадит, на коня!..

При слове «конь», сердце мое встрепенулось. Я не мог скрыть своей радости:

– Мам, не обманываете? – бросился я опять в объятия мамы.

– Ну почему я должна обманывать? – сказала мама, целуя мое лицо и глаза.

Как-то не верилось маминим словам, хотя мама никогда меня не обманывала. Ведь дома не то что лошади, даже ишака не было! «Где же отец возьмет коня, которого нет?» – подумал я. И потом, взглянув в уставшие глаза мамы, сказал:

– Чем сажать меня на коня, лучше бы папа скорее вернулся, пусть бы посадил меня хоть на ишака дяди Журакула. Мне кажется, ишака найти легче, чем коня.

Услышав эти слова, мама слегка воспряла духом и начала меня утешать:

– Разве конь не лучше ишака, сынок? – сказала она, будто действительно во дворе меня ждет папа с оседланным конем.

Стало спокойно и радостно: сейчас в комнату войдет отец, и мы, взобравшись то ли на ишака, то ли на коня, покатым по кишлаку. А те ребята, которых увезли на ишаках их отцы, с восхищением будут глядеть нам вслед. Глаза мои засветились от яркой картины:

– Конь хорошо, мам! Но сейчас мне подошел бы и ишак, – сказал я.

– Почему ты так говоришь, сынок? – поглаживая руками мою голову, возразила мама. – Ну, кто такой ишак перед конем? Погонять его устанешь – «хе-хе». А коню скажешь один раз: «Вперед, родной» – вначале рысцей побежит, а потом как птица полетит. То, что ишак одолеет за день, конь пролетит за час.

Мама так красочно и правдоподобно описывала, что на душе у меня стало празднично и хорошо. И вот в таком приподнятом настроении я мысленно мчался с отцом на красиво снаряженном коне, поглядывая на маму:

– Неужели так прекрасен конь?

– А то как же! – сказала мама, обнимая меня за плечи. Папа приедет – обязательно

твои мечты сбудутся. Посмотришь! На коне не будешь глотать кишлачную дорожную пыль. Еще в таких больших городах побываешь, сынок! Люди с восхищением вслед тебе будут говорить: «Э, да вы посмотрите, это же наш земляк едет!»

– Ох, если бы так! Но откуда папа возьмет коня? У нас не то что коня, ишака ведь нет, мам.

– Да ты, сынок, оказывается, не знаешь. Перед уходом на войну твой папа мне сказал: «Не одного, а сразу двух коней я оставил своему другу-пастуху в Кызылкумах: «Пока не вернусь – ездь на них», – вот так он сказал своему другу. Понял, сынок?»

– Ура! У нас, оказывается, не один, а два коня есть! Здорово! Где же вы? Приезжайте быстрее, папочка! – вскочил я от радости с места.

– А ты что думал, сынок? Ты не огорчайся. Приедет папа – все будет хорошо...

СЕРДЕЧНЫЕ МЕЧТЫ

После этого случая я всячески старался избегать тех людей и детей, которые меня обидели, и при встрече с ними делал вид, что их не замечаю. Очень тяжело, когда в такое время нет близкого человека, с которым можно было бы поделиться. А у меня есть такой друг! Это Сайфиддин. Мы часто встречаемся и ходим в гости друг к другу. У него тоже, как и у меня, отец еще не вернулся с войны. Сайфиддин мягкий, спокойный, безобидный и приветливый мальчик. Мы с ним во многом похожи. У него тоже самая главная мечта – увидеть отца.

Я неохотно выполнял работу по дому, порученную мамой, и вдруг услышал знакомый свист Сайфиддина, затем увидел и его самого входящим к нам во двор. Мы поздоровались, будто не виделись тысячу лет. Наше приветствие перешло, как всегда, в борьбу. Он взял меня за пояс, перебрал через себя. Не желая отстать от него, я тоже, приподняв его, бросил на землю. Немного поборовшись и выпустив таким образом пар, мы успокоились.

Потом мило поговорили о том о сем, и вдруг Сайфиддин прямо спросил:

– Почему ты так нелепо повел себя, зная, что отец на войне?

Я не удивился вопросу Сайфиддина. О том событии он узнал, скорее всего, от матери или от соседей. В кишлаке ведь ничего не скроешь.

– Да так получилось, – сказал я вздыхая.

– Во-первых, зря побежал за ними. Да и они поступили не по-человечески. Когда я услышал про все это от Акбар-аки, мне стало очень жалко тебя, – сказал Сайфиддин, чертя палочкой на земле какие-то линии.

– Сам не понимаю, что со мной случилось. Если б я знал, что так случится, умер бы, не побежал! Очень сожалею об этом. Но что делать? Что сделано, то сделано. Теперь, пока папа не приедет, не буду ни к кому выбегать! – сказал я решительно.

– И правильно сделаешь! – Сайфиддин отбросил палочку в сторону ошхоны, где сидели два воробья. – Наверное, нелегко тебе после всего этого.

– И не спрашивай, – сказал я, опять вспомнив недавний случай. – Нехорошо получилось. Очень нехорошо! Лучше сквозь землю провалиться. Я был настолько обескуражен, что сидел у дороги до тех пор, пока мама с сестрой с работы не возвратились. Как больная лягушка...

– Слышал! Все слышал! – сказал, глубоко вздохнув, Сайфиддин. – Поэтому сегодня и пришел поддержать тебя, дружище!.. Если хочешь услышать мой совет – не переживай. Я тоже через все это прошел. Такое сразу не забудешь. Как вспомню, так снова плакать хочется. Несколько дней не мог в себя прийти.

– Я точно так же поступил, не подумав. Больше это не повторится! А знаешь, Сайфи, что мама мне тогда сказала?

– Что сказала?

– Если вернется мой отец, он будет катать меня не на ишаке, а на разукрашенном

резвом коне. Понял?

– Да не может быть!

– Вот так-то! Не веришь мне?

Сайфиддин улыбнулся, странно посмотрев мне в глаза, и мечтательно задумался.

– Не веришь, да?

– У вас дома не то что коня, ишака даже нет, как же я поверю, – ответил Сайфиддин, оглядывая двор. Двор-то пустой.

– Это он сейчас пустой, а потом... А знаешь, что у отца перед войной не один, а два коня было.

– Ну и мастер же ты сочинять, Мели!

– Это правда.

– Ну, тогда скажи, где же ваши лошади?

– В местечке под названием Кызылкум, он оставил своему другу-пастуху. Так мама сказала.

– Тогда это здорово!.. – глаза Сайфиддина засверкали от радости.

– А ты что думал? Теперь дело за тем, чтоб отец живой-здоровый вернулся домой.

– Всем будет завидно, когда отец тебя на таком коне прокатит!

– Еще бы! Я тоже об этом думал, лишь бы отец приехал.

Сайфиддин посмотрел на меня с завистью и сказал:

– А меня ты прокатишь на коне, Мели?

– А то как же! Я сяду вперед, ты сзади, а посередине папа. Потом поменяемся местами.

– Серьезно?! – обрадовался друг.

– Верь мне. Ведь кроме тебя у меня нет настоящих друзей. Ты сам знаешь.

– Не посадили тебя на своих ишаков другие – не расстраивайся, ведь теперь у тебя есть конь. Держи голову выше!

Глаза моего друга загорелись, он положил мне на плечи руку. Сердце мое растаяло, и я, ушипнув его, сказал:

– Да, Сайфи, если хочешь, одного коня я дам тебе. Когда твой отец вернется, будете вдвоем ездить, – сказал я.

– А отец твой согласится?

– Почему же не согласится? Зачем отцу две лошади? Нам и одной хватит. И потом наши родители тоже, наверное, как и мы, станут близкими друзьями. Разве не так?

– Ты прав. Близкие соседи станут или верными друзьями, или братьями. Если наши родители станут хорошими друзьями, мы в стороне останемся что ли? Будем закадычными друзьями! – сказал Сайфиддин и протянул правую руку.

Я тоже протянул ему руку, наши мысли, грезы-мечты, радость объединились.

И не было на земле детей счастливее нас.

Продолжение следует...

Перевод с узбекского Равиля АШРАПОВА

Равиль АШРАПОВ

Родился в 1966 г. в Навоийской области. Окончил факультет психологии ТашГУ (ныне НУУз). Директор психологического центра «Дурдона», преподаватель НГПИ. Живет в Навои.

возвращение к читателю

Николай ИЛЬИН

Поэт, литературовед, переводчик. Окончил ТашГУ (ныне НУУз). Доцент, автор множества научных публикаций, поэтических сборников: «Первая тетрадь», «По клавишам души», «На кочевьях времен», «Обетованная память», «По стопам листопада». Редактор журнала «Преподавание языка и литературы».

НАМ С ВАМИ ПО ПУТИ...

(Поэзия Геннадия Кима)

Геннадий Ким не рассматривался в нашем литературном сообществе в качестве поэтического лидера, его часто воспринимали как поэта «от сохи», как стихотворца-любителя, хотя едва ли какой-нибудь поэт может не быть любителем. Родившийся в 1933 году, он только в 2002-ом издал свой первый сборник. Нечасто выступал он и перед публикой, тем более на престижных литературных собраниях. Время показало, что творчество Г. Кима имело и сохранило немалое число поклонников, которые находят в его стихах нечто, чего, быть может, не обнаруживалось у более именитых и авторитетных авторов. Силами почитателей его творчества были предприняты и дальнейшие публикации стихотворений поэта. Нам интересно разобраться, чем же собственно привлекает поэзия Г. Кима.

Геннадий Ким – представитель корейского народа, той его части, которая была когда-то насильственно перемещена в Узбекистан. Детская память о земле предков присутствует в художественном сознании автора: «Утро и свежесть, земля моих предков» (45)¹, – пишет он, перефразируя закрепившееся поэтическое определение Кореи как «страны утренней свежести».

Воспитанный на русской культуре, поэт во многих стихотворениях дает нам почувствовать значимость и объединяющую роль этой культуры. При этом Узбекистан воспринимается им как Родина, а не просто страна проживания. Такое мироощущение присуще почти всем некоренным жителям нашей страны, часто говорящим и пишущим по-русски, сохранившим в большей или меньшей степени родной язык и принимающим Узбекистан как свою родину. Вспомним, что такое же отношение к Узбекистану было присуще и Народному поэту Александру Файнбергу. Отсюда столь легкое и естественное приятие жизненной позиции Геннадия Кима значительным числом наших читателей и слушателей:

*О, голубая Азия,
Где с детства я живу.
Ты – тихая фантазия,
Ты – сказка наяву! (4)*

Поэтизируя своеобразие узбекской земли, ее народа и культуры, поэт избегает сусальных описаний, набивших оскомину картин страны с минаретами, хлопковыми полями,

¹ Здесь и далее стихотворения цитируются по изданию: Геннадий Ким. Но-стальгия. – Ташкент: изд-во Литературного фонда СП Узбекистана, 2002, 74 с. В скобках указывается страница цитируемого текста.

гостеприимным пловом и чаепитием. Это не Азия приезжего, восхищенного романтика или этнографа, но страна, воспринимаемая изнутри человеком, выросшим и сформировавшимся в ее ауре. Такое восприятие содержит какое-то наивно-детское, первозданное ощущение теплоты земли, принявшей и уберегшей его:

*Алыми лучами солнце в час заката
Золотит верхушки стройных тополей.
Разбрелись по небу облака-ягнята –
Белые отары голубых полей. (3)*

Отчетливо просматривается сознательная переключка с Есениным, представителем той поэтической и человеческой позиции, которая воспринимала европейско-российское и азиатское начала как нерасторжимое единство.

Собственно Азия, горячая сухая страна с присущей ей пейзажной характерностью, также попадает в поэтический объектив поэта, сохраняя при этом некую романтическую описательность, но уже не переходящую в сентиментальность:

*Струятся в мареве барханы,
Звенит оранжевый песок,
Мелькают юркие вараны
В полдневный час у самых ног. (6)*

Лирический герой Геннадия Кима – это простоватый парень с крестьянским прошлым, человек физического труда, переживший непростые времена нашей истории, но сохранивший доброту, веселость и – более того – приобретший устойчивое понимание истинных жизненных ценностей. Очевидно и то, что нелегкая молодость и опыт суровой действительности стали для него своеобразным толчком к творчеству, словно по контрасту с жизненной неустроенностью:

*От житейских неурядиц,
Беготни и суеты
Мы спешим не хлеба ради
В светлый мир, в страну мечты. (28)*

Физический труд – некий первоэлемент труда вообще – остается во взрослой памяти поэта, и нелегкость его вместе с тем является одним из источников самоутверждения лирического персонажа и даже некоторого любования собой:

*На цибуле, на арбузе
Растерял жирок на пузе,
Несмотря на грустный вид,
Стал я строен, как джигит.*

.....
*О, гордись, моя отрада, –
Я теперь мужик что надо.
Не бездельник, не лентяй,
Не какой-нибудь слюняй. (29)*

Иногда стойкость и опыт сурового выживания порождают в лирическом герое насмешливость и браваду, он словно гордится своей непрактичностью и беззаботностью, ибо не в одном только недостатке или внешнем успехе человеческое счастье.

Эта дарованная судьбой и закаленная в испытаниях жизненная сила воспринимается лирическим персонажем как некий эквивалент счастья, которое не в везении, но в жизнестойкости, психологической устойчивости, в осознании своей готовности к преодолению трудностей.

Стоическое довольство малым, наполненность самим ощущением жизни, своеобразное «единение» с состояниями природы оказываются элементами философии внутренней самодостаточности.

Жизненное кредо лирического героя – не сдаваться перед трудностями жизни и не терять оптимизма и бодрости – высказывается подчас с юношеским запалом и бравадой:

*Веселая природа,
Чудесная пора,
Да здравствует свобода!
Вперед, гип-гип ура! (31)*

Однако известно, что все подлинные простаки и примитивисты в искусстве, по крайней мере значимые из них, внутренне не так уж просты и примитивны. В них почти всегда присутствует некое расширительное начало, если не двойное дно, то некая двуплановость – сочетание внешнего простака и внутреннего человека с душевной глубиной и наблюдательностью. Наш автор умеет еще с крестьянской хитринкой и поиграть в примитив:

*Житель провинции и недоучка,
Часто я путаю облачко с тучкой,
Скарб свой домашний – с импортной мебелью,
Гоголя – с Гегелем, Бабеля – с Бебелем.
.....
Не разбираюсь в коттеджах и виллах,
Но понимаю в лопатах и вилах. (38)*

Часто заявляя о себе как о беззаботном простачке и стихийном эпикурейце, он в то же время обнаруживает черты человека вздумчивого, ироничного и ранимого. Так, рядом с оптимистическими сентенциями могут появиться и строки, исполненные печали от наблюдения за изгибами собственной судьбы, глубокая досада на несправедливость жизни:

*Что такое ностальгия?
Грусть по собственной судьбе.
Это значит, дорогие,
Слезы о самом себе. (51)*

Тогда самоуспокоение и бравада оказываются несостоятельными. Иное дело, что и в этом случае жизнь остается прекрасной:

*Но бывает ностальгия,
Как янтарное вино,
Я не знаю, как другие...
Жизнь прекрасна все равно. (51)*

Иронией часто пронизано отношение автора к себе как поэту и к тем, кто снобистски оценивает его простоватые стихи («И опять друзья со стороны // Катят бочку на мои стихи») (17). В поэте нет самоуверенности и оболышения значимостью своего творчества, но он не считает зряшной эстетическую работу своего масштаба: не всем быть великими, и это ложный подход к поэтическому труду: эстетика жизни дается не только «великим», но многим, кто способен понимать и создавать красоту:

*Вы в авангарде, эстеты и снобы,
Взгляд на искусство, конечно, особый...
Как и положено, как и мечтали,
Скоро вы будете на пьедестале.
.....
Запахи хлеба и запахи хлеба
Дороги мне, словно соколам небо...
Не обивать мне чужие пороги,
Не для меня обходные дороги. (38)*

Вместе с тем поэт защищает своего лирического героя, когда его и в самом деле хотят примитивизировать. Простота лирического персонажа не просто черта его характера как следствие природы и сложившихся обстоятельств, это еще и осознанная позиция – залог сохранения исконного, природного, настоящего. Простота и народное начало – основа оценки жизненных явлений человеком, который уже в иной среде и социуме

сберегает свое понимание истинного, условного и ложного. Досадные и завистливые неудачники, тайные мечтатели и любители славы, власти, значительности, богатства вызывают у него насмешливое отторжение. Хотя он готов сам посмеяться над собой, своей простоватостью и непрактичностью, но тут же обнаруживается и гордость человека-труженика:

*Веселый драчун и гуляка,
Я вовсе не лох, не лопух... (67)*

Довольно значительный пласт поэзии Г. Кима – стихи о природе. Восприятие ее как мерила естественности жизни, характерно для многих стихотворений Г. Кима. Именно в общении с природой герой ощущает свою естественность, самодостаточность. Простые составляющие процесса жизни – виденье, слышанье, дыхание, созерцание – оказываются первоценностями бытия:

*В листве запутался веселый ветерок,
Резвится, как дитя, листочками играя.
И листья желтые слетают на песок,
Как в пасмурные дни озябших птичек стая. (5)*

Природа – своеобразный аккомпанемент и катализатор испытываемых чувств:

*Приходит время листопада,
Озябший сад окутан мглой.
Друзья мои, быть может, рядом,
Но не со мной, но не со мной... (18)*

Многочисленные любовные стихотворения, представленные от лица влюбчивого лирического персонажа, создают впечатление, что именно в женщине Г. Ким находит духовность, возвышенность, нравственную и физическую красоту, отзывчивость, простоту и искренность.

Вместе с тем значительное число любовных стихотворений окрашено иронией. В одних случаях истоки этой иронии в том, что лирический герой в своих мечтах и ухаживаниях «замахнулся» на то, до чего, как ему кажется, он не дотягивает сам:

*Тобой люблюсь часто я,
Обиды не храня,
Но смотришь ты, глазастая,
Совсем не на меня. (48)*

В другом случае ирония поэта маскирует понимание того, что его увлеченность именно увлеченность, а не серьезное чувство (он «здурово влюбился»). Проявление искреннего восхищения женщиной, тревожащих, подчас мучительных чувств переплетается с ироничным самонаблюдением, насмешливым взглядом со стороны на самого себя:

*Игра с огнем и тонкое искусство,
И ясный взгляд, и томное чело...
Я одержим большим и светлым чувством,
Вам все равно, но мне не повезло. (44)*

Здесь «ясный взгляд», и «томное чело», «большое светлое чувство» так похожи на трафаретные поэтизмы, пришедшие из литературного прошлого, которыми так охотно пользуются поэтические дилетанты, наивно полагая, что это и приближает их к высокой классической поэзии. Но у Кима все подано через самоиронию, лирический герой как бы говорит не своими словами, но «прикрываясь» литературными трафаретами, «как в таких случаях выражаются поэты...».

Даже ситуативно банальное обретает поэтичность, обрастая простодушной иронией. Так, мечтая о понравившейся несвободной женщине, лирический герой надеется, что в любовном треугольнике и он «имеет шанс». (41)

Следуя поэтам с «народной жилкой», Геннадий Ким явно следует поэтическим традициям Есенина, Твардовского, Некрасова, Кольцова. К Есенину буквально

обращено стихотворение «Говорит со мной Есенин...»(25), эту близость демонстрируют и многие другие стихотворения и строки поэта.

Не афишируя себя как профессионального автора, иногда нарочито подчеркивая свою недоученность и неосведомленность, поэт в то же время вносит в лексический состав текстов отнюдь не простоватые понятия и ассоциации, так среди «вил и лопат» появляются *Семирамида, мадонна, звездный тет-а-тет, Гименей, Эскулап, Рафаэль, Гегель, бедуин* и прочее, словно опровергая игровую упрощенность «жителя провинции и недоучки».

В стихотворениях Г. Кима присутствует не столь частое, но эффектное словотворчество в есенинском духе с сохранением корня слова: «шмелиный гуд», «топочки сизоствольные».

Всей логике создания образа «простоватого» лирического героя соответствует традиционная силлабо-тоническая система в ее устоявшихся размерах.

Интересна работа поэта с рифмой: в строфах-прибаутках с игрой словами он добивается весьма точных повторяющихся созвучий (виллами – вилами; гарнитуром – туром, хворости – хворостом), в других случаях следует современной тенденции расширения рифм за счет более-менее близких созвучий и составных рифм: *паруса – сад, глаза – назад, небес – тебе, утром вы – перламутрово, не надо лгать – надолго, чайлю – печалью, Япония – пони я*. Игра словами и созвучиями часто дополняется постоянной и сквозной рифмами:

*Прима Римма, чудо Римма,
Римма, ты неповторима.
Ты прелестна и без грима,
Жаль, не только мной любима.*

.....
*Постоянно возле Кима
Ты присутствуешь незримо. (32)*

Среди стихотворений Г. Кима немало проходных, написанных по случаю, наивных и даже искусственных. Сказывается недостаточность филологической подготовленности. Но надо отдать должное его своеобразному голосу, его дружелюбию, стойкости и оптимизму, чего так не хватало в очень напряженный период общественных переломов и переустройств. Имеет смысл возвращаться к поэзии Геннадия Кима, ибо в лучших произведениях звучит своеобразный тембр поэта с его внутренней глубиной и иронической простоватостью, он занимает свою нишу среди авторов, а в его лирическом герое мы находим что-то чистое, светлое и обаятельное, с такими людьми легко и надежно:

*Пусть не стали мы великими,
Не взошли на пьедестал,
Но, наверное, безликими
Нас никто не называл. (79)¹*

Я познакомился с Геннадием Кимом незадолго до его ухода. До этого, я неоднократно видел его на наших поэтических вечерах в музее Сергея Есенина. Однажды мы встретились с ним на повороте к зданию музея, и он спросил меня: «Вы, конечно, к Есенину?» Я ответил «Да». «Тогда нам по пути», – сказал он, и мы пошли рядом. Я думаю, что далеко не одному мне, но еще очень многим оказалось по пути с Геннадием Кимом и его поэзией.

¹ Геннадий Ким. Приглашение. – Ташкент, 2009, 100 с.

возвращение к читателю

**Прекрасна жизнь,
пока любовь жива**

* * *

Вы в авангарде, эстеты и снобы.
Взгляд на искусство, конечно, особый...
Как и положено, как и мечтали,
Скоро вы будете на пьедестале.

Житель провинции и недоучка,
Часто я путаю облако с тучкой,
Скарб свой домашний – с импортной мебелью,
Гоголя – с Гегелем, Бабея – с Бебелем.

Путаю часто гарнир с гарнитуром...
Разница в чем между яком и туром?
Не разбираюсь в коттеджах и виллах...
Но понимаю в лопатах и вилах.

Запахи хлева и запахи хлеба
Дороги мне, словно соколу небо...
Не обивать мне чужие пороги,
Не для меня обходные дороги.

Все говорят, что я буйвол упрямый...
Дуй напрямик!.. Что мне кочки и ямы.
Солнечный день ли, хмурый, дождливый –
С глупой улыбкой брожу я счастливый.

С чем сравнить тебя

С чем сравнить тебя, разве с березой.
Или яблоней в белых цветах,
Или, может быть, с утренней розой,
Что купается в первых лучах.

Косы русые, длинные очень.
Золотистые брови дугой,
Светят ласково синие очи,
Словно небо ночное весной.

Я прошел бы сквозь бури и грозы,
Нежный образ твой в сердце храня.
О тебе эти светлые грезы,
Синеокая радость моя.

Геннадий КИМ

(1933–2009)

Родился в Хабаровском крае. В 1937 году семья была депортирована в Ферганскую область. Окончил факультет физвоспитания Ростовского пединститута. Автор двух прижизненных сборников «Ностальгия» и «Золотая долина». Посмертно был издан сборник «Приглашение».

За женщин...

За милых и прелестных женщин
Я поднимаю свой бокал.
С годами Вас люблю не меньше,
Хоть волочиться перестал.

Весною солнце конопато,
И ярче музыка ручья.
Что прятать глазки виновато?
На сабантуе ты – ничья.

Я не завгар, не завгарема,
Я Ваш коллега-педагог,
Хотя без рыцарского шлема,
Но по весне у ваших ног.

Люблю неповторимо-разных.
Ах, как вы нынче хороши.
Восьмое Марта – лучший праздник,
Вас поздравляю от души.

Я поздравляю всех прелестниц
С чудесным праздником Весны,
И возле Вас, признаться честно,
Я не скучаю без жены.

Ностальгия

Что такое ностальгия?
Грусть по собственной судьбе.
Это значит, дорогие,
Слезы о самом себе.

Прошлых лет напоминанье,
Пустота и в горле ком,
И печаль от невниманья,
Одиночество вдвоем.

Это близких осужденье
И родных своих укор,
И забвенье, заблужденье,
И задор, и просто вздор.

Опыт, знанье, пониманье,
И затменье, и склероз.
Это все воспоминанье,
Для чего ты жил? – вопрос.

Но бывает ностальгия,
Как янтарное вино,
Я не знаю, как другие...
Жизнь прекрасна все равно.

* * *

Какая быть может проблема
Рожденному в год петуха?
Я гордый хозяин гарема,
Хотя уже сыплет труха.

Веселый драчун и гуляка,
Я вовсе не лох, не лопух,
Но важная птица, однако,
Поскольку один я петух.

Пока я могу кукарекать,
Пока я на что-то гожусь,
Я Ваш до скончания века,
Курятником очень горжусь.

Два года живя с вами рядом,
Я вас не запомнил в лицо,
Которая курочка-ряба
Снесла золотое яйцо?

Как прежде, душа нараспашку,
Я все еще верю в мечту,
Случайно родился в рубашке,
С серебряной ложкой во рту.

Очарован... жаль окольцован

Очарован... жаль окольцован,
Не смею я смотреть в лицо Вам,
Я отвожу при встрече взгляд,
Хотя я Вам безумно рад.

Земля мне показалась зыбкой,
Когда на днях прошли с улыбкой,
Прошли Вы мимо не спеша,
В смятенье замерла душа.

Моей весны ночные грезы,
Я не могу дарить Вам розы,
Дарить французские духи.
Зато я Вам пишу стихи.

Какая всё-таки Вы прелесть.
Без приглашения в апреле
Однажды к Вам приду на чай,
Простите, как бы невзначай.

О, пери солнечного юга,
Пусть знаем мало мы друг друга,
Хочу сказать, моя звезда,
Пленен я Вами навсегда.

* * *

Я не ропшу, покорный Божьей воле.
Благодарю за добрые слова.
Который год серьезно Вами болен,
Прекрасна жизнь, пока любовь жива.

Я за веселым и невинным флиртом
Сошел с ума, как знойный бедуин.
Не вылечиться мне летучим спиртом,
И вовсе не поможет никотин.

Игра с огнем и тонкое искусство,
И ясный взгляд, и томное чело...
Я одержим большим и светлым чувством,
Вам все равно, но мне не повезло.

Да, мы друзья, согласен, даже очень...
Как говорят, нет худа без добра.
Кто с ангелом общаться не захочет –
Я нашей дружбе бесконечно рад.

В душе усталой легкая досада,
Как облачко вдаль на склоне дня.
Лишь творческие муки мне награда,
Чужой камин уже не для меня.

Простите, если вел я недостойно.
Сотру со лба невольника клеймо.
Теперь могу смотреть на Вас спокойно,
Вручая Вам последнее письмо.

* * *

Вернулся я веселенький,
Под мухую, домой,
И на портрет твой, Оленька,
Направил взор хмельной.

Тобой люблюсь часто я,
Обиды не храня,
Но смотришь ты, глазастая,
Совсем не на меня.

Настроенный лирически
Сию я как во сне,
А профиль твой классический
Двоится на стене.

Твоя прекрасна копия,
Мой милый идеал.
Мечта моя – утопия,
Прошай, оригинал.

Есть у нас такой обычай

Есть у нас такой обычай:
Он уходит за добычей,
Молчалива и строга
Ждет она у очага.

Ей приносят чернобурки
И иных зверюшек шкурки,
Я же милой – потроха,
Да копыта и рога.

Знать, добытчик я неважный,
Потому как пуст бумажник,
Даже близкая родня
Отвернулась от меня.

Говорят, я – неудачник,
Потому как нету дачи,
Нету злата-серебра,
Ни кола и ни двора.

Был я светел, был я весел,
Жил взахлеб и куролесил.
И судьбе наперекор –
Всё такой же до сих пор.

Фантазией, свободной птицей

Фантазией, свободной птицей
Витает в космосе душа...
Я ради Вас, моя царица,
Ограблю небо не спеша.

Накину радугу на плечи
И приколю звезду на грудь,
Кольцо Сатурна – Вам колечко,
Под ноги брошу Млечный путь.

Любить, любить не уставая,
В объятиях нежных замереть,
Познать хочу блаженство рая,
Сойти с ума иль умереть.

Уже без Вас на этом свете
Не проживу, наверно, дня.
Мы на неведомой планете,
Во всей Вселенной – Вы и Я.

литературоведение. литературная критика

**Давлятбек
САЪДУЛЛАЕВ**

Кандидат филологических наук, почетный профессор Кабульского университета и Ургенчского филиала Ташкентской медицинской академии, членкор Российской академии педагогических и социальных наук. Родился в 1947 г. в Ташкенте. Автор многочисленных монографий, учебных пособий, словарей, научных статей. Неоднократно награжден за успехи в преподавательской, организаторской и дипломатической работе.

ГАЗЕЛЬ – ЖЕМЧУЖИНА ПОЭЗИИ

Газель – короткое любовное лирическое стихотворение – появилась в персоязычной литературе уже в XI веке, восходя к любовной песне. Одним из первых ввел этот жанр в письменную поэзию основоположник персоязычной литературы Рудаки (858–941). Известные поэты X века Шахид Балхи, Дакки, Кисаи Мирвази, Рабиа Балхи и другие пробовали свои силы в создании газелей. С момента своего формирования газель исполнялась-пелась или декламировалась – под музыкальный аккомпанемент.

Пройдя через творчество таких выдающихся мастеров стиха, как Масуд-и Салмана, Анвари, Хакани, Камол Худжанди, газель достигла своего высочайшего расцвета в беспрецедентном поэтическом искусстве двух великих лириков – Шейха Саади Ширази (1184–1292) и Хафиза Ширази (1320–1389).

В первой половине XV века газель приобрела широкое распространение. Большой популярностью пользовались газели Ньёматуллаха Вали, Касима ал-Анвары, Исмата Бухараи, Катиби, Хияли Бухараи, Шахи Сабзавари, Озари, Тути, Туси и др.

Во второй половине XV века газель завоевывает ведущие позиции среди поэтических жанров. Знатоки изящной словесности, в том числе и Абдуррахман Джами, называют это время «веком газели».

Классическая газель – это монорифмическое стихотворение, 5–12 двустиший, с парнорифмующимся первым бейтом, который в средневековой поэтологии носит название **мабда** (начало). Последний бейт газели, называемый **хатиме** (завершение), включает в себя литературное имя поэта – **тахаллус**.

Газель – любовно-лирическое стихотворение, описание красоты возлюбленной и переживаний, связанных с неразделенной любовью, – составляет основную тему газели. В газели развиты также гедонические мотивы – прославление вина, красоты природы, радостей жизни:

*Осень... Осыпались всюду листья винограда...
Так же и в жизни людской есть пора листопада.
Стал златоцветным зеленый ковер, и готов он
Вскоре принять серебро из небесного клада.
Сад приумолк... Если слышим глаголы, предлоги,
То назовем их предлогами бегства из сада.
Жить перестала трава до весны; спят деревья, –
До воскресенья из мертвых им выпастья надо.*

*Ныне повсюду колючки свои разбросали
Розы, в которых недавно была нам отрада.
Лишь кипарису несчастье цветов незнакомо:
Он, кипарис, не боится ни ветра, ни града.
Пусть же и он свои листья рассыплет, – я знаю,
Скоро из острых колючек весна будет рада
Новую завязь извлечь, – так Джами, ты из сердца
Острые мысли извлек, ибо в этом награда!*

(пер. С. Липкина)

Абдуррахману Джами принадлежит выражение: «среди жемчугов – разновидностей поэзии – нет жемчужины изящнее и благороднее, чем газель». Большая часть (девять десятых) газелей Джами состоит из семи бейтов (двустушии).

Средневековая поэтология требовала, чтобы каждое двустушии отличалось смысловой и художественной завершенностью, являло собою самостоятельное поэтическое высказывание, дабы стихотворение уподобилось нити, на которую нанизаны прекрасные – каждая сама по себе – жемчужины. Особая песенная мелодичность, изящная лексика, радующая воображение образность, художественная экспрессия – всё это характеризует жанр персоязычной газели.

Газели Джами – это лирическая классика средневековья. Художник большой эмоциональной силы, Джами создал высокие образцы поэзии любви в её земном, человеческом понимании. Мы найдем в его газелях всю гамму любовных переживаний: надежду влюбленного и его отчаяние, самоуничужение и гордость, пылкую страсть и терпение, нежность и гнев:

*В саду словесном соловей таланта, данного Творцом,
В семи двустушиях создает напев живой, созвучий строй.
В любой газели – «Хафт пайкар» хранителя казны Ганджи,
И сто сокровищ смысла в ней, когда сумеешь, ты открой.
Семь бейтов – суть одна газель, а каждый бейт – из двух мисра.
Не возмущайся, что газель зовут «семеркою двойной».
Пусть будет бейтов шесть иль пять, по сути это та ж газель.
Ты вглядывайся в грани строк, следи за тайной их игрой.*

(пер. В. Державина)

Тонкой кистью рисует Джами традиционный образ прекрасной возлюбленной, её затмевающую всё красоту, властность, непостоянство и жестокость, влекущие поэта неизменной надеждой. В окружающей природе поэт видит образные аналоги красоты кумира и своих любовных переживаний. Любовное страдание не лишает газель светлой тональности. Поэт, согласно литературной эстетике времени, сам любит силой своей страсти и муками:

*Кровью сердца без тебя грудь моя обагрена,
И кровавая глаза покрывает пелена.
В плен ты взять меня смогла, но раба не добивай,
Жалок я, но жизнь моя вся тебе посвящена.
.....
Плоти я, Джами, лишен. Скорбный вздох я, долгий стон,
Я рыдающий рубаб, в песне боль моя слышна.*

(пер. Т. Стрепневой)

В то же время любовь для него – праздник жизнеощущения, разделить этот праздник с ним он предлагает и читателю.

Повествование о любовных страданиях во многих газелях не лишено юмористической окраски; заключительный бейт газели, который по традиции поэт обращает к самому себе или подводит в нем итог своему состоянию, звучит чаще всего как забавный пуант – остроумная, иногда неожиданная для читателя концовка.

В лирическом творчестве Джами представлены и самые малые из стихотворных

форм: **рубай** – четверостишия и **фарды** – одиночные бейты.

Четверостишия принадлежат к исконно народным, старейшим формам персоязычной поэзии, по популярности и жизнеспособности не имеющим себе равных. В классической поэзии персоязычных народов, с их высокоразвитой культурой слова и выраженным стремлением к афористичности мышления, жанровая форма четверостишия достигла степени совершенного искусства и пополнила мировую поэтическую сокровищницу. Классическое четверостишие развилось в жанр широкой тематической емкости: любовь, вакхические эпикурейские мотивы, философия жизни, сетования на судьбу – сюжеты и темы рубаи столь многообразны, как и пословицы любого из народов мира.

В творчестве Джами встречается разновидность рубаи – **дубейти**, отличающаяся от рубаи только нестандартным стихотворным размером (**хазаджом**) и иногда самим способом рифмовки.

В еще большей степени афористичность присуща фарду – бейту. **Фард** – это лаконичное, строго организованное поэтическое высказывание, своего рода крылатая сентенция нравственного, социально-этического, дидактического и философского содержания. Такого рода литературные пословицы – **хикматы** – мудрые изречения в поэтической форме – были очень распространены в средневековье. Согласно литературной моде ими обильно уснащали произведения литературы, научные и богословские сочинения, «зеркала» и политические трактаты, дипломатическую и личную переписку, они широко употреблялись в личном общении людей:

*Обретшему бальзам не задавай вопрос,
Какие муки он познал и перенес.
Ты слушай мудрецов и, виноград вкушая,
Не спрашивай о том, в каком саду он рос.*

(пер. Н. Гребнева)

В диванах Джами есть и строфические формы средневековой поэзии, образцы их представлены в собраниях сочинений поэта, изданных в последние годы. Это **тарджибанд**, составленный из нескольких газелей, написанных единым стихотворным размером, каждая из которых имеет свою собственную монорифму: строфы газели заключаются одним и тем же повторяющимся в виде рефрена бейтом. Более усложненное строфическое стихотворение – **таркиббанд**, в котором строфы газели завершаются каждый раз новым бейтом, а завершающие бейты образуют самостоятельную газель. И **мураббаъ** – четырехстрочник – редкий вид строфической газели, где каждая строфа состоит из четырех строк с монорифмами.

Мелодические и эмоциональные строфические стихи близки народному песенному творчеству. Газели Джами вошли в репертуар народных певцов, афористические строки его стихов получили широкое устное обращение как народные пословицы.

Помимо этих распространенных форм средневековой поэзии, Джами творил и в других, более сложных поэтических формах. Читая газели, нельзя не заметить в них некий повторяющийся круг мотивов и образных средств. В этом кажущемся однообразии следует видеть определенную литературную норму эпохи, отличительные черты национальной эстетики восточного средневековья.

Лирика Джами, «нет жемчужины в поэзии изящнее и благороднее которой», предлагает русскому читателю несколько непривычную для него систему художественных ценностей, характерную для национальной эстетики восточного средневековья. Филигранное мастерство Джами-лирика, его глубокая философичность и афористичность, обращенность к сокровенным всечеловеческим чувствам – Любви и Доброте – делают поэзию Мастера актуальной и сегодня:

*Мир наш светом наполнен во все времена,
Человеку в нем радость прозренья дана...*

(пер. Ю. Мальцева)

ПОЭЗИЯ

Давайте жить в гармонии с природой

23 января 2016 года Валентине Николаевне исполнилось 70 лет. Редакция и общественный совет журнала «Звезда Востока» искренне желают юбиляру долгого здоровья и творческого долголетия!

Прекрасная пора

Пробравшись сквозь туманы, льды и бури,
Едва заметным маленьким шажком,
В пути набравшись сил, свой лик не хмуря,
Бежит весна и лесом, и лужком.

Торопится отдать свои богатства
Пчеле и птице, небу и земле.
Несет живому мир, покой и братство.
Так и летать бы на ее крыле!

Деревья расцветают, как невесты,
Наряжен лес в богатый малахит,
Кусты и травы красят свое место,
Цветы любимым дарят женихи.

И солнышко день ото дня добрее,
Благоухает воздух и пьянит.
И птицы в вышине свободно реют,
Небесная лазурь к себе манит.

И радостно сердцам, и чуть тревожно –
Быть может, счастье улыбнется вновь?!
Весною в ложь поверить невозможно,
Во всем живом рождается любовь!

Приход весны – природы обновленье
И наших душ – пусть длится миг добра!
И страха нет – рассеялись сомненья,
Воистину прекрасная пора!

**Валентина
ТИТОВА**

Родилась в 1946 г. в Ташкенте. Окончила Ташкентский государственный институт культуры.

Публиковалась в республиканских альманахах и сборниках поэзии и прозы, в периодической печати: «Вечерний Ташкент», «Учитель Узбекистана», «Правда Востока», «Народное Слово», «Молодежь Узбекистана», «Голос Узбекистана».

Имеет два авторских сборника стихотворений.

О женском счастьее

Счастье в женском понятии
Есть, несомненно, Любовь.
И нет чувства нежнее,
Прекраснее в мире природы.
И во имя Любви
Ощущается вечности зов
К продолжению жизни
Под чистым синеющим сводом.

Как бесценный подарок,
Ее ты не зря бережешь,
Потому и очаг не погас,
И тепло твоим детям.
А опутает праздность
Иль хуже – шлававая ложь,
То впустую и жизнь пролетит –
Не успеешь заметить.

А познав одиночество,
Чтишь окружение друзей.
Их поддержка порою
Важнее родительской ласки.
Жизнь – забавный театр,
И под стать ему был Колизей,
Где на каждую роль
Своя полагается маска.

Счастье в женском понятии –
Это когда тебя ждут
И встречают с улыбкой с порога,
Где ты так нужна и желанна.
И в огромной Вселенной
Свою замечаешь звезду,
Как она освещает твой путь
Даже в дымке туманной.

Госпожа Неожиданность

Госпожа Неожиданность,
Вы – и Вихрь, и Огонь!
Сотворенные издавна,
Струны Лиры чуть тронь –
С них хрустальными звонами
Нежно льются слова,
Благозвучьем наполнены...
И кружит голова!

Госпожа Неожиданность,
Вы – и Страх, и Покой!
Высшим Разумом выдано:
Настежь двери открой!
Чтоб все горести канули –
Встрепенуться пора!
Чтобы люди воспрянули
Не от злата – добра!

Госпожа Неожиданность,
Кто Вы – Друг или Враг?
Жизнь на картах раскидана:
«Берегись...» – шепчет маг.
Но не стану я прятаться –
Рока не избежать.
В Девы Богу не свататься –
Браво Вам, Госпожа!

Не завидуйте

Ты ворвался в мою жизнь, как та весна!
Безоглядно, с безудержной страстью.
Наш божественный роман... он так прекрасен
И подобен наяву волшебным снам.

И пусть всюду говорят – не пара мы,
Будем путь наш отмерять пустою вехой.
Для любви молва людская не помеха –
Этот клад бесценный бережно храним.

Не завидуйте! Лишь тем дается он,
Кто, пробравшись через тернии и кручи,
К роднику припал – так путь его измучил...
И чуть слышно подавил тяжелый стон.

Не напьюсь тобой, источником живым,
В дар мне посланным небесной благодатью!
Как велик и всемогущ миров Создатель
И к тому ж великодушен, знали б вы!

Будет новое созвездие сиять
Над душой, когда-то стынущей под снегом.
Погружаюсь в мир блаженства в томной неге,
Ошутив земную радость бытия.

Священная обитель

ЗЕМЛЯ – наш Дом, Священная Обитель.
Почтение ей следует воздать.
На мир глазами женщины глядите –
Тогда восторжествует Благодать.

Исчезнет Зло и прекратятся Войны,
Несущие страдания и страх.
Ведь мы, земляне, лучшего достойны,
Должны прожить с улыбкой на устах.

Во всем живом есть женское начало:
Так было и продлится на века.
Союз сердец влюбленных повенчала
Божественная сила свысока.

Давайте жить в гармонии с Природой,
Беречь ее, не нанося вреда.
Чтоб рыба обитала в чистых водах,
Могли дышать озоном города.

Земля не выжигалась жгучим зноем,
Без края нива радовала глаз.
Чтоб лес живой стоял сплошной стеною,
И пастушонок с миром стадо пас.

Проявим к ближним больше милосердья,
И дружно собираясь к очагу,
Себе не изменяя в круговерти,
Доверим тайны другу, не врагу.

И будем помнить: в будущем потомки
За злодеянья предков не простят.
Сегодня счета нет процессам громким,
А что же будет сотню лет спустя?

Священная Обитель нам, землянам,
Дар Разума Всевышних Светлых сил.
Во мрак безумный погружаться рано,
Лишь бы Спаситель Мира нас простил...

Валентину Николаевну Титову давно знают в литературных кругах как интересную поэтессу, тонкого лирика, воспеваящего великое чувство ЛЮБВИ в широком понимании: любовь к человеку, к родине, к природе. Ее сердце таит восторг перед золотым обилием восточных базаров, перед яркими красками теплой узбекской земли, перед таинственным пламенем горящей свечи. Поэтесса щедро откликается на всякую красоту, всегда готова выступить перед любой аудиторией, провести концертную программу, ярко представить одаренную творческую личность. Покоряет ее артистизм, обаяние, открытость. Вечера с ее участием в РКЦ, в клубах, на различных концертных площадках и благотворительных акциях интересны и памяты. Она – автор эстетических программ для учащихся лицеев и школ Ташкента.

*Не хочу стареть, мирясь с участью,
Угасая тлеть, жаждой мучиться.*

Сочиня музыку на свои и чужие стихи, она исполняла великолепные вокализы: слово, украшенное мелодией, всегда заставляет вибрировать самые потаенные струны человеческой души.

Валентина Николаевна активно работала в Русском культурном центре, в Общественном литературно-творческом объединении «ИСТОКИ».

Многим она известна как активнейший журналист. Десятки ее статей по вопросам культуры, искусства, литературы, воспитания молодежи в течение многих лет публикуются на страницах газет «Народное слово», «Вечерний Ташкент», «Учитель Узбекистана», «Молодежь Узбекистана», «Правда Востока» и других.

Стихи Валентина Титова пишет давно, они собраны в несколько сборников: «Человек рождается в природе», «Под музыку Любви», «Госпожа Неожиданность», «Осень жизни», «Покой лишь снится», «Откровения», «Вдохновение», «Я песчинка во Вселенной» – и одухотворены, полны радужных и грустных красок, очаровывают и несут мощный энергетический заряд.

Тамара ВАСИЛЬЕВА

литературоведение. литературная критика

**Оксана
ГИБРАЛТАРСКАЯ**

Родилась в 1978 г. Окончила факультет зарубежной филологии НУУз. В 2010 году защитила диссертацию на соискание степени кандидата филологических наук. С 2013 г. работает зав. кафедрой мировой литературы в НУУз.

БУЛГАКОВСКИЙ КОД ЗУЛЬФИКАРА МУСАКОВА

Специфика русской литературы Узбекистана обусловлена в первую очередь уникальным взаимодействием культур. В современных русскоязычных произведениях четко просматриваются и традиции русской классической литературы, и достижения литературы XX века, в частности, творчества М. А. Булгакова.

Структура булгаковского текста рассматривалась с различных точек зрения, при этом особое внимание всегда привлекала композиция романа «Мастер и Маргарита». Сегодня проблема композиции имеет теоретически разработанную концепцию благодаря работам Б. Успенского. В современном литературоведении признается, что булгаковский текст так же, как и пушкинский, гоголевский, является объектом рецепции в различных произведениях. При этом следует учитывать, что сам М. А. Булгаков использовал не только традиции русской и мировой классики, но и автореминисценции: «то, что уже встречалось в ранних рассказах, мы обнаружим в пьесах, а затем в последнем романе»¹. Это обуславливает дополнительные трудности при анализе художественных произведений, но в то же время создает смыслообразующие уровни различного порядка.

В культуре Узбекистана творчество М. А. Булгакова достаточно ярко представлено во всех аспектах: в 1966 г. в № 7 журнала «Звезда Востока» была впервые опубликована пьеса «Блаженство» («Сон инженера Рейна» в четырех актах); издательством «Узбекистан» в 1989 г. были опубликованы избранные произведения; издательством литературы и искусства им. Г. Гуляма в 1990 г. опубликованы под общим названием «Записки покойника» рассказы, повести, а также произведения, не входившие в прижизненные издания, романы «Мастер и Маргарита», «Театральный роман». Составителем последнего издания и автором послесловия был А. Вулис, известный узбекистанский литературовед, статьи которого часто публиковались в журнале «Звезда Востока». Как известно, А. Вулис предпринял первую попытку вызволения из небытия романа «Мастер и Маргарита». В послесловии «Сатира Михаила Булгакова» А. Вулис обосновывает выбор заглавия сборника: "Записками покойника" Булгаков назвал принципиальное для него произведение – мемуарный роман о творчестве».²

В № 2, № 3 за 2015 г. в журнале «Звезда Востока» была

¹ Бабичева М. Е. Стилевые различия эпоса и драматургии в связи с проблемой инсценирования. – М., 1985.

² Вулис А. Сатира Михаила Булгакова // Булгаков М. А. Записки покойника. – Т.: Издательство искусства и литературы им. Г. Гуляма, 1990. – С. 642–652.

опубликована повесть З. Мусакова «Сwineц» с авторским «Вместо предисловия», где он поясняет, что «в полтора часа экранного времени, прежде снятого известного фильма «Сwineц», не удалось вместить весь интереснейший материал, собранный в течение 4 лет, посему автор, не мудрствуя лукаво, изложил его в предлагаемом... произведении»¹.

С точки зрения архитектоники произведение представляет собой 34 самостоятельных рассказа. Рассказчик-персонаж Сиротин так и пишет: «я эти рассказы слегка причесал на трезвую голову» (№ 2, 58), на наш взгляд, речь идет не только о стилистике, что связано с нежеланием передавать стенограмму монолога хмельного человека, но и о профессиональной писательской обработке, которую провел Сиротин, в частности, в области жанра рассказа. Рассказы, которые представляют собой законченные произведения и имеют названия, причем два названия с некоторыми вариациями повторяются. Так, название «Сиротин» используется для 8 рассказов, из которых лишь последний называется «Сиротин. Отец». Интересная игра слов. Шесть рассказов названы «Мой друг Умар», один «Мой друг Умар. 1952» и один просто «Умар», итого тоже 8 рассказов. Такое наименование также подтверждает, что это не главы произведения, поскольку они не могут иметь одинаковые названия, но именно рассказы.

При внешней равнозначности эти два массива рассказов организуют не равнозначные сюжеты. На наш взгляд, всего сюжетов три. Первый образует рамку повести. Это первый рассказ «Боинг 747» и «Эпилог». Последнее название указывает на вынесенность этого сюжета как бы за рамки основного сюжета, поскольку эпилог изображает дальнейшие судьбы героев. Но в формальном эпилоге повести никаких «дальнейших судеб» ни Сиротина, ни Абдуллы нет, хотя есть определенная перспектива в неизвестность: «Больше я Абдуллу не видел» (№ 3, 29). На дальнейшие судьбы указывает независимый от сюжета комментарий: «Я нашел дом Рисолат-опы. Но она год назад умерла. / Мой дядя – полковник МГБ Умар Худояров – трагически погиб 5 марта 1953 года. Похоронен на военном братском кладбище в Ташкенте. / Мой отец – Рашид Худояров – агроном. Его дело было закрыто полковником Рим Марленом 30 марта 1953 г. Как это ему удалось – для меня это тайна. Папа стал доктором наук. Умер он в 1990 году. Похоронен на кладбище Чигатай. / Полковник МГБ Рим Марлен в 1953 году был осужден на 10 лет. Реабилитирован в 1956 году. Женился на Ольге. До пенсии работал учителем труда в школе № 159 в Ташкенте. Умер в 1991 году» (№ 2, 29). Эти сведения, изложенные документально сухо, позволяют вернуться к предшествующим событиям и собрать осколки воедино, поэтому сюжет, связанный с рукописью Рим Марлена, является, на наш взгляд, основным.

Рим Марлен пишет главы «Мой друг Умар» и другие, в которых описываются события, предшествовавшие дате 5 марта 1953 года. Этому сюжету посвящены 22 главы. Кроме того, здесь представлены минимум три поколения семьи Худояровых. Первое – это Умар (полковник МГБ) и Рашид (агроном, доктор наук). Второе – Абдулла Худояров, который летит вместе с писателем Сиротиным. Третье – сын Абдуллы, живущий в Америке и, видимо, довольно обеспеченно, поскольку Абдулла летит на Боинге 747, «на самом большом и умном самолете в мире» первым классом. Абдулла действует в режиме реального времени: летит, пьет, беседует, видимо, только ему могут принадлежать слова «мой дядя», «мой отец». Причем здесь тоже как бы есть композиционная рамка: объяснение Рим Марлена, почему он решил вести дневники («чтобы не сойти с ума»). Несколькими штрихами автор дневников характеризует время и себя: раскулачивание, потеря близких, детдом, рабфак, расстрелы 1938 года, Вторая мировая война – все это в трех небольших главках на полторы страницы. Далее, начиная с главы «Мой друг Умар», он более подробно описывает события, предшествующие смерти Умара. 5 марта 1953 года значимо, эта дата была переломной в истории народа и государства. Но благодаря третьему сюжету, связанному с судьбой Сиротина и его друга Алеши, время растягивается вплоть до настоящего дня.

События третьего сюжета представлены в 10 главах, 8 из которых, как отмечалось выше, называются «Сиротин», хотя акцент намерено смещен в сторону судьбы его друга

¹ Мусаков Зулфикар. Swineц // Звезда Востока № 2, № 3, 2015 г. Все ссылки даются по этому изданию с указанием в скобках номера журнала и страницы.

Алешки. Первая глава начинается словами: «Так я про Алешку», вторая – «Для разогрева я стал рассказывать ему про Алешку», хотя рассказчик сам себе задает вопрос: «Почему о нем, а не о себе? Лучше об Алешке». В рассказах Сиротина привлекает внимание поэтика наименования персонажа, в частности, друга Сиротина. Жена Анна зовет его Алекс, затем рассказчик поясняет: «Сегодня сеть ресторанов «Алекс Николсон» раскидана от Аляски до границы с Мексикой. Алекс Николсон – отец трех баскетбольного роста сыновей, дед кучи внуков» (№ 2, 58), Сиротин постоянно подчеркивает «мой друг Алешка», затем называет его Алексей Николаев: «Получив аттестаты, мы с Алексеем Николаевым неожиданно поступили на журфак МГУ» (№ 2, 59), потом также неожиданно: «Стоял 1967 г. Алешка Николаев был не просто моим другом, а сыном третьего зам. Министра Обороны СССР» (№ 2, 77). Такая орфография представляется нам не ошибкой, поскольку, как известно, в названиях министерств и других учреждений пишется прописная буква только в первом слове и в именах собственных, и два слова, написанные с прописной буквы, в сочетании со всем известной аббревиатурой невольно привлекают читательское внимание. Также довольно непримечательная русская фамилия Николаев сначала не соотносится с англоязычной фамилией Николсон и уж совсем не вызывает ассоциаций с генералом авиации Петром Николаевым, «личным другом Леонида Ильича Брежнева и личным другом и русским братом Президента Объединенной Арабской Республики Гамала Абдель Насера» (№ 2, 77). Опять прописные буквы, подчеркивающие статус представленных лиц, и дважды повторенное словосочетание «личный друг» указывают на катастрофичность ситуации, хотя рассказчик сообщает это с большой долей иронии: «Провал операции под кодовым названием БРАК случился через неделю. Разведчик попадает на мелочах». В контексте данного высказывания непонятно, на каких мелочах попался «разведчик» и кто, собственно, этот «разведчик». Ирония становится горькой, поскольку с легкостью сообщается о довольно трагических событиях: «И это в то самое время, когда доблестные египетские летчики и наши рязанские, оренбургские, владимирские парни на "мигах" и "сухих" вели воздушные бои с израильскими "фантомами" и "старфайтерами"!!! Внимание акцентируется не только на вопросе национальном, но и на связанном с авиацией, поскольку далее эта линия получает развитие и в данном рассказе: «уж много стали загораться... совсем недешевые "Фантомы" и "Старфайтеры"» (№ 2, 78), и в рассказах, связанных со вторым, центральным сюжетом об Умаре Худоярове, который работал на авиационном заводе в Ташкенте, шел на демонстрации, где «группа трудящихся несла большую модель самолета "Ли-2"» (№ 2, 63). Именно на такой модели прилетел из Москвы после встречи в Кремле Умар Худояров. «Ли-2» упоминается также в связи с посещением героем родного завода № 84 им. Чкалова, где выпускали «знаменитые "Ли-2", названные в честь конструктора и директора завода Виктора Лисунова» (№ 3, 19).

Все это образует многослойность композиции и сюжета, что проецируется на сложность и неоднозначность человеческого бытия в разные периоды времени, в то же время один сюжет зеркально отражается в другом и приобретает дополнительные черты. Так, вопрос о «разведчике» поясняется в рассказе, казалось бы, полностью посвященном Сиротину, его творчеству, посредством приема ретроспекции.

Таким образом, при всем различии подходов к расположению компонентов композиции и в романе «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова, и в повести «Свинец» З. Мусакова сохранен главный принцип – свободное перемещение в пространстве и во времени, взаимодействие двух, трех сюжетов, образующих немеханическое целое произведения. В создании этого немеханического целого особую роль играет поэтика заглавия всего произведения. Смысл заглавия также имеет несколько планов: свинец – это позывной Рим Марлена, свинцовый монстр – это потолок Шереметьево-2, это свинцовые пули и на войне, и после нее, «свинцовый век» – век репрессий, расстрелов, постоянного свинцового страха, что заставил людей «закалять нервы» – вытравливать в себе все человеческое. Все намного трагичнее, чем у А. С. Пушкина («Жестокый век – жестокие сердца») и одновременно фарсово. Пушкинский код в «Свинце» связан с проблемой эмиграции и, следовательно, с темой родины: «Мне вообще никогда не хотелось крикнуть в сердцах, как Александр Сергеевич: – Угораздило же меня с моим талантом родиться именно в России!!!» (№ 2, 59).

При этом показан бытовой план рецепции: «Так, капитан хм... Как ваша фамилия? / – Капитан Пушкин, товарищ полковник!!! / – Серьезно? А... – прыснул Умар. / Да, товарищ полковник, Александр Сергеевич мой троюродный прадед...» (№ 2, 79). Обращение к великому поэту по имени и отчеству свидетельствует как бы о личном знакомстве, даже о панибратских отношениях. Глагол «прыснул» обозначает «засмеяться не сдержавшись или в ответ на что-нибудь смешное», что в совокупности с трагической ситуацией убийства, совершенного подростком (17 лет), создает неоднозначную ситуацию: характеризует Умара как образованного человека, знающего не только, кто такой А. С. Пушкин, но и весь спектр бытового осмысления так называемого «пушкинского мифа».

Название повести Сиротина «Записки проходимца» отсылает нас к таким прецедентам в русской литературе, как «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя, «Записки охотника» И. С. Тургенева, «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского и «Записки юного врача», «Записки на манжетах», «Записки покойника» М. А. Булгакова. По поводу названия последнего произведения существует два известных факта: произведение имело заголовки «Записки покойника» и «Театральный роман»; в самом художественном тексте фигурирует название пьесы «Черный снег». Поскольку произведение не было закончено и при жизни М. А. Булгакова не печаталось, в 1965 году в журнале «Новый мир» оно было опубликовано под заголовком «Театральный роман». На английский язык произведение было переведено М. Glenny под названием «BlackSnow» таким образом: «Театральный роман» – «Записки покойника» – «Черный снег». В современном литературоведении только два первых члена этой триады получили научное освещение, при этом существуют кардинально противоположные мнения. Так, Б. Соколов настаивает, что название «Записки покойника» в качестве основного «выступать никак не может»¹, тогда как А. М. Смелянский, В. И. Лосев, Г. А. Лесскис считают заголовок «Записки покойника» главенствующим. Эта проблема в аспекте жанра рассмотрена в статье Е. А. Сакульской «Интерпретация жанра "Театрального романа" в критике». Автор работы приходит к выводу, что вопрос жанровой природы и заглавия этого произведения остается открытым. В аспекте выявления булгаковского кода в повести З. Мусакова «Свинец» мы будем использовать название «Записки покойника».

Так, сцена встречи Сиротина с Оболенским вызывает аллюзии с описанной М. А. Булгаковым встречей писателя Максудова с режиссером Ильчиным. Естественно, что есть некоторые различия. Так, в «Записках покойника» М. А. Булгакова между получением приглашения и встречей перерыв в 8 глав, в которых Максудов рассказывает о судьбе своего романа. В рассказе Сиротина все происходит более стремительно: первую повесть напечатали в «Юности», «никто из критиков не написал ни одной (ни положительной, ни отрицательной) статьи» о его двух книжках в мягкой обложке, третью повесть «Записки проходимца» напечатали в Якутском издательстве «Эрденет» так же случайно, как и роман Максудова. При этом оба писателя вынуждены работать в газете: Максудов – «маленьким сотрудником газеты "Вестник пароходства"», Сиротин – в многотиражке ЗИЛа и «по заданию редакции газеты "Московский железнодорожник"», тогда как его друг Алешка бросил работу «далеко не в последней газете страны "Труд"». И Максудову, и Сиротину предлагают из эпического произведения сделать пьесу. У Максудова это роман, и он уже начал переделывать его в пьесу: «из этого романа вам нужно сделать пьесу! / "Перст судьбы!" – подумал я и сказал: – Вы знаете, я уже начал ее писать». Сиротин давно забыл о своей повести и предложение Оболенского: «Через неделю жду от вас сценарий, а лучше пьесу» (№ 3, 15) воспринимает как возможность «стать хоть кем-то». Но описание творческого процесса («Через час я уже сидел у себя дома и переделывал повесть в пьесу. Действительно, занятие это оказалось достаточно легким. Я снова ожил. Неделю, выключив телевизор и радио, я безвылазно сидел на кухне») убеждает нас в наличии писательского таланта, поскольку творчество воспринимается как жизнь. Затем дан экскурс в прошлое, казалось бы, подчеркивающий утверждение, что рассказчик не любит театр. Но размышления о театре послужили лишь катализатором воспоминаний, потому что они вскрыли особенности характера Алексея, который вполне мог стать «разведчиком», жестоким и

¹ Соколов Б. В. Булгаков // Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003. – 608 с.

расчетливым. Так, в двенадцать лет он шантажом заставил пионервожатую дать деньги и ничего не сообщать директору лагеря, тогда как Сиротин остался безучастным: «Я, раскрыв рот от удивления, встал... как даун-пограничник». Он со знанием дела, «с видом опытного разведчика» рассказывает о приемах вербовки, Сиротин же, «прыская от смеха», делает вид, что верит ему. Факт, что Алексей прогнал друга, рыдал и его рвало, подтверждает, что все это была не шутка. В этом эпизоде дан ключ к пониманию позиции Сиротина. В конце повести он подытоживает: «Я всегда сторонился участия в любых сражениях: в литературных, политических» (№ 3, 27). Невольно задаешься вопросом, что это: аномальный герой, как у Б. Пастернака, решивший соблюдать нейтралитет при любых обстоятельствах, или подпольный творец, как у В. Маканина, утверждающий чистоту творчества отказом от творчества. Следующее высказывание героя расставляет все по местам: «Для меня на всю жизнь самыми мудрыми словами были слова матери перед самой смертью: можно жить достойно и в непристойной стране, а можно быть скотом и в раю». Это подтверждение непоказного патриотизма человека, который не покинул свою страну, а в критической ситуации остался верен своим принципам. Важно, что мать героя произносит свои мудрые слова, находясь в постоянном страхе за сына – ее арестуют как жену врага народа, а его отдадут в детдом. Главной и единственной целью жизни этой женщины было желание вырастить сына и дать ему образование.

Образ матери ненавязчиво присутствует на протяжении всего произведения. Это мать Умара, мать Сиротина, мать Алексея Николаева, мать Анны Каганович, мать Евдокима Очилова Саодат, которая взяла его на воспитание и взяла бы еще, «но одной их не вытянуть» (№ 2, 79). Важно, что мать Алексея рассказчик называет по имени и отчеству: «Мама Алеша Ольга Викторовна была классической женой» (№ 3, 6). Первоначально может создаться впечатление, будто рассказчик подчеркивает разницу в судьбах матери Сиротина, Алексея, Евдокима (по паспорту Абдурахима), Умара, но на самом деле всех их объединяет страх за своих детей и желание вырастить и защитить их. Так, рассказчик подчеркивает, что мать Алексея всегда тревожилась за мужа и не хотела его судьбы для сына, поэтому, когда «Алешка успешно сдал экзамены на журфак, радости Ольги Викторовны не было предела» (№ 3, 6). Важно, что Анну рассказчик не называет матерью, хотя сообщает нам, что у них с Алексеем трое сыновей. С одной стороны, это свидетельствует о не совсем счастливой и правильной жизни Алекса Николсона, осуществившего «американскую мечту», с другой стороны – о разорванности семейных уз. Сам Сиротин с горечью сообщает об отсутствии семьи, хотя у него было две жены, но единственная дочь не желает, чтобы он был дедушкой ее ребенку. Так своеобразно изложена в повести тема счастья.

При этом в повести «Свинец» и в «Записках покойника» фигурирует слово «катастрофа». В «Записках покойника» так называется глава, предшествующая основному развитию событий, связанных с работой Максудова для театра. Это как бы определение всего того, что затем случилось с автором «Записок», тем более что нам уже известен трагический финал, что позволило М. А. Булгакову назвать свое произведение «Записки покойника». В рассказе Сиротина это слово употреблено в прямом значении: «в автомобильной катастрофе» погибает Оболенский, и с ним – все надежды и мечты Сиротина. Есть, конечно же, и переносное значение, если учесть события, предшествовавшие автомобильной катастрофе: попытку Оболенского вручить письмо, адресованное генеральному секретарю.

С точки зрения стиля для произведения З. Мусакова характерен искрометный юмор, например, при описании случая в лагере: «Мы с Алешкой как раз в эту ночь задумали стибрить из колхозной птицефермы двух гусей. Зачем? Что бы мы делали с этими птицами? Такие вопросы двенадцатилетним пацанам задают взрослые, если поймают ворышек, но не сами мальчишки. Возвращаясь обратно в лагерь с двумя мешками, в которых орали обезумевшие гусаки, мы в лесу напоролись на актерско-лагерное скотство. Гуси, воспользовавшись нашим шоком, выскочили из мешков и побежали к себе на ферму...», дальнейшее развитие действия объясняет вставная конструкция: «(более нелепой картины я не видел никогда)» (№ 3, 15). Можно соотнести эту ситуацию с описанием шокового состояния профессора Персикова из повести «Роковые яйца» после открытия им «красного луча»: «...профессор стал одеваться в вестибюле. Он надел серое летнее пальто и мягкую

шляпу, затем, вспомнив про картину в микроскопе, устался на свои калоши, словно видел их впервые. Затем левую надел и на левую хотел надеть правую, но та не полезла»¹.

В «Записках покойника» изумление Ильчина передано следующим образом: «правую рукою стал чесать левое ухо». Приведенные примеры подтверждают положение о том, что юмор предполагает двойственное отношение к своему предмету: в осмеиваемом вполне может заключаться положительное. Эти комические ситуации через почти фарсовое изображение гусей, калош, уха позволяют нам увидеть в персонажах человеческие черты.

Фарсовая ситуация представлена и в самом начале повести, в первом рамочном сюжете, когда показаны обстоятельства встречи Сиротина и Абдуллы. Оттолкнувшись от неверного предположения, безосновательно подозревая попутчика в страшном, Сиротин сам себя загнал в ситуацию животного страха, при этом виновницей он видит Анну: «Ну, спасибо тебе, Анна!!! Удружила». Дальнейшее описание рассказчика-персонажа указывает на то, что обстановка напряжена: нарастание страха, неверная оценка действий таинственного незнакомца. «Потом он нажал кнопку вызова стюардессы. Она подошла. Он ей что-то сказал по-английски. Во мне все обмерло от предчувствия беды – он, наверное, сказал ей, чтобы самолет сменил курс!!! Я вжался в кресло» (№ 2, 56). После этих слов ожидается трагическая развязка, но дальше: «Через две минуты стюардесса принесла ему целую бутылку смирновской водки и легкую закуску». Подчеркнуто сниженный бытовой план, указание на такие детали, как «салями», «красная рыба» и т. п. создают комическую ситуацию от необоснованности опасений пассажиров: «Все в порядке, он не грохнет самолет...».

Подробности условий возникновения молчаливой солидарности между Сиротиным и необычным попутчиком создают необходимую почву для знакомства и обмена мнениями. Упоминание о неслучайности и в то же время мистичности происходящего создает предпосылку для дальнейшего, казалось бы, не связанного действия в 3-х сюжетах, которые переплетаются благодаря многочисленным нитям, соединяющим всех: Умар Худояров перед кабинетом генерального секретаря, получая последние инструкции: «Просьба отвечать на вопросы четко, конкретно и коротко», почему-то вспоминает о матери, что немало удивило Поскребышева. Первое, что пришло на ум герою, когда он вошел в кабинет, это ассоциация со своим дедом: «Мама за год до смерти ее отца, многоуважаемого муллы Рахмона, увидев затылок старика, тихо прошептала: – Дедушка не дотянет до следующей зимы» (№ 2, 71). То же почувствовал герой, увидев затылок Сталина. При этом специально оговаривается, что об этом герой «не говорил никому». Но в разговоре с Рим Марленом он произносит: «Вождь очень стар и болен. До лета не дотянет». Хотя, проводя параллель между своим дедом и вождем, пытается сохранить надежду: «У моего деда тоже был инсульт» (№ 3, 27).

Соединяет судьбы героев всех трех сюжетов отсылка к делу о врачах-вредителях, к «ленинградскому делу», упоминание о жертвах статьи 58, по которой были осуждены родители Ольги и отец Сиротина. Значимо, что стихи, которые так неожиданно в напряженный момент читает Ольга, отказывая Рим Марлену, написаны ее подругой Инной Лиснянской, когда она узнала, что родители Ольги расстреляны в 1938 году. Строки из этого стихотворения стали эпиграфом ко всему произведению. Это еще раз подтверждает центральное место сюжета об Умаре и о событиях, произошедших в Ташкенте. Но при этом пространство всей повести расширено до Аляски, до Якутии, до Нью-Джерси, до Москвы, в развитие действия вовлечены и умирающий от рака «в январе 2013 года» Алекс Николсон, и «Императрица образца 1959 года», и «полная луна образца 1953 года», и воспоминания о моменте «падения на генсека металлических стоек с людьми на авиазаводе в Ташкенте». Все это создает целостную картину человеческой судьбы в разных обстоятельствах, в разное время. При этом вопросы, которые требуют ответа, остаются неизменными – это вопросы нравственного выбора. Именно они позволяют рассмотреть традиционные для литературы темы счастья, дружбы, семьи, свободы, чести, совести. Таковы возможности совмещения сюжетных пластов в прозе.

Еще один аспект, объединяющий проанализированные произведения, – это чувство страха, которое испытывают Григорий Отрепьев и герои М. А. Булгакова и З. Мусакова.

¹ Булгаков М. А. Роковые яйца // Булгаков М. А. Собрание сочинений в 5 т. – М., 1992. – Т. 1. – С. 72–73.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

В РАМКАХ ГРАНТА...

* * *

В рамках гранта фонда Олий Мажлиса «Популяризация культурно-исторического наследия Узбекистана, произведений классической и современной узбекской литературы» редакция журнала «Звезда Востока» **4 марта 2016 года** провела творческую встречу на предприятии ОАО «Охангарон шифер».

Присутствующим на встрече сотрудникам предприятия было рассказано о сегодняшнем состоянии широко известного с давних пор журнала «Звезда Востока», об основных аспектах работы журнала, о современном литературном процессе в Узбекистане.

Участники встречи участвовали в интересной беседе о важности сохранения культурно-исторических, национальных и духовных ценностей посредством литературы; о важности стилистически правильного, адекватного перевода произведений классической и современной узбекской литературы.

От того, насколько точно, грамотно, с учетом современных тенденций отображается национальное культурно-историческое наследие Узбекистана в переводной литературе, зависит его восприятие и оценка носителями иной культуры.

Переводчик с узбекского на другие языки должен в совершенстве владеть как узбекским, так и языком перевода, при этом знать тонкости менталитета, культуру узбекского народа и того народа, на язык которого переводит.

На встрече также обсуждалась необходимость ответственного отношения писателей к выбору тематики, проблематики, к совершенству формы произведений. Современного искушенного читателя сложно увлечь, заинтересовать. Писатель должен суметь сегодня, как никогда, не просто подобрать ключ к сердцу читателя, но сформировать осознание важности знаний о своей культуре, истории, чувство гордости за свой народ, понимание значимости общечеловеческих духовных ценностей.

В заключение на творческой встрече было отмечено стремление журнала «Звезда Востока» не просто отразить современный литературный процесс в Узбекистане, но из огромного количества материалов отобрать лучшие, в которых отражены наиболее значимые явления из культурно-исторического и духовного наследия Востока; способствовать сохранению национальных традиций и духовных ценностей.

* * *

24 марта 2016 года в конференц-зале СП Узбекистана состоялась презентация 1, 2 книги романа-эпопеи Мухаммада Али «Амир Темур Великий» «Джахангир Мирза» и «Умаршейх Мирза» в переводе на русский язык. М. Али и С. Камилловой. Роман-эпопея удостоен Государственной премии.

* * *

2 апреля 2016 года в рамках акции РКЦ, посвященной Наврузу, состоялась встреча редакции и общественного совета журнала «Звезда Востока» с культурной общественностью и работниками Metallургического завода г. Бекабада, во время которой было рассказано о концепции журнала, актуальных задачах, стоящих перед ним сегодня, в числе которых важнейшей является популяризация культурно-исторического и духовного наследия Узбекистана, лучших произведений классической и современной узбекской литературы, что отражено в проекте, представленном «Звездой Востока» для участия в конкурсе на получение государственного гранта (журнал получил грант Олий Мажлиса на 2016 год). Было рассказано об основных журнальных рубриках, способствующих реализации гранта: «Философия искусства», «Духовное наследие Востока», «Караван истории», «Переводы». Поэт и писатель, член общественного совета журнала Лариса Юсупова познакомила присутствующих со своим творчеством и прочитала ряд своих и переводных стихотворений.